

ISSN 2686 - 7133

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВО

1(1) январь-март, 2019

ISSN 2686 - 7133

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И ОБЩЕСТВО**

2019, том 1, № 1

INTERNATIONAL RELATIONS AND SOCIETY

2019, volume 1, No. 1

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВО

Журнал основан в январе 2019 года

2019, том 1, № 1

Международный научный журнал

Учредитель и издатель: Летяева Марина Юрьевна

Адрес издателя: 420008, Россия, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 74953, дата регистрации: 25 января 2019

Периодичность: 4 выпуска в год

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Языки публикуемых материалов:

русский, татарский, английский, немецкий, французский, турецкий, китайский, испанский, итальянский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.А. Летяев – доктор юридических наук, профессор (г. Казань, Россия)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Я.Я. Гришин – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Р.В. Пеньковцев – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- А.И. Абдуллин** – доктор юридических наук, профессор (г. Казань, Россия)
Б.Г. Ахметкаримов – PhD, доцент (г. Казань, Россия)
А.В. Белоглазов – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)
А.Г. Большаков – доктор политических наук, профессор (г. Казань, Россия)
Л.Э. Иликова – кандидат социологических наук, доцент (г. Казань, Россия)
Д.В. Мартынов – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)
Л.Х. Мингазов – доктор юридических наук, профессор (г. Казань, Россия)
М.И. Рыхтик – доктор политических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)
Э.Л. Садыкова – доктор политических наук (г. Казань, Россия)
И.Н. Сенякин – доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)
А.Г. Ситдигов – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)
Р.А. Цунчук – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)
Р.Р. Хайрутдинов – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)
Г.Р. Шайхутдинова – доктор юридических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Адрес редакции: ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117, г. Казань, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 221-33-21, E-mail: irskfu@gmail.ru

Дата выхода в свет: 20.08.2019. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x100 1/16. Тираж 100 экз. Заказ 83/8
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нухина, 1/37, г. Казань, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Редакция не несет ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

INTERNATIONAL RELATIONS AND SOCIETY

The journal was founded in Januar 2019

2019, volume 1, No. 1
International scientific journal

Founders/Publisher: Letyaeva Marina Yuryevna

Publisher's address: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008

The number of the certificate media: PI № FS 77 – 74953, registration date: 25.01. 2019, the shape of the distribution: print media (magazine), territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Languages of published materials: Russian, Tatar, English, German, French, Turkish, Chinese, Spanish, Italian

CHIEF EDITOR

V.A. Letyaev – Doctor of Law, Professor (Kazan, Russia)

SCIENTIFIC EDITOR

Y.Y. Grishin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazan, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY

R.V. Penkovtsev – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Kazan, Russia)

EDITORIAL BOARD

A.I. Abdullin – Doctor of Law, Professor (Kazan, Russia)

B.G. Akhmetkarimov – PhD, Associate Professor (Kazan, Russia)

A.V. Beloglazov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Kazan, Russia)

A.G. Bolshakov – Doctor of Political Sciences, Professor (Kazan, Russia)

L.E. Ilikova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Kazan, Russia)

D.V. Martynov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazan, Russia)

L.H. Mingazov – Doctor of Law, Professor (Kazan, Russia)

M.I. Rykhtik – Doctor of Political Sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

A.L. Sadykova – Doctor of Political Sciences (Kazan, Russia)

I.N. Senyakin – Doctor of Law, Professor (Saratov, Russia)

A.G. Sitdikov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazan, Russia)

R.A. Tsiunchuk – Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazan, Russia)

R.R. Khayrutdinov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Kazan, Russia)

G.R. Shajhutdinova – Doctor of Law, Professor (Kazan, Russia)

Address of editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 221-33-21, **E-mail:** irskfu@gmail.ru

Date of publication: 20.08.2019. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 100 copies. Order 83/8

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge

СОДЕРЖАНИЕ

В.А. Летяев. Международные отношения и общество: вступительное слово Главного редактора журнала	6
Современная мировая политика и международные отношения	7
Я.Я. Гришин, Г.И. Халитова. Сотрудничество России и ЕС в космической отрасли на примере программы ЭкзоМарс	7
Р.В. Пеньковцев, А.В. Андреева. Приоритетные направления германо-американского сотрудничества в начале XXI века	12
Д.Р. Шарафутдинов, А.С. Шумихина. Военно-политическое сотрудничество стран ССАГПЗ: основные векторы развития	18
История международных отношений	33
А.В. Белоглазов. Дипломатическая подготовка к Первой мировой войне в конце XIX века: позиция России	33
Д.М. Коломыц. Могла ли Россия стать страной-победительницей в Первой мировой войне?	44
Р.А. Циунчук. Мемуары митрополита Евлогия (Георгиевского) как источник изучения этноконфессиональных отношений на польско-украинском пограничье на рубеже XIX–XX веков (Холмский вопрос)	49
Я.Я. Гришин, В.А. Летяев. Советско-японские отношения накануне Великой Отечественной войны (по страницам документов)	56
Международная и региональная безопасность	69
Д.М. Коломыц. Сепаратизм в странах Европейского Союза: причины распространения	69
В.Т. Сакаев, А.А. Тимирханова. Проблема беженцев в Ливане как фактор дестабилизации страны	75
Диалог цивилизаций	83
Я.Я. Гришин, В.В. Дуженький. Стратегия национальной интеграции Польши в ЕС и реакция польского общества	83
Б.Г. Ахметкаримов, Р.Н. Надыров. Культурно-этнический фактор в интеграционных процессах на рубеже XX–XXI веков: на примере стран-членов ССТГ	87
Международные экономические отношения	95
А.В. Закиров. Экспансия германского капитала в страны Центральной и Восточной Европы (на примере стран «Вишеградской четверки»)	95
Политическая лингвистика в современных реальностях	106
Д.Б. Гарифуллина. Речевой портрет политического лидера (на материале инаугурационных речей президентов России и США)	106
Т.К. Иванова, Г.В. Матушевская, Л.В. Лазарев. Политический текст как объект лингвистического анализа	112
Сведения об авторах	117
Информационные письма о конференциях	119

CONTENT

V.A. Letyaev. International Relations and Society: Introduction by the Editor-in-Chief	6
Modern world politics and international relations	7
Y.Y. Grishin, G.I. Khalitov. Cooperation of Russia and the EU in the space industry on the example of the program ExoMars	7
R.V. Penkovtsev, A.V. Andreeva. Priority directions of German-American cooperation at the beginning of the XXI century	12
D.R. Sharafutdinov, A.S. Shumikhina. Military-political cooperation of the SSAGPZ: the main vectors of development	18
History of international relations	33
A.V. Beloglazov. Diplomatic preparation for the First World War at the end of the XIX century: the position of Russia	33
D.M. Kolomyts. Could Russia become a victor in the First World War?	44
R.A. Tsiunchuk. Memoirs of Metropolitan Evlogy (Georgievsky) as a source for the study of ethno-confessional relations on the Polish-Ukrainian frontier at the turn of the XIX–XX centuries. (Kholm sky question)	49
Y.Y. Grishin, V.A. Letyaev. Soviet-Japanese relations on the eve of World War II (in the pages of documents)	56
International and regional security	69
D.M. Kolomyts. Separatism in the countries of the European Union: the causes of the spread	69
V.T. Sakayev, A.A. Timirkhanova. The problem of refugees in Lebanon as a factor in the destabilization of the country	75
Dialogue of Civilizations	83
Y.Y. Grishin, V.V. Dujenkiy. The strategy of Poland’s national integration into the EU and the reaction of Polish society	83
B.G. Akhmetkarimov, R.N. Nadyrov. Cultural and ethnic factor in the integration processes at the turn of the XX – XXI centuries: the example of the countries of the CCTS	87
International Economic Relations	95
A.V. Zakirov. Expansion of German capital to the countries of Central and Eastern Europe (on the example of the «Visegrad Four countries»)	95
Political linguistics in modern realities	106
D.B. Garifullina. Speech portrait of a political leader (based on the inaugural speeches of the presidents of Russia and the USA)	106
T.K. Ivanova, G.V. Matushevskaya, L.V. Lazarev. Political text as an object of linguistic analysis	112
About authors	117
Conference Newsletters	119

Дорогой читатель,

представляю вашему вниманию журнал «Международные отношения и общество», первый номер которого вы держите в своих руках.

У его читателя будет возможность ознакомиться с широкой палитрой современного понимания международных отношений: с экспертными мнениями по актуальной мировой повестке уже известных в научном сообществе ученых и с выводами представителей нового поколения ученых, работающих в России и других странах.

В рубрикации и в специализированных номерах журнала читатель сможет увидеть тематические поля для обсуждения международной проблематики, в которой примут участие историки, политологи, юристы, лингвисты, социологи, культурологи.

Редакционная коллегия понимает востребованность обращения к различным аспектам актуального позиционирования международных организаций в обеспечении устойчивого развития и сотрудничества в мире в целом и разных его регионах, рассмотрения практик международного сотрудничества в сфере ядерного разоружения, безопасности в мире.

Мы видим интерес научного сообщества к обсуждению проблематики энергетической безопасности как отдельного аспекта системы международной безопасности, обеспечения развития стран Латинской Америки, перспектив БРИКС, тематики проблем Ближнего Востока в bipolarную и постсоветскую эпохи. И дискуссиям по этим вопросам также будет уделено внимание.

Тематические выпуски будут посвящены и актуальной проблематике построения архитектуры полицентричного мира в аспекте влияния крупных акторов мировой политики, таких как Россия, США, Китай, Евросоюз.

Важное место будет уделено различным аспектам международного права, стоящего сегодня перед лицом новых вызовов, обсуждению актуальной тематики в этой сфере.

Новой силой политического влияния, которая наступательно наращивает свое воздействие как на общество, так и на мировую политику, становится медиа-дипломатия. На страницах журнала можно будет прочитать статьи по политической лингвистике, новым медиа и цифровой дипломатии, актуальным дипломатическим казусам, которые, несомненно, привлекут внимание. Будут рассмотрены также различные аспекты культурной дипломатии в системе международной безопасности, современных реальностях и в ретроспективе мировой политики.

Редакция журнала заинтересована в публикации статей, целью которых являются сближение культур и цивилизаций как универсальной ценности, содействие культурному разнообразию, диалогу культур в интересах устойчивого развития; открытие новых пространств для диалога в науке, интернационализация исследований с целью углубления знаний, понимания условий, способствующих сближению народов, содействию возникновению культурного плюрализма на местном, национальном и региональном уровнях; активное продвижение комплексного восприятия всех аспектов гуманитарного наследия как основы сохранения самобытности, устойчивого развития, межкультурного и межконфессионального диалога.

С наилучшими пожеланиями, *Главный редактор Валерий Летяев*

СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ЕС В КОСМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ ЭКЗОМАРС

Гришин Яков Яковлевич,

*доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.
grishin.42@mail.ru*

Халитова Гульназ Ильдусовна,

*магистрант кафедры международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань*

Аннотация. Перспективным взаимодействием государств на сегодняшний день является космическая отрасль. Российская Федерация и Европейский союз благодаря достигнутым ранее соглашениям претворяют в жизнь программу по исследованию Марса – ЭкзоМарс. Данная программа призвана придать импульс развитию науки и промышленности государств, а также способна расширить горизонты сотрудничества сторон в будущем путем интенсификации контактов.

Ключевые слова: Россия, ЕС, космическая отрасль, сотрудничество, ЭкзоМарс.

Космическая отрасль является предметом сотрудничества государств на протяжении многих лет. Этому способствуют уникальные контакты государств, научный потенциал и стремление постичь необъятное. Развитие инновационных технологий неразрывно связано с деятельностью государства в космосе, так как инновационные технологии проходят апробацию в ходе проведения миссий в открытом космосе. На данном этапе человечество становится свидетелем, как некогда невообразимые технологии вошли в нашу обыденную жизнь, влияя на экономику и социально-гуманитарную сферу, открывая новые горизонты развития. Именно поэтому государства заинтересованы в сотрудничестве в космической отрасли, так как оно предоставляет ряд преимуществ, таких как инвестиции, привлечение большего круга инженеров, научных сотрудников, которые в ходе разработки миссий делятся опытом друг с другом. Между Россией и ЕС подобного рода совместная деятельность началась с подписания соглашения о сотрудничестве и партнерстве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях. Соглашение было подписано между Правительством Российской Федерации и Европейским космическим агентством, являющимся межправительственной организацией. Основополагающими целями данного соглашения являются: «исследование космического пространства, установление долгосрочного сотрудничества сторон для формирования партнерских отношений, использование космических технологий в мирных целях, интенсификация промышленной кооперации»[4].

Основываясь на достигнутом соглашении, Европейское космическое агентство (ЕКА) предложило Федеральному космическому агентству (Роскосмос) участие в программе ЭкзоМарс и совместную реализацию программы. Программа предполагала запуск и высадку аппаратуры на поверхность Марса для изучения атмосферы Красной планеты в 2016 году. Российской Федерации предлагалось содействовать в запуске аппарата ракетой-носителем «Протон», так как Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА, США) отказалось принимать участие в работах по запуску космического аппарата, ссылаясь на нехватку денежных средств. В ходе длительных переговоров европейцам удалось получить согласие со стороны Федерального космического агентства. Руководство российского космического агентства проявило интерес к данному проекту и согласилось участвовать в запуске аппарата, но с определенными условиями. Под условиями подразумевалось, что обе стороны будут действовать на равных условиях, а именно, авторское право будет равно распределено между участниками программы. Российская сторона взяла на себя обязательство осуществить запуск ракеты «Протон» с космодрома Байконур, принимать участие в научных экспериментах, разработке аппаратуры ЭкзоМарс. Все технологические разработки по проекту должны были, согласно договору, осуществляться с привлечением российских специалистов во все группы разработчиков, заседания экспертов, задействованных в программе ЭкзоМарс. Соответственно предложениям российской стороны ее представители должны были быть задействованы не только в создании посадочных платформ, но и в получении данных. Делалось это по тому, что в основе отечественной программы развития космической отрасли лежит идея получения дополнительного импульса для развития отечественной науки и промышленности, отраженной в стратегии развития космической деятельности России до 2030 года [6].

Во время встречи руководителей данных агентств были представлены доклады экспертных групп, которые должны были принять участие в программе ЭкзоМарс. Европейская сторона была представлена Жан-Жак Дорденом, а от российской стороны выступил Владимир Поповкин. Они подписали соглашение о сотрудничестве[5], главной целью которого был назван проект поиска признаков органической жизни на планете Марс. В соглашении были прописаны обязательства сторон. Так, ЕКА обязалось представить аппарат под названием Trace Gas Orbiter (TGO) и модуль Entry, Descent and Landing Demonstrator Module (EDM) для операции, которая должна была быть проведена в 2016 году, а также обеспечить поставку носителя и вездехода для миссии в 2020 году. Это оборудование, предназначенное для поиска и измерения состава атмосферных газов, должно было содействовать в поисках следов биологических процессов на поверхности Красной планеты. В ходе второй миссии оборудование должно быть использовано в качестве базы данных для экспедиции, которая должна состояться в 2020 году. Посадочный модуль должен совершить посадку на планету для проверки слаженности работы всех узлов и агрегатов во время экспедиции 2020 года. Аппарат, разработанный ЕКА, был призван обнаружить доказательства наличия следов органической жизни на Марсе как в предшествующем экспедиции времени, так и в настоящем. Представители Роскосмоса, в свою очередь, обязывались обеспечить полное обслуживание запуска модуля и посадочной платформы. Они взяли на себя обязательства по технологическому обеспечению

запусков на ракете-носителе «Протон». Научные приборы должны были разрабатываться и той и другой стороной на условиях допуска специалистов к их разработке и на основе совместной деятельности. Из четырех приборов аппарата два были разработаны российскими учеными Института космических исследований РАН. Такая кооперация и взаимодействие между представителями России и ЕС должны были получить организационное оформление в создании ситуационного центра по приему данных и их обработки с привлечением экспертов России, ЕС, США.

Руководитель ЕКА Жан-Жак Дорден отмечал, что подписание соглашения имело значимые преимущества для программы ЭкзоМарс. Тогда предполагалось, что исследователи и инженеры двух ведомств будут совместно решать проблемы, что позволит приступить к программе следующих международных космических экспедиций. Для Европейского космического Агентства данная миссия позволит продемонстрировать ключевые технологии, разрабатываемые ведомством, такие как посадка аппарата, его передвижение, и подготовка образцов для анализа, – все это является неотъемлемой частью второй миссии в роботизированном исследовании Марса. Российский руководитель Владимир Поповкин отметил, что проекты подобного масштаба должны реализовываться на основе международного сотрудничества, так как научные исследования в области освоения Марса являются важным вкладом для мирового научного сообщества. Стоит отметить, что Институт космических исследований РАН дал положительную оценку участия России в программе ЭкзоМарс, отметив, что полученные по итогам программы данные могут оказаться ценным источником информации для всего мира. Данная программа будет содействовать развитию научных исследований и проектных работ, что косвенно повлияет на создание наукоемкой индустрии в Российской Федерации и позволит осуществить диверсификацию отечественной экономики.

Во исполнение соглашения, достигнутого агентствами РФ и ЕС, 28 января 2016 года вошло в силу Постановление Правительства Российской Федерации о запуске с космодрома Байконур аппарата «ЭкзоМарс-2016». Акцент в постановлении был сделан на оказание услуг с привлечением сил и средств Минобороны России, а именно «обеспечение правовой защиты интересов государства в отношении, используемых при запуске КА результатов интеллектуальной деятельности, допуск иностранных специалистов на связанные с запуском объекты»[2]. В марте 2016 года был дан старт миссии, с космодрома Байконур аппарат был запущен на Красную планету. В октябре поступили данные о столкновении аппарата с поверхностью Марса. Орбитальный аппарат сохранил свои исходные функции и приступил к исследованию атмосферы Марса. На данном этапе агентства ведут подготовку второго запуска, который запланирован на 2020 год. Аппаратура, которая была запущена в 2016 году, послужит ретранслятором получаемой информации в ситуационный центр на Земле. Россия планирует расширить участие в программе разработкой двух аппаратов, которые будут установлены на марсоходе – это инфракрасный спектрометр ИСЕМ и нейтронный спектрометр АДРОН-РМ – создаются в ИКИ РАН. В апреле 2018 года ИКИ РАН провел встречу с научной группой ЭкзоМарс-2020. Контактная группа провела сверку часов по существующим задачам, стоящим перед учеными, по статусу существующих элементов миссий. Было оценено состояние работ с космическими аппаратами

и приборами. По завершении заседания представители определились с планом работ в ходе подготовки второй миссии.

Российскую Федерацию и Европейский союз связывает многолетнее продуктивное сотрудничество практически во всех сферах общественной жизни. Данный факт подкреплен многочисленными соглашениями, меморандумами, договорами, подписанными в атмосфере взаимного уважения и доверия, именно они развили стремление расширять контакты, где бы то ни было. В последние несколько лет произошли некоторые изменения в отношениях, на фоне политических заявлений, как стран Европейского союза, так и Российской Федерации. В основном точки зрения сторон расходятся по вопросам урегулирования ситуации на Украине. Начало кризиса на Украине и стало отсчетом охлаждения отношений стран ЕС и России. Механизмы взаимоотношений на многих уровнях на сегодняшний день попросту заморожены. А ведь прежде между сторонами шла речь о создании проекта под названием «Единое европейское пространство». Но, несмотря на вышеизложенное, точки соприкосновения существуют и, как ни странно, успешно осуществляются на практике. Примером подобного сотрудничества является космическая отрасль, а именно программа Европейского космического агентства ЭкзоМарс, в котором Российская Федерация принимает активное участие в качестве полноформатного партнера. Несмотря на взаимные санкции, действующие параллельно с данной программой, Совет Европейского союза утвердил поправку, в параграфе № I Регламента об ограничительных мерах в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию на Украине. Поправка гласит, что санкции не должны применяться по отношению к поставкам, продаже или транспортировке гидрозина[8], который используется для испытаний и полета спускаемого космического модуля ЭкзоМарс. Данные поправки явились прецедентом смягчения санкций в отношении Российской Федерации и, возможно, будут иметь положительную динамику на взаимоотношения сторон в будущем. На данном этапе сторонам следует осознать, что конфликтные ситуации приводят к неэффективной совместной деятельности. Потенциал зачастую направлен на деструктивную составляющую, тогда как мог быть импульсом для всестороннего взаимовыгодного сотрудничества. Но вместе с тем существуют случаи, когда конфликтная ситуация приводит к дискуссии и возобновлению отношений с большим взаимопониманием и уважением национальных интересов, чем прежде. Российской Федерации и Европейскому союзу следует произвести анализ настоящего сотрудничества для того, чтобы выделить составные части противоречий и решать их поступательно. Данной цели может послужить создание многопрофильных рабочих групп, которые будут вести взаимодействие на уровне министерств и проводить заседания ежегодно, несмотря на политическую конъюнктуру.

Подписание соглашения по программе ЭкзоМарс между РФ и ЕС оказывает положительную динамику на взаимодействия сторон в космической отрасли таким образом, что даже введение режима санкций в связи с событиями на Украине не могло разорвать подписанные ранее соглашения. На базе совместной деятельности в рамках программы ЭкзоМарс сторонами проделана колоссальная работа, сохранено поле для решения проблем на конструктивной основе, что открывает возможность для развития сотрудничества во всех сферах общественной жизни.

Литература

1. Касьянов Р.А. Сотрудничество России и ЕС в области исследования и использования космоса / Р.А. Касьянов // Московский журнал международного права. – 2014 – 96 (4). – С. 118–129.

2. Распоряжение от 23 января 2016 года № 65-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/VqycyXlrhWJHLA0EomSro21m0vkNY6HX.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).

3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским космическим агентством о сотрудничестве и партнерстве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-1/46235?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%95%D0%92%D0%A0%D0%9E%D0%9F%D0%95%D0%99%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%95+%D0%9A%D0%9E%D0%A1%D0%9C%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%9E%D0%95+%D0%90%D0%93%D0%95%D0%9D%D0%A2%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 20.03.2019).

4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским космическим агентством о сотрудничестве и партнерстве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901900431> (дата обращения: 20.03.2019).

5. Соглашение о сотрудничестве в области исследования Марса и других тел Солнечной системы робототехническими средствами между Федеральным космическим агентством России (с 2016 года Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос») и Европейским космическим агентством (ЕКА) подписано 14 марта 2013 года. URL: http://press.cosmos.ru/sites/default/files/pr_files/iki_ran_2014-02-04_soveshchanie_po_nauchnym_priboram_proekta_22ekzomars22.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

6. Стратегия развития космической деятельности России до 2030 года и на дальнейшую перспективу (проект). URL: <http://knts.tsniimash.ru/ru/src/CenterInfRes/C%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%8F%20%D0%BA%D0%BE%D1%81%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%202030%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).

7. «ЭкзоМарс-2020»/Rover Surface Platform [Электронный ресурс] / Институт Космических исследований РАН. URL: <http://exomars.cosmos.ru/> (дата обращения: 20.03.2019)

8. COUNCIL REGULATION (EU) 2015/1797 of 7 October 2015 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32015R1797> (дата обращения: 20.03.2019).

1. THE EXOMARS PROGRAMME 2016–2020 overview / European Space Agency. – URL: <http://exploration.esa.int/mars/46048-programme-overview/> (дата обращения: 20.03.2019).

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГЕРМАНО-АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Пеньковцев Роман Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент,

доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.

Roman.Penkovtsev@kpfu.ru

Андреева Анастасия Вячеславовна,

*магистрант кафедры международных отношений
Университета Управления «ТИСБИ», Казань.*

Аннотация. Отношения между США и Германией характеризуются асимметриями, которые определяют диапазон действий правительств: континентальное положение США, с одной стороны, включение Германии в европейский мир, с другой. Важность США в мировой экономике и мировой политике и ее размер с тех пор, как была развязана промышленная сила страны. Объединение Германии в эти структуры, в то же время преследуя собственные интересы. Огромная культурная привлекательность США, которая действовала гораздо сильнее на Германию, чем немецкая культура на США. Это два неравных государства с неравными ресурсами власти и часто различными интересами – которые, однако, были прочно связаны в последние десятилетия в группе государств Запада.

Ключевые слова: международные отношения, международная безопасность, США, Германия, ООН, НАТО.

В политической сфере Германия занимает центральное место в европейских делах и играет ключевую руководящую роль в качестве члена «Большой семерки», «Большой двадцатки», Организации Североатлантического договора (НАТО) и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Соединенные Штаты признают, что безопасность и процветание Соединенных Штатов и Германии в значительной степени зависят друг от друга. Будучи союзниками в НАТО, США и Германия работают бок о бок для поддержания мира и свободы. Германия играет важную роль в основной миссии НАТО по коллективной обороне, служа в качестве рамочного государства для расширенного передового присутствия НАТО. Американские и немецкие войска эффективно сотрудничают в операциях НАТО и ООН по всему миру, что частично объясняется совместной подготовкой и наращиванием потенциала на американских военных объектах в Германии. Эти две страны расширили свое дипломатическое сотрудничество до военного сотрудничества, продолжая миротворческие усилия на Балканах и в Африке и работая вместе в целях поощрения развития открытых и демократических государств во всей Центральной и Восточной Европе. Германия была неотъемлемой частью санкционированных ООН международных сил содействия безопасности (МССБ) в Афганистане и является рамочным государством в возглавляемой НАТО миссии Решительной поддержки. Морские силы Германии и США также развернуты для борьбы

с пиратством у берегов Африканского Рога. После терактов 11 сентября 2001 года в США Германия стала надежным союзником США в борьбе с терроризмом и иностранными боевиками [3, с. 214].

В то время как американцы считают отношения с Германией хорошими, все-таки немцы считают по-другому. У американцев и немцев разные взгляды на двусторонние отношения. Как отмечает известный исследовательский центр Pew Research Center в США, 68 % американцев называют отношения "хорошими", только 22 % – «плохими». С другой стороны, немцы называют отношения между своей страной и США «хорошими» только на 42 %, в то время как более 56 % являются большинством противоположного мнения.

Интересно также соотношение важности определенных областей взаимодействия. На вопрос «какая сфера взаимодействия наиболее важна, когда речь идет о германо-американских отношениях?» Около 44 % американцев отвечают, что политика безопасности и обороны наиболее важна, однако всего лишь 16 % немцев отвечают так же. Это означает, что в США Германия рассматривается как важная часть трансатлантической военной организации НАТО, в то время как немцы, по-видимому, не очень с этим согласны.

С другой стороны, 45 % немцев считают трансатлантические отношения важными с точки зрения экономики и торговли, а среди американцев так считают только 33 %. Даже при «общих демократических ценностях» немцы с 35 %-й долей видят значительно более высокий уровень импорта, чем американцы, у которых это всего лишь 21 %.

Несмотря на это, по мнению Меркель, без союза с Соединенными Штатами последние 70 лет были бы гораздо менее успешны для ФРГ. Немецко-американские отношения – это история успеха, по мнению немецких политиков. Вместе с партнерами в Европейском союзе США являются самым важным партнером и самым надежным союзником для Германии. Поэтому регулярные переговоры и рабочие визиты – не только обыденность, но и ценность сама по себе.

Германия и Соединенные Штаты принадлежат к ряду тех же международных организаций, включая Организацию Объединенных Наций, Организацию Североатлантического договора, Совет евроатлантического партнерства, Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, группу 20, группу 7, Организацию экономического сотрудничества и развития, Международный валютный фонд, Всемирный банк и Всемирную Торговую Организацию. Германия также является наблюдателем при Организации Американских Государств.

Экзистенциальное значение партнерства в области безопасности между Европой и Северной Америкой в НАТО для мира, свободы и безопасности снова становится более очевидным. Поэтому крайне важно, чтобы в этом вопросе страны всегда действовали в тесном контакте с немецкими партнерами в Европе и США.

США и Германия нацелены не только на борьбу с общими опасностями, но также на использование возможностей для общего блага. Переговоры по Трансатлантическому соглашению о свободной торговле и инвестициях, ТТИР, представляют собой такую огромную возможность для будущего. Речь идет о разнообразных возможностях для роста и рабочих мест даже в малых и средних компаниях. Это также касается возможностей в области безопасности и здравоохранения для защиты окружающей среды, потребителей и работников. Но прежде всего, это долгосрочная глобальная конкурентоспособность

и возможность совместно устанавливать мировые стандарты для следующего поколения промышленных продуктов. Эти возможности не должны быть игривыми, даже через дебаты, которые отчасти, но больше характеризуются паникой и вводящими в заблуждение лозунгами, чем экспертизой. Там, где есть разные интересы и точки зрения по отношению к США, Германия стремится представлять их в диалоге и переговорах с американскими партнерами.

Уже в 2015 году США стали самым крупным партнером по торговому направлению, обогнав Францию, удерживающую долгое время позицию главного партнера в сфере торговых отношений. За 2014 год внешнеторговый оборот Германии с Соединенными Штатами увеличился на 20 %, а это около 173 млрд евро. Такое изменение произошло в большей степени из-за роста объемов германского экспорта в США на 19 %, что превышает 114 млрд евро. Государства-члены ЕС в совокупности являются крупнейшим торговым партнером Соединенных Штатов, и Германия как крупнейшая экономика Европы находится в центре этих отношений. После Китая и США Германия является третьим по величине экспортером в мире. Каждое четвертое рабочее место в Германии зависит от экспорта, который составил 38,5 % ВВП Германии в 2016 году (в три раза больше доли экспорта в ВВП США).

В качестве сравнения: внешняя торговля ФРГ с Россией в 2014 году снизилась на 24 %. Это произошло ввиду санкций Европейского союза и сокращения потребительского спроса на российские товары из-за экономического кризиса. Не сократился лишь экспорт российских энергоносителей: в 2014–2015 годах, по данным «Газпрома», Германия экспортировала рекордное количество газа из России [2, с. 58].

Что касается американо-германской торговли, то здесь ситуация абсолютно противоположная. Для увеличения экспорта товаров Made in Germany в Соединенных Штатах есть определенное количество факторов. В первую очередь, это продолжающийся в последнее время рост американской промышленности. Ввиду невысоких цен на энергоносители, для Соединенных Штатов выгодно открывать новые предприятия, закупающие оборудование из Германии. Данный вывод сделал глава внешнеэкономического отдела Федерального объединения торгово-промышленных палат Германии (ДИНК) Фолькер Трайер.

Во-вторых, выгодно сказывается для немецких экспортеров ослабление евро по отношению к доллару. «Для американских покупателей важна разница в цене, даже если речь идет о таких элитных товарах, как немецкие автомобили», – комментировал Трайер. В связи со спадом курса евро в данном случае товары из Германии в переводе на доллары становятся дешевле. Более того, немаловажную роль в повышении объемов немецкого экспорта играет развитие экономики США, чему содействует увеличение частного потребления. Американо-германский договор о дружбе, торговле и мореплавании предоставляет американским инвесторам национальный режим и предусматривает свободное движение капитала между Соединенными Штатами и Германией. Налогообложение американских фирм в Германии регулируется протоколом об избежании двойного налогообложения.

Модернизация производств в США увеличивает спрос на продукцию машиностроителей из Германии: технику для добычи полезных ископаемых, оборудование для строительства и запчастей. В 2015 году вывоз оборудования из ФРГ увеличился на 11,2 %, что составляет 16,8 млрд евро, что прописано в материалах Объединения машиностроителей и производителей промышленного оборудования [6, с. 235].

По результатам германских опросов экспортеры стремятся к пролонгации продаж в Соединенные Штаты, несмотря на то, что в 2018 году уровень продаж сократился ввиду слабой конъюнктуры мировой экономики в целом и сокращения инвестиций в добычу сланцевого газа. Несмотря на это, немецкая сторона нацелена на увеличение торговых отношений с американской стороной, в особенности товаров, касающихся автомобильной промышленности и машиностроения.

По результатам исследования Германо-американской торгово-промышленной палаты (GACC), в Соединенных Штатах остается неизменно высокий уровень спроса на товар германских производителей. Самым крупным немецким концерном в США остается Daimler с производительностью в 45,5 млрд долларов.

Представители деловых кругов и экономистов из ФРГ считают, что соглашение о создании зоны свободной торговли между ЕС и США (ТТIP) со всех сторон является выгодным для немецких предприятий и потребителей. С одной стороны, это будет способствовать увеличению спроса на товары Made in Germany в Америке. С другой стороны, ликвидация таможенных барьеров и унификация стандартов промышленности позволят сэкономить большую сумму денег для Германии. Экономия для машиностроителей может достичь примерно 1 млрд евро [4, с. 83].

Тем не менее, некоторые критики выражают опасение, что данное соглашение может привести к сокращению в Европе экологических стандартов и норм защиты прав потребителей. По результатам опроса среди жителей Германии, проведенным немецким Фондом Бертельсмана, практически каждый третий житель ФРГ не поддерживает ТТIP.

Что касается культурного взаимодействия между Германией и США, то можно сказать, что оно разнообразно и включают в себя широкий спектр программ обмена и частных инициатив. Ежегодно сотни тысяч людей путешествуют по Атлантике – как участники многочисленных программ обмена, также как художники, ученые, студенты и как туристы. Германия по-прежнему остается одним из самых популярных направлений для студентов из США. Важную роль в культурном обмене играют более 200 немецко-американских городских партнерств. В 2017 году Берлин и Лос-Анджелес знаменовали 50-летнее партнерство. Для дальнейшего углубления общественного диалога через Атлантику Министерство иностранных дел Германии в сотрудничестве с Институтом Гете и федеральным союзом немецкой промышленности на 2018/19 год Германии в США запустило программу в октябре 2018 года с много-численными событиями в нескольких штатах. Благодаря более 1000 мероприятиям с 200 партнерами должны быть достигнуты договоренности во всех областях культурного взаимодействия с Соединенными Штатами. В течение всего 2018 года проводились мероприятия по различным темам во всех штатах, начиная от свободы, разнообразия, ответственности, миграции, оцифровки и будущего труда вплоть до роли «немецкого наследия», их культуры и образа жизни [5, с. 169].

Соединенные Штаты являются ведущим направлением для немецких старшеклассников, обучающихся за рубежом, с долей 47 %; и Германия является ведущей страной для американских старшеклассников, обучающихся за рубежом, с долей 19 %. Германия является второй по рангу европейской страной происхождения всех студентов международного уровня в Соединенных Штатах.

Правительства США и Германии поддерживают многие двусторонние программы обмена. Немецко-американская программа Фулбрайта является одной из крупнейших в мире двух национальных образовательных программ обмена. Более 40 000 американцев и немцев – студентов, преподавателей, исследователей и профессоров – получили гранты Фулбрайта, дополненные новой краткосрочной программой Фулбрайта, которая подчеркивает культурное разнообразие. Немецко-американская партнерская программа, представляющая собой обмен старшеклассниками, является крупнейшей в своем роде государственной программой. Программа молодежного обмена Конгресс-Бундестаг ежегодно отбирает 700 немецких и американских молодых людей для представления своей нации во взаимных визитах.

Частные секторы США и Германии также являются значительными организаторами образовательного и культурного обмена. Исследование, проведенное Американской Торговой палатой в Германии, показывает, что более 40 % американских предприятий в Германии поддерживают образовательную, экологическую и другую общественную деятельность. Посольство США и частный сектор совместно расширили возможности для обмена студентами из различных аудиторий. Частный сектор вносит свой вклад в краткосрочные учебные программы для преподавателей из бывшей Восточной Германии, базирующиеся в США. Только что был начат новый экспериментальный проект, посвященный добровольчеству и общественному служению. В Соединенных Штатах немецкий бизнес регулярно спонсирует публичную дипломатию посольства, консульств и институтов Гете.

Не менее важную роль во взаимодействии между Германией и США играет область военного сотрудничества. Тесные отношения между вооруженными силами Германии и США характеризуются общими ценностями, двусторонними позициями и совместными учениями и операциями. Немецкие военные взносы в рамках урегулирования кризисов и конфликтов имеют большое значение для США. Таким образом, Германия, по мнению США, является крупнейшим партнером в миссии НАТО в Афганистане. Также вклад Германии в рамках международной коалиции по борьбе с ИГИЛ находит высокую степень признания со стороны США [1].

Германия была и остается для американских вооруженных сил одним из основных мест базирования за пределами США, а это около 34 000 солдат, находящихся на территории Европы. Два единственных, не размещенных в США военных региональных командования Вооруженных сил США (их всего шесть), находятся в Штутгарте (USEUCOM и USAFRICOM). Самый большой военный госпиталь США за пределами своей страны находится в Ландштуле и является первой станцией для раненых солдат США.

И наоборот, солдаты бундесвера в США обучаются в учреждениях Вооруженных сил США, регулярно участвуют в совместных учениях и работают в штабах как в США, так и в Германии. С осени 2014 года должность начальника штаба в армии США в Европе (USAREUR) в Висбадене занимает немецким бригадным генералом, который в течение всей своей службы считается членом Вооруженных сил США.

Также в оборонно-технической сфере существует тесное сотрудничество между двумя странами. Немецкая служба связи по вопросам вооружений

в США, а также ряд должностных лиц связи в крупных американских службах являются выражением интенсивного сотрудничества.

В Ньюпорте, Уэльсе (2014) и Варшаве, Польше (2016) государства-члены НАТО, в частности, приняли решение о пересмотре восточных союзников. Германия и США вносят существенный вклад в это. Они включают в себя присутствие многонациональных военных объединений на ротационной основе в Польше, Латвии, Эстонии и Литве. В рамках этого пред-присутствия НАТО Германия в качестве основы взяла на себя руководство над многонациональным батальоном в Литве. Совершенствование военных навыков и координация учебных проектов в Восточной Европе Transatlantic Capability Enhancement and Training Initiative, ТАСЕТ. Концепция ТАСЕТ разрабатывается и используется как следствие растущего сотрудничества по совместным учениям, интенсивному обмену опытом и дальнейшему развитию процедур развертывания. Тесное сотрудничество с США лежит в основе интересов Германии в области безопасности и продолжается в интенсивном и конструктивном обмене.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что Соединенные Штаты являются одним из самых важных приоритетов внешней политики Германии. Взаимоотношения между трансатлантическими партнерами имеют как двусторонний, так и многосторонний характер. По мере развития европейской интеграции значимость отношений между Соединенными Штатами и Германией определенно снизилась. Несмотря на это, большинство немецких политиков рассматривали эту тенденцию как временную. Оба государства по-прежнему объединяют стратегические цели, что делает их «партнерами в лидерстве», хоть и временами эти связи находятся в перезагрузке из-за особенностей постбиполярного мира.

Литература

1. Американское военное присутствие в Европе и реакция России. Россия. – URL: <http://usinfo.state.gov/usinfo/Archive/2006/May/04-39^25S.html>.
2. Антюшина В.В. Современная Германия. Экономика и политика / В.В. Антюшина, К.К. Баранова, В.Б. Белов. – М.: Весь мир, – 720 с. – 2015.
3. Аяпергенов Р.К. Основные направления внешней политики Германии в XXI веке / Р.К. Аяпергенов. – 2013.
4. Гаевой Г.Е. Проявление американизма в Германии в период администрации Буша / Г.Е. Гаевой. 2013. – С. 82–84.
5. Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель / Н.В. Павлов // Международные отношения. – М., 2012. – С. 800.
6. Терентьев А. «Новый мировой порядок» США или европейское мироустройство / А. Терентьев // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 7. – 375 с.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН ССАГПЗ: ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Шарафутдинов Денис Радиевич,

*кандидат исторических наук, старший преподаватель,
старший преподаватель кафедры международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.*

Шумихина Анастасия Сергеевна,

*студентка кафедры международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.
sfincs_88@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные векторы сотрудничества между странами в рамках ССАГПЗ. Делается акцент на современных вызовах, которые стоят перед странами, и путях решения, которые вырабатываются в рамках диалога между государствами. Планомерное решение вопросов в рамках региональной безопасности делает возможным говорить об эффективности инструментов и механизмов деятельности ССАГПЗ.

Ключевые слова: Ближний Восток, военно-политическое сотрудничество, межгосударственное сотрудничество, ССАГПЗ.

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива был образован в 1981 году шестью монархиями: Саудовской Аравией, ОАЭ, Катаром, Кувейтом, Бахрейном и Оманом. Основные предпосылки создания организации были связаны с вопросами безопасности в регионе, например исламской революцией в Иране, начавшейся в 1978 году, и ирано-иракской войной. Помимо этого, опасения вызывал Израиль, который еще в 1960-е годы заключил секретное соглашение с Ираном об обмене политической и военной информацией, а также вел активные поставки оружия революционерам Ирана [3]. Это вызывало беспокойство у стран Аравийского полуострова, опасавшихся создания ирано-израильского альянса, который мог бы стать еще одним дестабилизирующим фактором в регионе и подорвать и до этого шаткое состояние государств Персидского залива. Кроме того, было еще несколько немаловажных факторов, которые привели страны за стол переговоров для создания единой организации.

Основополагающим документом Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива стал Устав, который был подписан и ратифицирован в 1981 году. Устав заложил основу сотрудничества стран и выделил основные цели и направления коопераций. Хотя и создание ССАГПЗ было обусловлено логичной необходимостью усиления безопасности в регионе и сотрудничества в данной сфере, в целях организации, закрепленных в четвертой статье Устава, говорится лишь о том, что целями ССАГПЗ является сотрудничество внутри организации в различных сферах для достижения единства между странами-участницами, а также укрепление и углубление уже имеющихся отношений. Страны считают приоритетным развитие координации в сфере экономики и финансов, торговли, коммуникации, образования и культуры [18]. Военный фактор был исключен не случайно, страны не позиционировали

организацию как военный блок, и не хотели, чтобы учреждение ССАГПЗ рассматривалось как противовес воюющим Ирану и Ираку [14].

Однако, несмотря на это, военное сотрудничество не было исключено из планов ССАГПЗ. Первое заседание начальников военных штабов стран Совета состоялось уже в 1981 году, на котором были выбраны векторы дальнейшей деятельности [31]. Нужно заметить, что мнения о степени и скорости военного сотрудничества разделились. Особо остро стоял вопрос о возможности участия иностранных государств. Оман и Саудовская Аравия выступали за то, что Совету необходимо сотрудничать с США, однако такая позиция не устраивала другие страны, боявшиеся оказаться в зависимости от сверхдержавы, а особенно Кувейт, имевший в то время тесные отношения с Советским Союзом. В итоге странам удалось договориться о том, что вся деятельность ССАГПЗ должна быть независима от других стран и опираться только на собственные силы. Другой проблемой стало желание Саудовской Аравии ускорить создание Объединенных военных сил и перейти к скорейшему подписанию договора о коллективной безопасности, такое рвение настораживало другие страны, которые боялись усиления Саудовской Аравии. В итоге было принято решение, что сфера военного сотрудничества должна развиваться поэтапно.

В 80-х годах XX века странами были сформированы Объединенные вооруженные силы, получившие название – «Щит полуострова», выработана совместная стратегия обороны стран-членов ССАГПЗ, создана концепция коллективной безопасности.

Однако кризис в Персидском заливе 1991 года продемонстрировал странам ССАГПЗ их слабость в военной сфере и неготовность защитить собственную безопасность. Война за освобождение Кувейта заставила страны задуматься и вновь вернуться за стол переговоров для обсуждения преобразований в военной сфере, так как имеющиеся силы Совета не смогли в полном объеме самостоятельно отстоять независимость региона. Конфликт стал индикатором неготовности стран встретиться лицом к лицу с реальной опасностью и необходимости заручиться поддержкой других государств. Если раньше страны были настроены на изоляцию своего региона и не желали сотрудничать с западными странами, то сейчас в корне пересмотрели свои убеждения и сошлись в едином мнении, что им необходимо заручиться помощью США, других стран Запада и дружественных арабских государств [12].

В первой половине 1990-х годов страны-участницы заключили двусторонние договоры о военном сотрудничестве и совместной обороне с США, Великобританией, Францией и Италией, а Кувейт в 1993 году подписал соглашение о военном сотрудничестве с Россией.

Уже в 1993 году был полностью утвержден план нового военного сотрудничества, а также учрежден орган, отвечающий за него – Высший комитет по контролю за выполнением принятых решений. До 2000-х годов страны-участницы проделали большую работу в сфере развития военного сотрудничества. Были сформированы, а затем усовершенствованы Объединенные вооруженные силы, получившие название – «Щит полуострова», выработана совместная стратегия обороны, создана концепция коллективной безопасности, запущен проект создания объединенных ПВО – «Щит мира» [31].

В 2000 году на XXI сессии Верховного совета в Манаме было подписано соглашение о коллективной обороне, которое ознаменовало новый этап

совместных военных действий путем перехода от периода военного сотрудничества, продолжавшегося два десятилетия, к этапу совместной обороны между странами ССАГПЗ. Соглашение предусматривало усиление совместных военных действий между государствами-членами, повышение их коллективного потенциала для достижения наивысшего уровня координации в рамках концепции совместной обороны, продолжение развития совместных сил «Щита полуострова», контроль за выполнением совместных учений и придания важности созданию и развитию базы военной промышленности и поощрение частного сектора к инвестированию в этой области [31]. Государства-члены ССАГПЗ в рамках нового соглашения согласились с тем, что любая агрессия против одной их страны является нападением на всех и требует принятия любых необходимых мер, в том числе применения военной силы.

Еще в 1997 году руководители стран-участниц ССАГПЗ договорились о реализации совместного проекта «Пояс сотрудничества», представляющий собой систему идентификации и слежения за самолетами. Таким образом, начавшая работать в 2001 году система связала оперативные центры ВВС и ПВО вооруженных сил стран ССАГПЗ [35].

Проект, получивший свое начало еще с момента образования организации, «Щит полуострова», в связи с изменениями современных реалий и возможными новыми вызовами был преобразован в 2006 году в Объединенные щитовые войска полуострова и усилен военно-морскими и воздушными войсками в целях повышения его боевой эффективности и обеспечения выполнения функций по защите национальной безопасности региона. А начиная с 2009 года Объединенные щитовые войска полуострова были усилены силами быстрого реагирования [31]. Если в момент своего создания Объединенные вооруженные силы ССАГПЗ состояли из 5000 пехотинцев, то после всех преобразований их численность на сегодняшний день превышает 30 тысяч солдат, которые располагаются по всей территории Совета.

Уже с конца 1990-х годов на постоянной основе проводятся совместные учения военного подразделения Объединенных щитовых войск с другими структурами ССАГПЗ. Одним из примеров являются учения на территории Бахрейна в 2018 году под названием «Безопасность Персидского залива-1». Подобного рода мероприятия являются показателем развития военного сотрудничества и готовности стран противостоять угрозам. Учения проходят на всех плоскостях, участвуют все подразделения и на земле, и в воздухе, и в море [28]. Помимо этого, проводятся учения на двусторонней основе, примером является «Мост-17», организованный совместно силами Бахрейна и Саудовской Аравией в октябре 2016 года. Другим примером являются общие учения стран ССАГПЗ с другими государствами, особенно тесно страны взаимодействуют с США, в частности в 2017 году прошли общие сборы с армией США под названием «Решительный орел», они были нацелены на показание мощи перед лицом общего врага – терроризма [1]. Общие сборы проводились на протяжении трех недель с участием руководителей и офицеров различных секторов армии, министрами внутренних дел и национальной гвардии.

Если раньше мировое сообщество скептически относилось к военному потенциалу стран ССАГПЗ, то в новом исследовании по безопасности Института ЕС отмечается: «Если арабским государствам удастся преодолеть свое недоверие и объединиться в военном отношении, существует большая вероятность больших

перемен в регионе. Вместо того чтобы полагаться на внешние силы, арабские страны могли бы самостоятельно решать проблемы безопасности. Совместные операции могут выступать в качестве мер по укреплению доверия между государствами, а безопасность и стабильность во всем арабском мире могут создать необходимый фон для экономической интеграции» [13].

В 2011 году на саммите был поднят вопрос о том, что для успешной защиты региона в случае угрозы странам необходимо иметь единый центр, занимающийся планированием и управлением совместными военными операциями, а также который сможет поддерживать и укреплять обороноспособность государств ССАГПЗ для защиты своих земель, воздушного пространства и вод. Проект был реализован в 2013 году и был учрежден Объединенный совет обороны, главной целью которого стало устранение потенциальных угроз ССАГПЗ [31].

Другой крупный проект был запущен в 2014 году. Его необходимость была продиктована проблемами нестабильности на Ближнем Востоке. На конференции министров обороны стран ССАГПЗ было заложено начало для создания единого центра морских операций, что позволило бы полностью контролировать эту сферу и еще больше развить военный и оборонительный потенциал. Центр начал свою работу 4 февраля 2016 года в Бахрейне и представляет собой единое объединение военно-морских сил стран-участниц ССАГПЗ [31].

В 2013 году на саммите Верховного совета был одобрен проект создания Академии стран Персидского залива по стратегическим исследованиям и исследованиям в области безопасности в Абу-Даби. Данная инициатива направлена на подготовку специалистов в различных областях, таких как безопасность, политика, экономика, дипломатия и другие. Академия предполагает выпускать студентов, способных в будущем занять места стратегических лидеров и развивать регион Персидского залива, обеспечивая его стабильность и процветание [38].

Еще один проект в сфере военного сотрудничества – это решение вопроса о безопасности военных связей с целью расширения коллективных возможностей систем командования, управления и обмена информацией между ними. Начало было заложено еще 1995 году на 16-м съезде Верховного Совета ССАГПЗ, когда были одобрены исследования, связанные с проектом защищенной электросвязи и мерами по подключению вооруженных сил стран ССАГПЗ к ней. Официальная эксплуатация проекта началась в 2000 году. Также было создано специальное отделение для контроля за всей административной, технической и финансовой работой по проектам в области защищенной электросвязи и для координации с заинтересованными сторонами в странах-участницах Совета. Чтобы обеспечить быстрое развитие цифровых технологий, информации и защищенных коммуникаций, а также поддерживать, развивать и добавлять в сеть многие возможности через совместные предприятия, Верховный Совет на своей 34-й сессии принял решение в 2013 году, одобрил использование службы спутниковой связи в качестве средства передачи важных данных в случае прерывания защищенного канала связи [31].

Таким образом, можно увидеть, что в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива проводится активная деятельность в сфере военного сотрудничества для обеспечения безопасности в регионе. На протяжении существования организации страны не раз сталкивались с различными вызовами и старались решить их вместе, кроме того, объединенными силами ССАГПЗ помогали другим арабским государствам. Еще в начале первого

десятилетия своей деятельности страны Совета были вынуждены принимать участие в решении Ирано-Иракского конфликта. Страны занимались освещением конфликта и поиском путей его урегулирования. В 1984 году государства-члены Совета подготовили проект, который был представлен в ООН, по мирному урегулированию Ирано-Иракского вопроса [10]. Однако страны старались открыто не вступать в конфронтацию, так как им было важно сохранение отношений с Ираном, поэтому страны Совета действовали через ООН. В 1987 году была принята еще одна резолюция Совета Безопасности 598, исторического решения, которое впоследствии было принято обеими сторонами, чтобы положить конец этой разрушительной войне.

ССАГПЗ в XXI веке принимал участие в судьбе многих стран Ближнего Востока: Ливан, Палестина, Йемен, Сирия, Судан. Во всех случаях страны Совета старались наладить отношения внутри страны и привлечь внимание общественности в лице ООН к сложившимся проблемам. Согласно официальным документам ССАГПЗ, «во внешней политике курс Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива является четким, лишенным всякой двусмысленности и недопонимания. Его основой является неприсоединение к блокам, уважение к нормам международного права, невмешательства во внутренние дела других государств, упорный труд на благо укрепления основ мира и справедливости между народами, обеспечение безопасности и стабильности во всем мире» [5, 209].

Конфликт в Йемене имел особо важное значение для стран ССАГПЗ, потому что Йемен является непосредственным соседом, и продолжение конфликта может угрожать всему региону. Кроме того, члены Совета чувствуют свою ответственность за судьбу государства, которое не было принято в ряды организации. Страны Совета выступили с инициативой в мирном урегулировании войны в Йемене. После получения одобрения основных партий Йемена проект был направлен в Совет Безопасности ООН, который единогласно принял новую резолюцию. В соответствии с резолюцией было сформировано правительство национального единства и проведены президентские выборы в 2012 году, победителем которых стал Абд Раббо Мансур Хади. Однако, несмотря на смену власти, конфликт внутри страны продолжался. Странами ССАГПЗ было предпринято еще несколько попыток урегулирования ситуации через Совет Безопасности ООН, кроме того, ССАГПЗ предоставил Йемену большую гуманитарную помощь и запустил проект по оказанию поддержки в целях развития Йемена и поощрению инвестиций и торговли между государствами Совета и Йеменом [19]. Однако, несмотря на широкую поддержку стран Совета, они были вынуждены в 2015 году применить военную силу после того, как повстанцы-Хуситы захватили власть в Йемене. Операция была нацелена на защиту и поддержку законного правительства Йемена, которое было свергнуто повстанцами-Хуситами, и направлено на недопущение распространения радикального движения Хути по всему государству и за его пределы [7]. Кроме того, в 2016 году успешно закончилась операция, в ходе которой войска Йемена и стран-участниц ССАГПЗ отбили у аль-Каиды портовый город Мукалла [7]. Полностью конфликт не удалось урегулировать и страны ССАГПЗ следят за его развитием и продолжают поддерживать государство. Официальные лица Совета сотрудничества неоднократно выступали с заявлениями о том, что ситуация в Йемене угрожает всему региону и Совет считает необходимым как можно скорей прекратить конфликт и прийти к единому мирному решению [37].

Ситуация, сложившаяся в Сирии и взбудоражившая не только регион, но и весь мир, не могла пройти мимо стран ССАГПЗ. Страны-участницы Совета с самого начала пристально следили за развитием событий и уже летом 2011 года присоединились к резолюции ЛАГ, нацеленной на скорейшее прекращение насилия в регионе. В дальнейшем страны присоединились и к другим документам относительно Сирийского конфликта в ЛАГ и в ООН [34]. Важно заметить, что страны Совета выступают за отставку Башара Асада, что в первую очередь связано с тем, что они видят в его действиях продолжение политики Ирана и стараются противостоять любому решению, принятому с учетом его интересов [8]. В 2014 году страны ССАГПЗ присоединились к военной коалиции во главе с США. Самые активные действия предпринимаются ОАЭ, количество боевых вылетов которой уступает только США, кроме того, авиация ОАЭ участвует в совместных вылетах с Иорданией и Египтом, что демонстрирует военное сотрудничество стран ССАГПЗ за пределами своих территорий [9]. Страны Совета также помогают народу Сирии гуманитарно, так, например Кувейт является крупнейшим игроком после США и ЕС, выделивший более 500 млн долларов на гуманитарную поддержку беженцам [8].

Кроме того, начавшаяся в 2011 году арабская весна не прошла мимо ССАГПЗ, беспорядки захлестнули практически все страны организации, но самыми массовыми были в Бахрейне. В феврале 2011 года начались протесты на Жемчужной площади Манама, где собравшиеся требовали политических изменений. Правительство Бахрейна не было готово идти на уступки, однако не смогло собственными силами справиться с развернувшимися беспорядками. Для прекращения протестов и недопущения разрастания конфликта в гражданскую войну Бахрейн был вынужден обратиться за помощью к союзникам по Совету. В марте 2011 года в страну был введен воинский контингент ССАГПЗ, которому удалось справиться с антиправительственными настроениями [22].

Подобный вызов, вставший перед странами Совета, привел страны за стол переговоров, где обсуждались главные угрозы в лице революций, захвативших половину стран арабского мира. Было необходимо укрепление политической основы государств и проведение общих социальных реформ. Были запущены проекты направленные на повышение уровня образования и здравоохранения, преобразования в сфере труда и социальных услуг, сотрудничество в сфере жилья и улучшения условий жизни, запущены молодежные проекты, заключающиеся в поощрении успехов в спорте и науке, а также активизированы действия в муниципальной сфере. Кроме того, в 2013 году страны Совета приняли решение о формировании объединенного командования и полиции. Принимая меры по укреплению военного потенциала блока, страны-участницы в апреле 2015 года провели встречу в Кувейте, результатом которой стало решение создания общей полицейской структуры государств Персидского залива. Штаб-квартира полиции располагается в Абу-Даби, а основными направлениями ее работы является обмен информацией, формирование общей базы, анализ и выработка рекомендаций по борьбе с преступностью в регионе [31].

Страны ССАГПЗ имеют и другие проблемы внутренней безопасности. Так, например территориальные притязания, с которыми страны остро столкнулись в начале своей интеграционной деятельности. Еще одним фактором, влияющим на внутреннюю безопасность стран, является массовая иммиграция и демографический дисбаланс между местными жителями и иностранцами в таких странах, как ОАЭ, Катар, Кувейт. Это приводит к увеличению уязвимости государств и может

негативно сказаться на безопасности граждан, радикализации и энергетической безопасности. В связи с этим страны стараются проводить политику, нацеленную на снижение уровня приезжающего населения и привлечения к производственной деятельности местного населения. Однако по объективным причинам эти попытки пока не были очень успешными [24].

Одной из острых проблем стран является терроризм, что имеет важное значение для внутренней и внешней политики стран. В первую очередь террористические акты уносят жизни людей и подрывают стабильность государства, а кроме того, некоторые из группировок выбирают местом базирования страны Совета. Однако есть и другая сторона, исторически сложилось, что многие люди из других регионов мира считают, что корни терроризма заложены в арабских государствах, что подрывает надежный имидж стран ССАГПЗ, который служит гарантам бизнес-сотрудничества и иностранных инвестиций. Показателем зависимости успеха стран на мировом рынке от терроризма стало 11 сентября 2001 года. После случившегося биржевой индекс Саудовской Аравии уже к ноябрю снизился в три раза, примерно то же самое произошло и с Кувейтом.

Исходя из убежденности в том, что проблема терроризма должна решаться региональными и международными усилиями, страны ССАГПЗ приняли «Стратегию безопасности по борьбе с экстремизмом и терроризмом» в 2002 году и в том же году выпустили «Мускатную декларацию о борьбе с терроризмом» [24]. В 2004 году страны ССАГПЗ подписали Конвенцию «Борьба с терроризмом» [20], которая была ратифицирована большинством государств Совета. После вступления в силу страны Совета активизировали разработки механизмов, процедур и моделей, необходимых для осуществления положений настоящей Конвенции. Комитет государств ССАГПЗ создал совместную базу данных, а также стал выпускаться ежегодный доклад стран ССАГПЗ о проделанной работе с борьбой с терроризмом. А уже в 2006 году был создан постоянный комитет по борьбе с терроризмом, который собирается ежегодно в качестве одного из специализированных комитетов по безопасности [26].

Кроме того, страны ССАГПЗ не могут ограничиться борьбой с терроризмом лишь в рамках Совета. Как заявляется Группой ООН по угрозам и вызовам «терроризм процветает в условиях отчаяния, унижения, нищеты, политического угнетения, экстремизма и нарушений прав человека, он также процветает в условиях региональных конфликтов и иностранной оккупации, он выигрывает от слабой способности государства поддерживать правопорядок» [2]. Поэтому страны-участницы ССАГПЗ, где уровень жизни выше, чем в некоторых других государствах Ближнего Востока, помогают другим арабским странам финансово, для того чтобы не допустить развития экстремистских настроений в массы.

Вопрос терроризма остро коснулся Кувейта, ставшим посредником в вопросе финансирования экстремистов в Сирии, через государство проходили деньги частных лиц и организаций, что стало возможным благодаря свободе перевода денежных средств. Для решения данной проблемы в 2014 году страны Совета пересмотрели свое национальное законодательство и приняли соответствующие меры, в том числе были введены законы, нацеленные на предотвращение спонсирования экстремистских группировок, контроль за финансовыми

операциями, проходящие через страны Совета, а также были ужесточены санкции за причастность к террористической деятельности [36].

В 2016 году на сессии Верховного Совета главами государств-участниц ССАГПЗ было принято решение о проведении совместных антитеррористических учений и операций [25]. После страны провели ряд экспресс-учений, на которых обменялись опытом в борьбе с терроризмом, отработали взаимодействия координации, а также в ходе учений были применены новые роботы, позволяющие дистанционно распознать и обезвредить бомбу. Также с тех пор объединенные силы ССАГПЗ принимали участие в нескольких операциях на территории Сирии и других стран против террористических группировок.

В мае 2017 года произошла крупная серия кибератак WannaCrypt по всему миру, от которой в общей сложности пострадали 74 страны, в том числе и страны ССАГПЗ. В декабре 2017 года хакерским атакам была подвержена государственная нефтяная компания Saudi Aramco, а в феврале 2018 года была попытка киберпреступников взломать сайт Министерства внутренних дел Кувейта. После того, как страны понесли крупные потери, было принято решение о создании «Кибер Армии» [27] для борьбы с терроризмом в сети, который стал новой угрозой безопасности в последние годы. С инициативой выступил эксперт по кибербезопасности Саудовской Аравии д-р Абдулразак Аль-Морджан в 2017 году: «Мы должны создать “Кибер армию Персидского залива”, которая будет бороться с террористами и идеологическими экстремистами, вербующими своих сторонников через интернет. За обеспечение безопасности несут ответственность все. Я предлагаю создать механизм, при котором общества, особенно в регионе Персидского залива, могли бы активно участвовать в борьбе с террористическими группировками в режиме онлайн» [1].

В политическом плане на современном этапе развития страны Совета считают необходимым развитие более тесного контакта с внешним миром, что предполагает дальнейшее военное сотрудничество, а также обеспечение стабильности.

Что касается международного сотрудничества, то в XXI веке благодаря общим усилиям и желанию ССАГПЗ развиваться были установлены стратегические диалоги со многими странами и некоторыми организациями. Так, например, договор о стратегическом сотрудничестве был подписан с Китаем в 2010 году, который предполагает сотрудничество в различных областях, включая консультации по политическим, региональным и международным вопросам, представляющим взаимный интерес, торговле, инвестициям, энергетике, культуре, образованию и научным исследованиям, окружающей среде и охране здоровья. Кроме того, позднее был подписан Совместный план действий по экономическому, торговому, инвестиционному и техническому сотрудничеству на 2016–2019 годы, утвержденный на заседании Объединенного комитета по экономическому, торговому, инвестиционному и техническому сотрудничеству в марте 2016 года [40].

Меморандум о взаимопонимании и стратегическом сотрудничестве ССАГПЗ и Российской Федерации был подписан 1 ноября 2011 года в Абу-Даби. В ходе встречи страны договорились о политической координации, развитии экономического, торгового и инвестиционного сотрудничества, а также научной сферы взаимодействия [6].

Кроме того, ССАГПЗ сотрудничает в политическом плане и с рядом организаций, например, первое совместное министерское совещание по

стратегическому диалогу между ССАГПЗ и Ассоциацией АСЕАН состоялось в Манапе в мае 2009 года. В ходе встречи был подписан меморандум о взаимопонимании в отношении сотрудничества между двумя секретариатами. Второе министерское совещание по стратегическому диалогу между странами ССЗ и АСЕАН состоялось 31 мая и 1 июня 2010 года в Сингапуре. Совещание утвердило план действий, в который вошли экономические и культурные сферы. В ходе реализации плана были созданы шесть специализированных целевых групп в области экономики и торговли, инвестиций в сельское хозяйство и продовольственную безопасность, образования, туризма, энергетики, культуры и информации [30].

Подобного рода соглашения ССАГПЗ имеет с Азербайджаном, Австралией, Японией, Малайзией, Перу, Палестиной, Румынией, Новой Зеландией, Мексикой, Канадой, Грузией и Украиной.

Однако наиболее тесное сотрудничество осуществляется с США. Еще до образования организации некоторые из стран Совета предлагали создание организации, которая бы опиралась на поддержку Соединенных Штатов, однако в итоге страны решили действовать в рамках опоры на собственные силы. Договоры о двустороннем сотрудничестве с США и различными странами ССАГПЗ были подписаны в 90-х годах XX века, а стратегическое сотрудничество с США было установлено в 2012 году и полагающиеся документы были подписаны министрами иностранных дел стран Персидского залива и госсекретарем США [29]. Был проведен ряд совещаний для специалистов комитетов и совместных рабочих групп, согласованных в рамках стратегического сотрудничества между двумя сторонами в области вооруженных сил и безопасности, включая борьбу с терроризмом и пиратством, пограничный контроль, а также затронули политические и экономические вопросы. Позже также было подписано рамочное соглашение о торгово-экономическом, инвестиционном и техническом сотрудничестве между ССАГПЗ и США [15]. В 2015 году после саммита в Кэмп-Дэвиде США обязались содействовать поставкам оружия в страны Персидского залива, организовывать дополнительные крупномасштабные совместные военные учения и обучение в США, помочь реализовать давно обсуждаемую концепцию потенциала противоракетной обороны (ПРО) в масштабах Персидского залива. На саммите США и ССАГПЗ, который проходил в марте 2017 года в Вашингтоне, страны договорились о расширении сотрудничества в сфере кибербезопасности, кроме того страны обсудили возможность дальнейшего открытия представительства ССАГПЗ на территории США. В итоговом документе по окончании встречи было также обозначено, что страны намерены продолжать работу для стабилизации ситуации на Ближнем Востоке [17]. Важно отметить, что страны ССАГПЗ и США имеют единые векторы внешней политики, они выступают за свержение Башара Асада и занимают одинаковые позиции по поводу Ирана. На данный момент на территории стран-участниц ССАГПЗ располагается более 10 военных баз США, включающие сухопутные, воздушные и морские.

Что касается внутренней безопасности и стабильности Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, то конфликтные ситуации в ССАГПЗ были не редкостью, особенно это касается первых десятилетий, когда страны улаживали территориальные споры. Относительно внешней политики и выработки общего курса странами ССАГПЗ проблемы обычно возникали относительно Омана, внешний вектор которого довольно часто

не совпадал с другими странами-участницами Совета. Так, например, Оман сохранял нейтралитет в отношении Саддама Хусейна, тогда как его коллеги придерживались агрессивной политики. А в момент оккупации Кувейта Ираком, Оман был единственной страной, сохранившей с ним дипломатические отношения.

Еще одной проблемой внутреннего единства организации стали отношения между Саудовской Аравией и Катаром в начале XXI века. Катализатором послужило открытие торгового представительства Израиля в Дохе, что было резко воспринято со стороны Саудовской Аравии и повлекло за собой ухудшение отношений и закрытие нескольких катарских представительств на территории Саудовской Аравии, а кроме того, король Саудовской Аравии не приехал на саммит Организации исламского сотрудничества, который проходил в Катаре. Улучшить отношения удалось лишь в 2007 году после инициированной Катаром встречи глав государств [16].

В 2009 году ухудшились взаимоотношения Саудовской Аравии и Эмиратов. Конфликт разгорелся на фоне инцидента, когда пограничные службы Саудовской Аравии отказали группе граждан ОАЭ в пересечении границы из-за идентификационных карточек гражданина ОАЭ, на которых была помещена карта ОАЭ со спорной территорией залива Удейд. Это вызвало резонанс в обществе, так как по договоренностям в рамках ССАГПЗ подобные карточки являются гарантом свободного передвижения людей в рамках территорий ССАГПЗ [11].

В январе 2011 года произошел еще один конфликт, поставивший под угрозу организацию. Власти Омана выступили с официальным сообщением и заявили о том, что на территории их государства были арестованы члены разведки ОАЭ, которые занимались не только сбором стратегических данных в сфере военного, технического или научного сектора, но и собирали информацию для разработки плана, который предполагал присоединение Омана к ОАЭ после смерти действующего короля. После такого заявления все контакты были разорваны, а для восстановления дипломатического диалога в конце 2011 года пришлось вмешаться Кувейту [39].

Однако наиболее острый конфликт, затронувший все страны ССАГПЗ и серьезно пошатнувший единство организации, произошел вокруг Катара. Еще с начала «арабской весны» коллеги по организации обвиняли Катар в дестабилизации ситуации в арабских странах путем вмешательства во внутренние дела и попытках государственного переворота, что в корнях противоречило основным принципам ССАГПЗ. Ключевое место в конфликте сыграл канал «Аль-Джазира», который являлся эффективным инструментом внешней политики Катара, и который сыграл весомую роль во время «Арабской весны». «Аль-Джазира» вел пропаганду «арабской весны» как демократической революции. Наиболее ярко канал проявил себя, оказывая информационную поддержку исламистам в Египте после свержения Хосни Мубарака, а также исламистским силам Ливии во время гражданской войны после смерти Муаммара Каддафи.

В 2013 году, когда ситуация в арабском мире была накалена до предела, ОАЭ выступила с официальным заявлением, потребовав от Катара завершения деятельности «Аль-Джазире» и прекращение поддержки оппозиционных режимов. Катар был вынужден пойти на определенные уступки и прекратить поддержку телеканалом «Братьев Мусульман». Однако отношения со странами внутри ССАГПЗ оставались натянутыми [23].

Новый виток в данном конфликте произошел в мае 2017 года, когда на сайте одного из катарских новостных агентств появилась фальшивая информация о том, что глава Катара выражает свою поддержку Ирану и ХАМАСу, а также отрицательно высказывается о деятельности президента США. Позднее руководство заявило о взломе сайта, однако это уже было последней каплей. 5 июня Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн разорвали дипломатические отношения с Катаром, обвинив его в связях с террористическими группировками, вмешательстве в дела других государств и распространении враждебной идеологии [32]. Страны организовали антикатаровскую кампанию в рамках которой не только выслали всех своих послов и дипломатов, но и разорвали торговые отношения. А ОАЭ даже ввели уголовное наказание за выражение симпатии к Катару в социальных сетях.

Позднее, 23 июня, Катару был передан список требований из 13 пунктов. В первую очередь требования коснулись закрытия канала «Аль-Джазира», прекращения отношений с Тегераном и закрытие турецкой военной базы на территории Катара. Также страны потребовали от катарских властей прекратить натурализацию их граждан, выдачу всех лиц, разыскиваемых в этих странах по обвинению в терроризме, и предоставить подробный отчет о финансировании иностранных оппозиционеров. Катар, в свою очередь, заявил о безосновательности обвинений и отказался выполнять требования. Таким образом, конфликт стал огромной проблемой на пути к интеграции и в целом поставил вопрос о будущем существовании ССАГПЗ [33]. Если предыдущие конфликты затрагивали интересы двух стран, то в данном случае официальными участниками являются четыре страны из шести, что усложняет урегулирование ситуации. Тем более как может продолжаться тесное сотрудничество в организации, в рамках которой отсутствуют дипломатические связи между ее членами.

Показателем того, что ситуация явно отражается на деятельности Совета, стало то, что король Катара не приехал на 39-й саммит Верховного совета, а отправил вместо себя госминистра по иностранным делам. Таким образом, можно сказать, что политические отношения между странами-участницами ССАГПЗ носят преимущественно важный характер и именно от них зависит дальнейшая интеграция стран Персидского залива. Как было заявлено на пресс-конференции с Генеральным секретарем ССАГПЗ: «Члены Совета заинтересованы в прекращении воздействия катарского кризиса на деятельность Совета» [21].

При нынешнем уровне политических проблем в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива сложно полагаться на быструю реализацию интеграционных задач, над которыми долгое время работают государства региона. Однако неоспорим тот факт, что страны Совета проделали большую работу для сближения и совместного сотрудничества в военно-политической сфере. Начавшаяся еще в 80-е годы деятельность Совета основывалась на изолированности и самостоятельности, ССАГПЗ стремился защитить регион своими усилиями, однако ситуация в Кувейте 1990 года показала необходимость пересмотра своих убеждений. Новая эпоха началась в XXI веке, а основные ее проекты стали реализовываться с 2011 года, когда страны вновь встретились с угрозой нестабильности и беспорядков в арабском мире. На всем протяжении своего пути страны совместными усилиями боролись как

с внешними, так и внутренними проблемами безопасности, а кроме того, оказывали большие усилия для нормализации обстановки в других странах арабского мира.

Однако и на сегодняшний день остаются сферы военно-политического сотрудничества, требующие определенных доработок, а также имеются проекты, находящиеся в стадии реализации, например проект защиты от кибертерроризма.

На своем пути в условиях глобализации ССАГПЗ не могут действовать в одиночку, в связи с этим организация активно сотрудничает со многими странами мира, обменивается опытом, создает совместные проекты, проводит учения и многое другое. Бесспорно, можно сказать, что Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива сегодня является важным игроком на Ближнем Востоке и во всем мире.

Можно прийти к выводу, что главными направлениями военно-политической сферы, сферы обеспечения безопасности стран ССАГПЗ являются: работа над едиными оборонительными силами, обеспечение безопасности внутреннего пространства ССАГПЗ, в том числе разрешение двусторонних и многосторонних споров между странами Совета, поддержание и развитие связей с другими государствами, а также защита других стран арабского мира и поддержание стабильности на Ближнем Востоке. Все основные цели военно-политического сотрудничества стран ССАГПЗ вытекают от необходимости защитить свои национальные интересы и сохранить миропорядок.

Литература

1. Безопасность в Персидском заливе // Unipath – URL: <http://centcom.unipath-magazine.com/безопасность-в-персидском-заливе/> (дата обращения: 12.04.2019).

2. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность» // UN. – URL: <https://undocs.org/ru/A/59/565> (дата обращения: 09.04.2019).

3. Ирано-израильские отношения. Досье // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/681667> (дата обращения: 25.03.2019).

4. Йеменские военные отбили город Эль-Мукалла у «Аль-Каиды» // BBC. – URL: https://www.bbc.com/russian/news/2016/04/160424_yemen_mukalla (дата обращения: 12.04.2019).

5. Кучик О.В. Международные экономические отношения / О.В. Кучик. – Киев: Знания. – 2005. – С. 209.

6. Меморандум о взаимопонимании по стратегическому диалогу между Российской Федерацией и государствами-членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, Абу-Даби, 1 ноября 2011 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/186766 (дата обращения: 09.04.2019).

7. Саудовская Аравия и союзники начали военную кампанию против повстанцев в Йемене // ТСН. – URL: <https://ru.tsn.ua/svit/saudovskaya-araviya-i-soyuzniki-nachali-voennuyu-kampaniyu-protiv-povstancsev-v-yemene-417527.html> (дата обращения: 25.03.2019).

8. Сирийский конфликт: позиции России и стран ССАГПЗ // РСМД. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriyskiy-konflikt-pozitsii-gossii-i-stran-ssagpz/> (дата обращения: 12.04.2019).
9. Сложная борьба монархий Персидского залива с «Даиш» // Вестник НАТО. – URL: <https://www.nato.int/docu/review/2016/Also-in-2016/geopolitics-gulf-monarchies-fight-against-daesh/RU/index.htm> (дата обращения: 12.04.2019).
10. Чернова А.Ф. Ирано-иракская война 1980–1988 гг.: подходы монархий Персидского Залива / А.Ф. Чернова // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2013. – № 1 (26). [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/irano-irakskaya-voyna-1980-1988-gg-podhody-monarhiy-persidskogo-zaliva> (дата обращения: 22.04.2019).
11. Шкваря Л.В. Преобразования в арабских странах ССАГПЗ и некоторые их результаты в XXI / Л.В. Шкваря // УЭКС. – 2015. – № 7 (79). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preobrazovaniya-v-arabskih-stranah-ssagpz-i-nekotorye-ih-rezultaty-v-xxi> (дата обращения: 09.04.2019).
12. Al-Saud B.S.M. The G.C.C. security convention: a legal and practical analysis // University of Glasgow. – URL: <http://theses.gla.ac.uk/1685/> (дата обращения: 08.02.2019).
13. An Arab army – comping at last? // EU Institute for Security Studies. – URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Alert_52_Arab_army.pdf (дата обращения: 08.04.2019).
14. Boyarczik B. The Gulf Cooperation Council – regional integration mechanism / Annales UMCS. Sectio K. – 2013. – Vol. XX, № 1. – P. 84.
15. Framework Agreement For Trade , Economic , Investment And Technical Cooperation Between The Cooperation Council For The Arab States Of The Gulf And The Government Of The United States Of America // Office of the United States Trade Representative. – URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/uploads/agreements/Trade%20Investment/U.S.-GCC%20TIFA%20Final%20Text%20--%20English%209-25-12.pdf> (дата обращения: 09.04.2019).
16. Sawsan Al Sajjan The GCC as a regional security organisation // Brunel University London. – URL: <https://bura.brunel.ac.uk/bitstream/2438/10557/1/FulltextThesis.pdf> (дата обращения: 12.04.2019).
17. Statement of Extraordinary Summit of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC) and the United States of America // White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-extraordinary-summit-cooperation-council-arab-states-gulf-gcc-united-states-america/> (дата обращения: 09.04.2019).
18. The Charter // GCC. – URL: <http://www.gcc-sg.org/en-us/AboutGCC/Pages/Primarylaw.aspx> (дата обращения: 19.03.2019).
19. أي جراح الختساي سلا لاجم يف تازاجن إلا زربأ // GCC. – URL: <http://www.gcc-sg.org/ar-sa/CooperationAndAchievements/Achievements/PoliticalAffairs/Majorachievementsinthefieldofforeignpolicy/Pages/Supportfortheunityandstability.aspx> (дата обращения: 12.04.2019).
20. باهر إلا ءحف الكمل ءيبرعلا جيلخلا لودل نواعتل سلجم لود ءيقافتا // Government of Dubai. – URL: <https://www.dc.gov.ae/PublicServices/LegislationDetails.aspx?LawKey=577&SourceType=1&ItemKey=0&CalledFrom=3> (дата обращения: 09.04.2019).

36. // GCC. – URL: <http://www.gcc-sg.org/ar-sa/CooperationAndAchievements/Projects/ALMCTF/Pages/Roles-and-Regulations.aspx> (дата обращения: 09.04.2019).
37. // BBC. – URL: <http://www.bbc.com/arabic/middleeast-39905689> (дата обращения: 12.04.2019).
38. // Kuwait News Agency. – URL: <https://www.kuna.net.kw/ArticlePrintPage.aspx?id=2598081&language=ar> (дата обращения: 12.04.2019).
39. // Aljazeera. – URL: <https://www.aljazeera.net/news/reportsandinterviews/2011/3/6/من-امع-ن-يب-مزالا-تهنتا-له> (дата обращения: 09.04.2019).
40. // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cejo/ara/dtxw/t1332289.htm> (дата обращения: 09.04.2019).

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327.51

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА: ПОЗИЦИЯ РОССИИ

Белоглазов Альберт Владиславович,

кандидат исторических наук, доцент,

*доцент кафедры международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.*

Albert.Beloglazov@kpfu.ru

Введение

Чуть более века назад закончилась Первая мировая война – невиданная по масштабам и чудовищная по жестокости катастрофа, в которую были втянуты 38 государств с общим населением в 1,5 млрд человек. Потери армий всех государств – участников войны по последним данным составили почти 11 млн военнослужащих [23, с. 4]. Потери же среди мирного населения, как от оружия, так и от голода и эпидемий, спровоцированных войной, превысили 20 млн человек.

Российская империя понесла в этой войне особенно ощутимые потери. Погибли более 1,5 млн ее граждан, были ранены около 5 млн, попали в плен 2,5 млн, были оккупированы многие экономически развитые и густонаселенные территории на западе страны. Война спровоцировала системный кризис в стране, приведший к двум революциям и в конечном итоге к гибели Российской империи и кровопролитной Гражданской войне.

Многие беды и проблемы нашей страны, так или иначе, берут начало в катастрофических последствиях участия России в Первой мировой войне на стороне Антанты, использовавшей ее «в качестве важного, но второстепенного элемента» [21, с. 13], а российскую армию как «пушечное мясо». И, конечно, по прошествии века, необходимо задуматься, можно ли было избежать этого, была ли у России альтернатива?

Теоретически, на рубеже веков их было даже три: предотвратить войну в целом, не участвовать в войне, оставаясь нейтральной стороной, либо, вступив в союз с Германией и Австро-Венгрией, участвовать в войне формально, без протяженных фронтов вдоль границ. Так почему же они становились все менее реальными, и, напротив, постепенно выкристаллизовывалась новая конфигурация европейской политики России, приведшая ее позже в Антанту? Для ответа на этот вопрос рассмотрим кратко дипломатическую подготовку к Первой мировой войне в конце XIX века через призму эволюции российской дипломатии.

1. Распад Союза трех императоров и сближение с Францией

На протяжении всего XIX века главными геополитическими противниками Российской империи были Британская империя и периодически примыкавшая к ней Франция. В противоборстве с ними Россия опиралась на основных союзников – Пруссию (с 1870 года Германию) и Австро-Венгрию. В первой половине XIX века их стремление к сближению вылилось в создание

Священного Союза, а во второй половине – Союза трех императоров, скрепленного соглашениями 1873, 1881 и 1884 годов.

Одновременно в период между вторым и третьим соглашениями, Германия и Австро-Венгрия создали Тройственный союз с Италией. Секретный договор о нем был подписан 20 мая 1882 года сроком на 5 лет с возможностью продления. По нему Германия и Австро-Венгрия обязывались прийти на помощь Италии в случае нападения на нее Франции, Италия же обещала аналогичные действия при нападении Франции на Германию. Австро-Венгрия предполагала вступить в войну лишь в случае вступления в войну России. В случае нападения на одну из держав Союза двух и более противников все его участники обязывались вступить в войну одновременно. Однако Италия оговаривала, что в случае одиночного нападения Англии на Германию или Австро-Венгрию она не будет оказывать им помощь [27]. Это объяснялось тем, что британский флот господствовал в Средиземном море, а Италия обладала протяженным и уязвимым побережьем.

Таким образом, первоначально Тройственный союз создавался не для агрессии против России, а в основном для защиты от Франции и Великобритании. В пользу этого свидетельствует то, что 27 марта 1884 года в Берлине был подписан протокол о продлении Союза трех императоров еще на три года практически без изменений. Свидание трех императоров в сентябре 1884 года в польских охотничьих угодьях российских царей Скерневицах, а также встреча Александра III в августе 1885 года в моравском городке Кремзире с Францем Иосифом подтвердили принятые решения.

18 июня 1887 года канцлер Отто фон Бисмарк и посол России в Германии Павел Андреевич Шувалов, сторонник сближения России и Германии, подписали «Договор перестраховки» – последнее из важных российско-германских соглашений. Его первая статья гласила: «В случае если бы одна из высоких договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с третьей великой державой, другая сторона будет соблюдать по отношению к первой благожелательный нейтралитет и приложит все старания к локализации конфликта. Это обязательство не относится к войне против Австрии или Франции, в случае если бы таковая возникла вследствие нападения на одну из последних держав одной из высоких договаривающихся сторон» [12, с. 267].

Интересно, что Великобритания не являлась исключением в перестраховочном договоре. В случае войны с ней Германии или России они еще действовали бы сообща, или, по крайней мере, ни одна из них не поддержала бы Великобританию.

В 1888 году умер Вильгельм I, а через три месяца – наследовавший престол его сын Фридрих III. Кайзером стал Вильгельм II, внук Вильгельма I, в начале своего царствования относившийся к союзу с Россией более скептически, чем дед. В январе 1890 года О. фон Бисмарк и П.А. Шувалов начали переговоры о продлении договора перестраховки, срок которого истекал в июне. Однако в марте того же года Вильгельм II отправил О. фон Бисмарка в отставку, видимо под влиянием барона Фридриха Августа фон Гольштейна, «серого кардинала» немецкой внешней политики. Новый канцлер, генерал Георг-Лео Каприви, полагал, что договор бесполезен, поскольку война с Россией неизбежна. В итоге летом 1890 года Германия отказалась от продления «перестраховочного договора».

Отчасти это было сделано, на наш взгляд, под влиянием Великобритании, начавшей предпринимать шаги по сближению с Тройственным союзом. Так, 9 ноября 1886 года английский премьер-министр Роберт Солсбери дал понять, что если Австро-Венгрия объявит войну России, Англия последует за ней [7, с. 253]. В 1887 году Великобритания подписала с Италией и Австро-Венгрией два Средиземноморских соглашения – от 12 февраля и 12 декабря соответственно, направленные против планов России в отношении проливов. В 1890 году Германия и Великобритания заключили Гельголандско-занзибарское соглашение, урегулировавшее англо-германские противоречия в Африке и передававшее Германии остров Гельголанд, важный для защиты устья Эльбы [26].

Не случайно современник этих событий, крупнейший исследователь европейской дипломатии XIX века Антонен Дебидур подразделял Европу того периода на две дипломатические группы. К первой он относил Россию и Францию. «Вторая группа состоит в основном из Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия), ... с которым в данный момент значительно сблизилась Англия» [5, с. 487–488]. В примечаниях к «Дипломатической истории Европы» он уточнял, что отношения Англии и Германии «стали особенно дружественными главным образом с момента воцарения Вильгельма II», подчеркивая, что королева Виктория приходится ему бабкой, а принц Уэльский – дядей [5, с. 582].

Россия сделала из этих событий однозначный вывод и начала процесс сближения с Францией. Еще в 1887 году она получила первый французский заем в размере 500 млн франков, а к началу 1890 года общий объем кредитов был доведен до 2,6 млрд франков. Весной 1891 года Франция предложила России заключить союз, но Россия не торопилась с ответом.

В мае 1891 года, на год раньше срока, был возобновлен Тройственный союз. В России так же, как и во Франции, опасались вступления в него Англии, о чем прямо говорил министр иностранных дел Н.К. Гирс в письме российскому послу в Париже Артуру Павловичу Моренгейму: «Положение, создавшееся в Европе, в силу открытого возобновления Тройственного союза и более или менее вероятного присоединения Великобритании к политическим целям, преследуемым этим союзом, вызвало во время недавнего пребывания здесь г. де-Лабулэ обмен мнениями между французским послом и мною» [14, с. 278].

Как следствие, Россия пошла навстречу предложениям, исходившим от Франции, и в августе 1891 года подписала договор консультативного типа, который был выражен в форме обмена письмами А.П. Моренгейма и министра иностранных дел Франции Александра Рибо [16, 17]. На наш взгляд, его главным смыслом для России было предотвращение изоляции на случай нападения на нее Англии или ее союзников. Об этом свидетельствует письмо А. Рибо французскому военному министру Ш. Фрейсине, в котором говорилось: «Россия хочет добиться нашей помощи даже против Англии, которую считает уже связанной с Тройственным союзом» [7, с. 287].

Летом 1892 года Франция предложила России заключить военную конвенцию. Предварительно она была подписана представителями генеральных штабов обоих государств. В ней прописывалось, что если на Францию нападут Германия или Италия, «Россия употребит все войска, какими она может располагать для нападения на Германию». То же обязывалась сделать и Франция в случае, если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии [9, с. 388].

Александр III приказал отправить ее текст на утверждение в МИД, где Н.К. Гирс всячески затягивал процесс подписания, считая вполне достаточным Союзный договор, и, видимо, осознавая опасность чересчур тесного военного сближения с Францией. Однако в 1893 году Германия начала таможенную войну с Россией одновременно с принятием закона об усилении армии. Российские товары были обложены более высокими пошлинами, чем товары других стран. Доля участия России в поставках хлеба в Германию существенно сократилась. В июне 1893 года С.Ю. Витте ответил значительным повышением пошлин на германский импорт в Россию [3, с. 250–251]. Обе стороны несли большие убытки. В этих условиях 27 декабря 1893 года Н.К. Гирс сообщил А. Рибо, что конвенция принята [15, с. 283].

Таким образом, сформировалось два оборонительных блока – Тройственный союз, к которому тогда планировалось привлечь и Великобританию, и франко-русский союз. Следовательно, главным побудительным мотивом переориентации российской дипломатии на Францию были опасения вступить в конфликт с Великобританией и Тройственным союзом одновременно, оказавшись при этом без союзников.

Однако к 1894 году руководители германской внешней политики окончательно убедились в нежелании Великобритании присоединиться к Тройственному союзу, поскольку она активно пыталась столкнуть союзы между собой, оставаясь в стороне. Осознав, что таможенная война не приводит к желаемым результатам, германская дипломатия предложила российскому правительству возобновить переговоры. 10 февраля 1894 года в Берлине был заключен новый российско-германский торговый договор сроком на десять лет, по которому обе страны снижали пошлины на товары друг друга.

Одновременно в отставку был отправлен сторонник войны с Россией Каприви, и министром иностранных дел Германии стал князь Хлодвиг Гогенлоэ. По воспоминаниям С.Ю. Витте, Александр III после заключения договора сказал про Вильгельма II: «Я признаю, что в данном случае он действительно вел себя чрезвычайно корректно; я в первый раз увидел, что действительно он искренне желает не вполне с нами разойтись» [3, с. 254].

Таким образом, забрезжила надежда на потепление отношений с Германией и восстановление Союза трех императоров, которую Александр III реализовать не успел.

2. Европейская дипломатия в конце XIX века и политика Николая

В октябре 1894 года Александр III умер, и на престол взошел его сын Николай II. Это было благоприятное время для восстановления дружественных российско-германских отношений, поскольку раздел мира на сферы колониального влияния вошел в завершающую стадию, а Германия и Великобритания выступали в этом процессе как наиболее активные конкуренты.

Великобритания в этот период сформулировала идею «Более великой Британии», то есть программой минимум выдвигала сохранение контроля над территориями, входящими в ее обширнейшую колониальную империю, а программой максимум – захват новых владений и мировое господство [24]. Работы Ч. Дилка «Более Великая Британия», С. Родса «Символ веры», Д. Сили «Экспансия Англии», обосновывающие необходимость сохранения за Британской империей

господствующего положения в мире, находили горячий отклик среди политических элит. Эти и подобные работы пропагандировали исключительность англичан, призванных нести «бремя белого человека» по управлению нецивилизованными народами [28, р. 16].

Германия же, создав мощный индустриальный комплекс, остро нуждалась в новых источниках сырья и рынках сбыта, которые были в основном поделены. Поэтому для нее был необходим передел мира. Причем передел этот предполагался в основном в Африке и на Ближнем Востоке за счет английских, французских, а также, возможно, и голландских, бельгийских и португальских сфер влияния. Но противоречия Германии с Великобританией были системообразующими. Так, в 1894 году Германия совместно с Францией сорвала договор об аренде Великобританией части Конго для связи колониальных владений в Северной и Южной Африке. Одновременно она поощряла буров на сопротивление английской экспансии.

Однако английская дипломатия делала все, чтобы в этот период избежать прямого столкновения с Германией. К этому ее побуждали три обстоятельства: рост российского влияния на Дальнем Востоке, конфликт с Францией из-за контроля над Верхним Нилом и подготовка к англо-бурской войне [22, с. 637]. У России колоний не было, и, следовательно, не было объективных предпосылок для столкновения с Германией. Поэтому новое сближение России с Германией в тот период было вполне возможным.

Через несколько месяцев после смерти Александра III, в январе 1895 года, умер и Н.К. Гирс, и новым министром иностранных дел стал А.Б. Лобанов-Ростовский, бывший до этого послом в Англии, Австро-Венгрии и Германии. Возможно, и поэтому в данный период российская дипломатия пыталась одновременно налаживать отношения и с Великобританией, и со странами Тройственного союза.

Так, 11 марта 1895 года было подписано англо-российское соглашение о разграничении сфер влияния в области Памира, оформленное в виде обмена нотами между российским послом в Лондоне бароном Егором Егоровичем Стаалем и статс-секретарем по иностранным делам Великобритании графом Джоном Кимберли. По нему российские территории в Центральной Азии и английские владения в Индии должна была разграничивать разделительная полоса афганской территории. Вскоре, когда такая полоса была создана, ноты были дополнены «Описанием российско-государственной границы на Памире, от озера Виктория (Зор-Куль) до пределов Китайской империи, проведенной смешанной международной комиссией» [20, с. 284–286]. Тем самым Российская и Британская империи избегали в будущем прямых военных столкновений, как во время Афганского кризиса 1885 года, однако дружественными их отношения назвать было сложно.

Одновременно наметилось потепление в российско-германских отношениях. Весьма важным делом в тот период была защита Китая от посягательств Японии. Любопытно, что 23 апреля 1895 года представители России, Германии и Франции выступили в Токио одновременно, но по отдельности, потребовав от Японии освобождения захваченного Ляодунского полуострова. Поддерживая Россию в этом вопросе, Вильгельм II обещал Николаю II: «Я сделаю все, что в моей власти, чтобы поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России так, чтобы никто не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке» [11, с. 8].

Еще более стимулировало российский курс ориентации на Германию новое стремительное ухудшение российско-английских отношений из-за Персии. Англия активно закреплялась там не только с помощью военной силы, но и через долговое закабаление шахского правительства. Тегеран обратился за помощью к России, которая через государственный Ссудный банк с 1895 года начала финансировать выплату английских долгов, получив за это концессии на строительство дорог в Северном Иране. Возникла реальная возможность выхода России к Персидскому заливу, чего Англия категорически не могла допустить. После того, как в начале лета 1895 года лидер консерваторов и противник России лорд Роберт Гаскойн-Сесил Солсбери в очередной раз одновременно занял посты премьер-министра и министра иностранных дел, российско-английские отношения вновь серьезно обострились.

На этой волне Николай II 30 августа 1895 года принял германского канцлера Х. Гогенлоэ, выразив желание, чтобы кайзер поддерживал завязавшуюся между монархами переписку и писал ему, когда сочтет нужным [13, с. 118]. В последовавшем за этим событием письме Вильгельм II написал Николаю II пророческие строки: «Если Франция, открыто или тайно подстрекаемая к этому, будет продолжать своим поведением так нарушать и правила международной вежливости, и самый мир, то в один прекрасный день, мой дорогой Ники, ты окажешься *volens volens* внезапно втянутым в самую страшную войну, какую когда-либо видела Европа! И в развязывании ее народные массы и история, может быть, обвинят тебя же» [13, с. 123].

13 октября 1895 года А.Б. Лобанов-Ростовский по поручению Николая II встретился с Вильгельмом II. На этой встрече кайзер предложил воссоздать Союз трех императоров, заявив: «Если же с ее [Франции – А.Б.] стороны появились бы поползновения к экспансии при помощи революционной пропаганды, то три императора, объединившись между собой, могли бы ее полностью раздавить. Мы достаточно сильны для этого» [10, с. 268]. Однако его предложение не нашло поддержки у нового российского министра. «Это все та же игра, чтобы привлечь Россию: взывать к монархическим и консервативным принципам, манить Константинополем и обещать поддержку Германии во всех восточных делах» [1, с. 301] – заявил он на докладе Николаю II. Очевидно, что А.Б. Лобанов-Ростовский стал первым из министров, открыто высказавшимся против укрепления российско-германских отношений.

Однако Николай II все-таки продолжал политику постепенного сближения с Германией и Австро-Венгрией, одновременно укрепляя и союз с Францией. Так, в ходе поездки по странам Европы 13 августа 1896 года он посетил в Вене императора Франца-Иосифа с двухдневным визитом. Во время этого визита А.Б. Лобанов-Ростовский и министр иностранных дел Австро-Венгрии Агенор Голуховский договорились о поддержании постоянных контактов и признали общей целью сохранение существующего порядка вещей на Балканах. Однако на обратном пути из Вены А.Ю. Лобанов-Ростовский скорострительно скончался, поэтому 22 августа Николай II выехал в Берлин уже в сопровождении нового министра иностранных дел Николая Павловича Шишкина. На переговорах поднимались в основном вопросы торговли, и Вильгельм II даже предложил создание таможенного союза для противодействия американской торговой экспансии [3, с. 353–354].

В начале 1897 года А. Голуховский передал вновь назначенному российскому министру иностранных дел Михаилу Николаевичу Муравьеву, что он придает большое значение сотрудничеству с Россией. В апреле 1897 года во время визита императора Франца-Иосифа в Петербург, министры после переговоров пришли к консенсусу, одобренному монархами и оформленному в виде писем послу Австро-Венгрии в России князю Лихтенштейну.

В них указывалось, что стороны отказываются от территориальных претензий на Балканах и поддерживают статус-кво. Они подчеркивали, что их «правительства не имеют на Балканском полуострове никаких иных целей, кроме как поддержание, укрепление и мирное развитие создавшихся там малых государств» [19, с. 306]. Стороны подтверждали закрытие черноморских проливов для военных судов любых держав. В случае изменений ситуации на Балканах в связи с распадом Османской империи обе стороны договаривались «о готовности действовать согласованно» [19, с. 305]. Таким образом, соглашение обеспечивало мирное развитие российско-австрийских отношений и вновь открывало дорогу к возрождению Союза трех императоров.

На фоне этих событий, в конце июля 1897 года Вильгельм II также нанес ответный визит в Петербург. На переговорах, в которых принимал участие и С.Ю. Витте, обсуждались торговые вопросы, политика в Китае и Ближневосточный кризис. Интересно, что в ответ на проект антиамериканского таможенного союза С.Ю. Витте предложил совместные меры против всех заморских стран, включая и Великобританию. Однако от этого предложения немецкая сторона отказалась [6, с. 363].

В сентябре 1897 года начальник Главного штаба Николай Николаевич Обручев встретился с новым германским статс-секретарем по иностранным делам Бернгардом фон Бюловым. При встрече было сделано заявление от имени М.Н. Муравьева, что главный враг обеих держав – Англия, против которой континентальным державам следовало бы заключить союз с целью поддержания статус-кво в Европе, но Б. фон Бюлов отклонил это предложение [25, с. 88–89].

Вскоре, в марте 1898 года, Англия устами министра колоний Джозефа Чемберлена предложила Германии заключить союзный договор. Однако и Б. фон Бюлов, и Вильгельм II сразу же оценили предложение как попытку втянуть Германию в конфликт с Россией, и не приняли предложение. Более того, Вильгельм написал об этом в личном письме Николаю, поясняя, что союз направлен против России, а также спросил, что может дать Россия Германии взамен этого союза? [22, с. 690–692]. Если бы Николай II в ответ предложил российско-германский союз, предложение, на наш взгляд, могло быть принято.

Однако, поскольку этого не случилось, 30 августа 1898 года Германия заключила с Англией Договор о разделе португальских владений в Африке, надеясь расширить за их счет свои колониальные территории. За это Германия отказывалась от поддержки на юге Африки бурских государств, которые решила захватить Англия. Правда, через год германские дипломаты выяснили, что англичане их обманули, секретно подтвердив Виндзорский договор с Португалией о гарантии неприкосновенности ее колоний [2, с. 135].

Несмотря на осторожную позицию российской дипломатии по отношению к Германии, угроза новой войны, в которую будет втянута Россия, была ею осознана и отрефлексирована предельно четко. Видимо, это и послужило

побудительным мотивом для Николая II выступить с беспрецедентным миротворческим предложением ко всем мировым державам.

3. Гагская мирная конференция 1899 года и позиция России

24 августа 1898 года министр иностранных дел граф Михаил Николаевич Муравьев вручил по повелению Николая II всем аккредитованным в Санкт-Петербурге иностранным представителям предложение созыва международного форума по разоружению. В нем были следующие строки: «Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств... Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья – таков ныне высший долг для всех государств» [18, с. 98–100].

Поскольку предложение было беспрецедентным, почти год ушел на обсуждение и согласование повестки дня с предполагаемыми участниками конференции. В итоге в новой ноте М.Н. Муравьева от 11 января 1899 года, обращенной к иностранным диппредставителям в Российской империи, было сформулировано восемь пунктов. Из них первые четыре были посвящены проблеме ограничения вооружений, а остальные – вопросам международного права в конфликтных ситуациях.

Нам показался особенно интересным и актуально звучащим последний, восьмой пункт повестки, провозглашавший «принятие начала применения добрых услуг, посредничества и добровольного третейского разбирательства в подходящих случаях, с целью предотвращения вооруженных между государствами столкновений; соглашение о способе применения этих средств и установление однообразной практики в их употреблении» [4]. Иными словами, это означало утверждение приоритета дипломатических методов разрешения конфликтов над военными.

По соглашению между державами, местом конференции была избрана Гаага. Приглашение участвовать в ней было принято всеми европейскими державами и шестью неевропейскими – Соединенными Штатами Америки, Мексикой, Китаем, Японией, Персией и Сиамом. Болгария, по требованию Турции, была допущена лишь в качестве наблюдателя.

Россию представлял посол в Великобритании барон Е.Е. Стааль, он же был избран председателем конференции как представитель государства – инициатора. Конференция открылась 18 мая, в день рождения Николая II, и продолжалась до 29 июля 1899 года. Любопытно, что журналисты не были допущены на конференцию, и поэтому о ней нет полных данных – лишь краткие официальные коммюнике для печати. Рискнем предположить, что у западных государств были настолько воинственные возражения против российских миротворческих предложений, что они не хотели выносить их на всеобщее обозрение. Видимо, в связи с этим и оказалась недостижимой основная цель российской дипломатии на этом мероприятии – заключение Договора о всеобщем сокращении вооружений и военных бюджетов, или хотя бы о замораживании их на существующем уровне.

Однако Конференция приняла три знаковые конвенции. В первой из них «О мирном разрешении международных споров» были установлены общие

правила мирного урегулирования конфликтов между державами, для чего рекомендовалось прибегать к арбитражу. Конвенция предусматривала создание Постоянной палаты третейского суда в Гааге, которая существует до наших дней.

Вторая конвенция определяла обычаи сухопутной войны. Она указывала на необходимость гуманного обращения с военнопленными, включала в себя положения Женевской Конвенции 1864 года о раненых и больных, а также запрещала использовать отравляющие вещества и обстрелы незащищенных городов или поселений. Жители оккупированных территорий не могли быть принуждены к военной службе, направленной против своей страны.

И, наконец, третья распространяла применение Женевской конвенции 1864 года на морскую войну. Она предусматривала защиту специально помеченных госпитальных судов и требовала лечения раненых и потерпевших кораблекрушение моряков всех воюющих сторон.

Две последние конвенции, никак не ограничивающие гонку вооружений, а лишь интерпретирующие статьи принятого за 35 лет до конференции документа, оказались такими откровенно слабыми и «беззубыми» прежде всего из-за сопротивления Германии и Англии, заинтересованных в быстром развитии сухопутных и морских вооружений соответственно.

Кроме того, на конференции были приняты три декларации – о запрещении сбрасывать взрывчатые вещества с аэростатов и других воздушных аппаратов, об отказе от употребления снарядов с удушающими газами и о запрете использования разрывных пуль.

При этом российская делегация подписала все акты конференции без оговорок, после чего они были своевременно ратифицированы [8, с.120–121]. В отличие от российских коллег, англичане не подписали деклараций о бросании взрывчатых снарядов с аэростатов и об использовании снарядов, распространяющих удушающие газы. Уже это показывает кардинальное отличие подходов России и Великобритании не только к вопросам войны и мира, но и к оружию массового уничтожения. В целом, России удалось несколько смягчить международную напряженность на рубеже веков, но предотвратить войну она не смогла.

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что в последние два десятилетия XIX века постепенно вызревали предпосылки Первой мировой войны, а также началась ее дипломатическая подготовка, все более нараставшая. Основные противоречия складывались между Германией и Великобританией, выступавших ее основами драйверами. Тем не менее, в этот процесс постепенно втягивалась и Россия, не заинтересованная в войне и отчаянно пытавшаяся ее избежать. Она не только выступала с компромиссными предложениями по многим европейским вопросам, но и являлась инициатором мирной конференции в Гааге. При этом избежать войны или хотя бы минимизировать ее потери Россия могла бы, сохраняя и укрепляя отношения со своими традиционными геополитическими союзниками, прежде всего, с Германией.

Однако мы видим в исследуемый период топтание на месте в этом вопросе как российской, так и германской дипломатии. Каждая из сторон понимала, что их союз не только возможен, но и чрезвычайно важен, но при этом не могла решиться на более смелые и открытые шаги. Германия предпочитала балансировать между Россией и Великобританией, а Россия, соответственно между

Германией и Францией. Но в тот период, в конце XIX века, все еще было обратимо, и война, на наш взгляд, не была неизбежной. Ситуация приобрела очертания фатальной воронки только в начале XX века, но это тема для отдельного исследования.

Литература

1. Антонова Л.В. История российской дипломатии / Л.В. Антонова, Т.А. Просвинова. – М.: Дом Славянской книги, – 2010. – 478 с.
2. Бюлов Б. Воспоминания / Б. Бюлов; пер. с нем.; под ред. и с предисл. В.М. Хвостова. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, – 1935. – 565 с.
3. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 / С.Ю. Витте. – М.: Мысль, – 1991. – 720 с.
4. История третейского суда. – URL: <http://interarbiter.moscow/include/history/history.pdf>, свободный (дата обращения: 15.03.2019)
5. Дебидур А. Дипломатическая история Европы. 1814–1878 / А. Дебидур. Ростов – н/Д: Феникс, 1995. Том II. – 606 с.
6. Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века / А.С. Ерусалимский. – М.: Издательство АН СССР, 1951. – 611 с.
7. История внешней политики России в 5 т. Том 4. Вторая половина XIX века. – М.: Международные отношения. – 1999. – 384 с.
8. История внешней политики России в 5 тт. Том 5. Конец XI – начало XX века. – М.: Международные отношения, – 1999. – 672 с.
9. Ламздорф В.Н. Дневники 1891–1892 годов / В.Н. Ламздорф. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 290 с.
10. Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896 / В.Н. Ламсдор. – М.: Международные отношения, 1991. – 453 с.
11. Переписка Николая II с Вильгельмом II. – М: Гранд Мастер, 2017. – 320 с.
12. «Перестраховочный» договор между Россией и Германией / Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 267–270.
13. Письмо Вильгельма II Николаю II. 26 сентября 1895 г. / Мольтке Х. Фон. Русские письма; пер. с нем. М.Ю. Некрасова. – СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2008. – С. 118.
14. Письмо министра иностранных дел России Гирса послу России в Париже Моренгейму / Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 278.
15. Письмо министра иностранных дел России Гирса послу Франции в С.-Петербурге Монтебелло / Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 283.
16. Письмо посла России в Париже Моренгейма французскому министру иностранных дел Рибо / Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 277–278;

17. Письмо французского министра иностранных дел Рибо послу России в Париже Моренгейму / Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 279–280.

18. Рише Ш. Война и мир / Ш. Рише. Киев-Харьков: Южно-Русское издательство Ф.А. Югансона, 1899. – 192 с.

19. Соглашение между Россией и Австро-Венгрией о Балканах / Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М.: Госполитиздат, 1952. – С. 306.

20. Соглашение между Россией и Великобританией о разграничении сфер влияния в области Памира / Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – С. 284–286.

21. Соловьев О.С. Обреченный альянс: заговор империалистов против народов России / О.С. Соловьев. М.: Мысль, – 1986. – 256 с.

22. Хвостов В.М. Начало англо-германского антагонизма. Обострение дальневосточной проблемы / В.М. Хвостов // История дипломатии. – М.: АСТ, – 2009. – С. 670–700.

23. Шевенман Ж.П. 1914–2014. Европа выходит из истории? / Ж.П. Шевенман. – М.: АСТ, 2015. – 352 с.

24. Bell D. The Idea of Greater Britain: Empire and the Future of World Order, 1860–1900. – Princeton: Princeton University Press, – 2007. – 336 p.

25. Die Große Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1922. Bd. XIII. – №3451. – S. 88–89.

26. Helgoland-Sansibar-Vertrag. Vertrag zwischen Deutschland und England über die Kolonien und Helgoland vom 1. Juli 1890. Das Staatsarchiv, Sammlung der offiziellen Aktenstücke zur Geschichte der Gegenwart, 51. Bd, Leipzig, Verlag von Duncker & Humblot 1891, S. 151. URL: www.deutsche-schutzgebiete.de/helgoland.htm свободный (дата обращения: 15.03.2019).

27. The Triple Alliance. 20 May 1882. URL: <http://www.gwpda.org/1914m/tripally.html> свободный (дата обращения: 15.03.2019).

28. Thompson A.S. Imperial Britain: The Empire in British politics. 1880–1932. / A.S. Thompson. – L: Longman Pub Group, 2000. – 366 p.

МОГЛА ЛИ РОССИЯ СТАТЬ СТРАНОЙ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЕЙ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ?

Коломыц Дмитрий Михайлович,

кандидат исторических наук, доцент,

*доцент кафедры международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.*

DMKolomys@kpfu.ru

Аннотация. В данной статье представлена гипотеза о том, что совпадение совершения государственного переворота в феврале 1917 года в России и вступление в войну США объясняется тем, что о перевороте в России руководители Антанты знали заранее. Целью переворота было выведение России из войны не только без лавров победителя, но низведение ее на уровень проигравшей стороны. Исходя из вышесказанного предположения Россия в малой степени вероятности могла стать страной-победительницей в Первой мировой войне.

Ключевые слова: Россия, Российская империя, царизм, Первая мировая война, Февральская революция, альтернативная история, Антанта, Тройственный союз, США.

27 февраля 1917 года началось восстание в Петрограде, получившее впоследствии обозначение Февральской революции 1917 года. В ночь на 28 февраля (13 марта) Временный комитет объявил, что берет власть в свои руки. Однако Временному комитету во главе с Председателем Думы М.В. Родзянко не удалось взять власть в свои руки, так как депутаты левых фракций Думы создали Временный Исполком Петроградского Совета рабочих депутатов в том же Таврическом дворце. Он распространил по заводам и солдатским частям листовки с призывом выбирать своих депутатов и присылать их к 19 часам в Таврический дворец по 1 депутату от каждой тысячи рабочих и от каждой роты. В 21 час начал работу Петроградский Совет рабочих депутатов во главе с меньшевиком Н.С. Чхеидзе, с заместителями трудовиком А.Ф. Керенским и меньшевиком М.И. Скобелевым. 1 марта 1917 года был издан Приказ № 1 Петроградского Совета, положивший начало развалу действующей армии, а в мае 1917 года. «Временное правительство по настоянию входивших в его состав лидеров партий эсеров и меньшевиков приняло “Декларацию прав военнослужащих”» [4]. Эта декларация вслед за Приказом № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов продолжила развал армии.

Начались убийства офицеров. На флоте убийства офицеров начались в Гельсингфорсе 3 (16) марта. «К 15 марта Балтийский флот “потерял” 120 офицеров, из которых 76 было убито (в Гельсингфорсе – 45, в Кронштадте – 24, в Ревеле – 5 и в Петрограде – 2). В Кронштадте, кроме того, было убито не менее 12 офицеров сухопутного гарнизона. Четверо офицеров покончили жизнь самоубийством, и 11 пропали без вести. Всего, таким образом, погибло более 100 человек». На фронтах убийство офицеров стало обычным делом [9].

«В результате Февральской революции также была распущена царская полиция и жандармерия, а ее функции были переданы вновь созданной народной милиции (народное ополчение). Полицейские офицеры подвергались репрессиям и им было запрещено работать во вновь созданных правоохранительных органах. Это привело к тому, что милиция никак не могла воспрепятствовать сползанию страны в хаос и анархию» [13].

15 марта Николай II якобы подписал отречение от престола. Начался распад Российской империи. 4 марта 1917 года появилась Украинская центральная рада, 5 июня 1917 года Финляндия объявила о независимости, разворачивали свою деятельность националисты Закавказья. «Финляндия, Лифляндия, Эстляндия, Польша, Литва, Украина, Грузия, Сибирь требуют для себя независимости или, по крайней мере, полной автономии, – уже 30 марта 1917 года писал в своих записках французский посол в России М. Палеолог, –Французская революция начала с объявления Республики единой и неделимой. Этому принципу были принесены в жертву тысячи голов, и французское единство было спасено. Русская революция берет лозунгом “Россия разьединенная и раздробленная”» [12].

Одновременно в США 18 мая 1917 был принят закон об ограниченной воинской повинности. И в армию было призвано 1 млн мужчин в возрасте от 21 до 31 года. «С начала марта 1918 года союзники сдерживали мощное наступление немцев. К лету при поддержке американского подкрепления удалось развернуть контрнаступление. Армия США сыграла значительную роль в разгроме Германии, успешно действуя против вклинившейся Сен-Мийельской группировки противника и приняв участие в общем наступлении союзных войск» – вот типичный рассказ об участии США в Первой мировой войне [2].

В литературе много рассуждений о причинах, побудивших США вступить в войну. Одна гипотеза, мне представляется, чисто мифологическая звучит так, что две основные цели, «намеченные еще до вступления США в войну и постепенно прояснившиеся на протяжении 1917–1918 годов, сводились к восстановлению стабильности в Европе и созданию Лиги наций, которая могла бы обеспечивать мир и служить действенным инструментом международного развития» [2]. То есть США были страной, выступающей за мир во всем мире, при этом под своим руководством. Последнее, скорее всего, верно, первое – скорее всего, ложно. Рассуждают также о том, что США, наконец, преодолели свой изоляционизм и сразу бросились помогать союзникам, в том числе желая расквитаться с Германией за потопление англо-саксонских кораблей. Скорее всего, США заполнили своей армией человеческую брешь, вызванную развалом Восточного фронта Антанты. Тем более есть достаточно свидетельств того, что армия США была слабо подготовлена к ведению боевых действий самостоятельно [8, с. 225; 11, с. 548]. Из дат призыва и развертывания североамериканских войск в Европе видна поспешность, которую вполне можно расценивать как срочную, но неохотно исполняемую необходимость участвовать в военных действиях. Несмотря на экономическое превосходство Антанты, без России Великобритания, Франция и Италия оказались не способны одержать победу над Четверным Союзом [11, с. 527]. Представляется, что без такого понимания США не стали бы участвовать в боевых действиях.

То, что отношение к России в США было особым, можно увидеть по анализу деятельности Русского заготовительного комитета в США, занимавшегося военными закупками, проведенного М.И. Гайдуком по свежим следам [3, с. 79].

По заявлению члена этого Русского заготовительного комитета Б.Л. Бразоля его бюджет в США равнялся бюджету всей российской империи [3, с. 6]. Ежегодно же тратилось на закупки около 4 млрд рублей [3, с. 79]. В своей книге он пишет, что в США произошло много взрывов на пароходах и заводах, связанных с поставками в Россию [3, с. 79]. В выходившей в США газете «Русский голос» ее редактор И.К. Окунцов писал, что взрывались только русские пароходы, русские доки и склады [3, с. 80]. Странно выглядит бездействие североамериканских властей. Одновременно в июне 1917 года США выдала Временному правительству заем на 350 млн долларов «для расплат пор русским закупкам» [3, с. 84]. При этом воровство среди членов комитета было вопиющим. Складывается впечатление, что власти США не были особо заинтересованы в обеспечении русской армии, как, впрочем, и ее европейские союзники [7].

В России уже 25 августа 1915 года был создан «Прогрессивный блок», объявивший своей целью создание конституционного строя в России. По сути это был призыв к государственному перевороту потому, что смена политического режима в воюющей стране вела государство к поражению. Английский посол Бьюкенен имел тесные отношения, как пишут источники, «дружбу» с «возглавителями» Прогрессивного блока. Он советовал Николаю II как вести внутреннюю политику. В ответ на это Император России якобы даже намеревался послать королю Великобритании Георгу телеграмму, чтобы тот воспретил Бьюкенену вмешиваться во внутренние дела России [5, с. 213].

Вмешательство Великобритании в дела России было многогранным. Согласно английским исследованиям в заговоре против Г. Распутина участвовали О. Рейнер, произведший последний выстрел, глава британской разведывательной миссии С. Хор, посол Великобритании в России Дж. Бьюкенен, а санкцию на это убийство дал лично глава правительства Д. Ллойд-Джордж [10]. Есть мнение, что Николай II пытался заключить с Германией сепаратный мир [13]. Поэтому русская буржуазия вынуждена была взять власть в свои руки. Но это мнение не выдерживает никакой критики потому, что победа давала царю большую надежду на выход из вызванного войной внутреннего кризиса и рост геополитического могущества.

Самое поразительное в том, что Россия была державой, которая получала самые большие выгоды из победы над Тройственным союзом. Это тем более удивительно, что Николай II был единственным правителем среди воюющих держав, кто не хотел войны. Но по ее итогам к Российской империи должны были отойти Восточная Пруссия, Познань, Польская Силезия [6, с. 739]. Галиция, Буковина и Карпаты, Босфор, Дарданеллы и часть Южной Фракии [6, с. 740–741]. Отсюда проистекают корни провальной Дарданельской операции Великобритании «дабы москвит не имел возможности совершенно самостоятельно решить вопрос о будущем этого города и проливов – Дарданелл и Босфора», – как написал в телеграмме британский посол во Франции Ф. Берти [6, с. 742]. Северо-восточная часть Турции до Синопа на Черном море и вглубь Кавказа также должны были отойти России, с чем Британия согласилась [6, с. 744–745].

Получалось, что после победы Россия становилась ведущей евразийской державой, решившей все геополитические задачи в свою пользу. Этого противники Российской империи допустить не могли. Если учесть, что на самом деле в Великобритании существовал план уничтожения четырех империй, то есть в том числе империи своего союзника – Российской, то можно предположить,

что свержение царя было стратегически задумано еще до начала мировой войны. И тем более, что по ее окончании Россия выходила победителем и в конкурентной борьбе с англо-саксонскими государствами [7].

Временное правительство исполнило все планы Антанты «на отлично». А.А. Брусиллов писал в своих мемуарах, что в феврале 1917 года «в Ставке... а также в Петербурге было, очевидно, не до фронта. Подготавливались великие события, опрокинувшие весь уклад русской жизни и уничтожившие и армию, которая была на фронте» [1]. То есть командованию воюющей армии было не до армии.

Таким образом, США вступили в войну по двум причинам. Одна – основная – замена русской армии на североамериканскую, вторая – обеспечение себе права на участие в послевоенных делах Европы (что и удалось после создания Лиги наций).

По отношению к России, как видно из политики Временного правительства, был отказ от всех прежних договоренностей со странами Антанты о послевоенном устройстве мира, и перевод России в иной, но, скорее всего, не державный государственный статус. То, что такие задачи ставились, можно предположить от того, что Антанта развернула широкую интервенцию в Россию уже в 1918 году, когда они поняли, что не могут управлять большевистским правительством.

Возникает еще один важный вопрос: что было бы, если бы февральский переворот в России не удался, и царизм довел бы дело до победы и удовлетворил бы все свои притязания. Представляется, что следующая война была бы войной Запада с Российской империей, вполне вероятно, что этот Запад был бы таким же фашистским. Ни США, ни Великобритания, ни Франция, не говоря уже о бывших державах Четверного Союза не могли бы долго терпеть полное геополитическое господство России в Евразии. Но вот императорская Россия, в отличие от Советского Союза, не смогла бы в короткие сроки (за 10–20 лет) провести индустриализацию, осуществить аграрную реформу и совершить культурную революцию. Соответственно, русская армия не имела бы миллионы грамотных солдат и офицеров, необходимых в войне техники, какой стала Вторая мировая война, не имела бы своей самодостаточной военной промышленности и не смогла бы создать новейшую и достойную военную технику. Поэтому, вероятнее всего, Россия потерпела бы поражение в этой войне, и будущее русского народа и всех народов России было бы трагическим.

Главным выводом статьи является утверждение, прямо не относящееся к задачам статьи. Но оно важно с точки зрения споров об исторических альтернативах. Вывод состоит в том, что в ходе Первой мировой войны большевистская Россия спасла цивилизацию Русского мира. И никакие альтернативы, выдвигаемые историками и политиками о том, что у России ее враги отняли победу в Первой мировой войне, не отменяют того факта, что именно Советская эпоха в жизни России сделала ее сверхдержавой, не зависящей от воли союзников.

Литература

1. Базанов С.Н. Великая война: как погибала Русская армия / С.Н. Базанов. – URL: <https://military.wikireading.ru/65963> (дата обращения: 1.03.2019).
2. Вступление США в Первую Мировую войну. – URL: <https://otvet.mail.ru/question/67890584a> (дата обращения: 1.03.2019).
3. Гайдук М.И. «Утюг». Россия под «утюгом». Материалы и факты о деятельности русских военных комиссий в Америке / М.И. Гайдук. – Нью-Йорк, 1918. – 145 с.
4. Из истории Приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. – URL: <https://statehistory.ru/5545/Iz-istorii-Prikaza-1-Petrogradskogo-Soveta-rabochikh-i-soldatskikh-deputatov/> (дата обращения: 1.03.2019).
5. Кобылин В. Анатомия измены. Император Николай II и Генерал-адъютант Алексеев / В. Кобылин. – СПб.: «Царское дело», 2011. – 448 с.
6. Мультиатули П. Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917) / П. Мультиатули. – М.: ФИВ, 2012. – 840 с.
7. Почему сто лет назад рухнула монархия? Кто заказал и оплатил русские революции? – URL: <https://за-царя.рф/myth/pochemu-sto-let-nazad-rukhnula-monarkhiya-obzornaya-lekciya> (дата обращения: 1.03.2019): Выступления Чавчавадзе Е., Мартынова А., Нарочницкой Н., Хереш Э., Тандлера Н., «Купленная революция. Тайное дело Парвуса», «Император Николай II», Энтони Саттон Э. «Уолл-стрит и большевистская революция», Тери Э. «Россия в 1914 г. Экономический обзор», фильм «Страна, которую не жалко».
8. Террейн Д. Великая война. Первая мировая – предпосылки и развитие / Д. Террейн. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 254 с.
9. Убийства офицеров во время Февральской революции. – URL: <https://d-zykin.livejournal.com/137002.htm> (дата обращения: 1.03.2019).
10. Убийство Распутина: британский след. – URL: https://tsargrad.tv/articles/ubijstvo-raspulina-britanskij-sled_127260 (дата обращения: 1.03.2019).
11. Уткин А. Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне / А. Уткин. – Смоленск: Русич, 2000. – 640 с.
12. Февраль 1917 года развалил Россию. Большевики собрали заново. – URL: <https://arctus.livejournal.com/180070.html> (дата обращения: 1.03.2019).
13. 1917. Хроника Февральской революции. – URL: <https://humus.livejournal.com/2301579.html> (дата обращения: 1.03.2019).

**МЕМУАРЫ МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГИЯ (ГЕОРГИЕВСКОГО)
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ НА ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ (ХОЛМСКИЙ ВОПРОС)**

Циунчук Рустем Аркадьевич,
*доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.
Rustem.Tsiunchuk@kpfu.ru*

Аннотация. Статья рассматривает изданные в Париже в 1947 году мемуары митрополита Евлогия (Георгиевского, 1868–1946 годы), бывшего в 1905–14 годах епископом (архиепископом) Холмским, членом Второй и Третьей Государственной думы Российской империи в качестве источника изучения этноконфессиональных отношений в одной из самых сложных зон культурного контакта и конфликта Российской империи – Холмском крае в конце XIX – начале XX века (до Указа о вероотерпимости 17 апреля 1905 года). Рассматривается предыстория Холмского вопроса, последствия принятия Брестской унии 1596 и и упразднения греко-католической церкви в польских губерниях в 1875 году. Прослеживается специфика национально-конфессиональной политики властей Российской империи и Русской православной церкви в Западном крае в контексте противоборства с польским влиянием и двойственность правительственного курса в этом регионе с акцентами не только на поддержку вероисповедальной, но и языковой /этнической идентичности в дискурсе католики – православные – униаты / поляки – русские – украинцы.

Ключевые слова: международные отношения, исторические источники, мемуары, Евлогий (Георгиевский), Российская империя, Холмский край, Брестская уния, русско-польско-малороссийские отношения, православно-католическо-униатские взаимоотношения, этноконфессиональная идентичность.

Проблема репрезентативности привлекаемого корпуса источников является ключевой для любого серьезного исследования. Это особенно важно при обращении к проблемам межконфессиональных отношений и межнационального взаимодействия в зонах этноконфессиональных контактов и конфликтов в переломные эпохи реформ и революций в Российской империи. Уникальным источником по этим проблемам являются написанные в эмиграции мемуары представителя высшего духовенства дореволюционной России митрополита Евлогия [2], которые лишь в последние десятилетия начали привлекаться отечественными исследователями.

Представляется целесообразным выявить потенциал использования таких источников на примере мемуаров митрополита Евлогия, в миру Василия Семеновича Георгиевского, (1868–1946) – видного русского церковного иерарха, известного миссионера, общественно-политического деятеля. Он обучался в Белевском духовном училище, Тульской духовной семинарии Московской духовной академии, которую окончил в 1892 году. Его карьера была весьма

успешной и после служения преподавателем в Тульской духовной семинарии, был рукоположен в диаконы, затем в архимандриты и в 29 лет был назначен ректором Холмской духовной семинарии в Люблинской губернии. В 1905–1914 годах Евлогий служил епископом (архиепископом) Холмским и Люблинским (1907–1912), в 1914–1917 годах архиепископом Волынским и Житомирским, избирался во II и III Государственные думы.

В 1921 году – временно управляющим православными русскими церквами в Западной Европе, с 1922 года – митрополит, в 1925–1946 годах – основатель и ректор православного Богословского института в Париже, с 1945 года – экзарх Русской православной церкви в Западной Европе [5, 179–180].

Митрополит Евлогий обратился к мемуарам в середине 1930-х годов, находясь в Париже. В это время радикально изменился существовавший до 1917 года мир, рухнули империи, на Востоке Европы появились новые государства с новой этноконфессиональной (или атеистической – в СССР) политикой. Уже были известны результаты тщетных попыток создания в поздней Российской империи «большой русской нации», государственных и церковных усилий по ликвидации Греко-католической церкви, проекта организации из «православных» уездов польских губерний новой Холмской губернии вне Царства Польского. Возможно, поэтому в воспоминаниях Евлогия звучат и критические нотки в отношении части государственной бюрократии и церковных православных иерархов, признание некоторых ошибок и просчетов, хотя, как видим из мемуаров, в целом, митрополит Евлогий в середине 1930-х стоял на тех же мировоззренческих и политических позициях, как и раньше.

Его воспоминания «Путь моей жизни» были записаны с его слов писательницей-эмигранткой Татьяной Ивановной Манухиной на основе еженедельных бесед, продолжавшихся с 1935 до весны 1938 года. В предисловии она писала, что рассказы Евлогия отличались художественностью изображения, образностью, логической связанностью, отмечая, что для уточнения некоторых подробностей привлекались исторические работы и архивные источники. Закончив работу над этими воспоминаниями в 1938 году, Евлогий во время войны и германской оккупации записывать уже ничего не захотел и просил до смерти никому о них даже не говорить.

Через год после смерти митрополита Евлогия, в 1947 году, его воспоминания были изданы в известном эмигрантском издательстве Ymca-press. Это обширное издание, исполненное в дореволюционной орфографии, объемом в 678 страниц, сопровождалось 15 иллюстрациями и первоначально было известно только зарубежному читателю. В постсоветский период оно было переиздано, с изменением орфографии и некоторыми сокращениями, но без научных комментариев и в таком виде ныне доступно также и в интернете. Эти интереснейшие воспоминания, как правило, используются историками Русской православной церкви и Русской зарубежной православной церкви, чаще всего как справочно-биографический материал [3, 82–91; 6, 116–123]. В последнее десятилетие мемуары Евлогия, связанные с его религиозной и общественно-политической деятельностью в польско-украинском пограничье, довольно активно привлекались польскими исследователями [10; 11, 53–76; 12; 14; 15, 177–196; 16], но, на наш взгляд, редко пользуются достаточным вниманием со стороны российских [4, 157–175; 7; 8, 188–197], а также украинских историков [7], исследующих этноконфессиональные проблемы поздней Российской империи.

Структурно воспоминания «Путь моей жизни» разделены на 23 главы, причем первые восемь (не очень объемные) охватывают первые 29 лет жизни автора, когда он жил, учился и служил в губерниях Центральной России. Семь следующих обширных глав воспоминаний раскрывают жизнь и деятельность Евлогия в восточных губерниях Царства Польского и губерниях Украины. В настоящей статье остановимся лишь на разделах воспоминаний, касающихся проблемы этноконфессиональных отношений в Холмской зоне этноконфессионального культурного контакта и конфликта в конце XIX – начале XX века, до событий революции 1905 года и до изменений в этноконфессиональной сфере, связанных с Указом о веротерпимости 17 апреля 1905 года.

Описывая свое первое путешествие в Холм через Варшаву, Евлогий отмечал немалые различия: «Извозчики, упряжь, говор, люди какой-то особой складки... – все иное, все по-другому, чем у нас. Новый, неведомый мне край. Своего рода заграница». Сам же Холм оказался маленьким уездным городком «с польско-еврейским населением, с налетом польской культуры и на русских горожанам» [2, 97]. Однако в своем описании Холма и Холмщины Евлогий сделал упор на исторические предания, исторические реликвии, памятные места и здания, подтверждающие принадлежность Холмского края и его населения православной Руси. Он упоминал «историческое предание» об основании Холма князем Владимиром, строительство по его приказу церкви и пожертвование ей греческой иконы Божьей Матери, которая, по словам мемуариста, «явилась историческим знаменем Холмщины». Важным местом исторической памяти в Холме для Евлогия был и насыпной холм, где «когда-то стоял дворец кн. Даниила Романовича Галицкого» и были обнаружены при раскопках «мозаичные полы, предметы домашнего обихода и проч.» [2, 94]. Мемуарист сообщал, что именно на вершине этого холма в 1884 году была поставлена «красивая как бонбоньерка церковь в память воссоединения Холмских униатов с православием в 1875 году». По словам мемуариста, «когда образовалась новая Польша, она почему-то полякам помешала, и они (говорят в четверг Страстной недели) взорвали ее динамитом, как и много других храмов в Холмщине» [2, 95]. По другим сведениям, она была разобрана до фундамента в 1921 году.

Вновь обращаясь в мемуарном источнике к давней истории русско-польских отношений, Евлогий использовал научную терминологию начала XX века, подчеркивая, что Холмщина не являлась частью Польши, а «примыкала к этнографической польской границе», при этом «население ее были малороссы». Мемуарист ретроспективно сопоставил несколько этапов конфессионального противоборства, первый из которых он обозначил XVI–XVII веками, «тяжелыми временами для народа», когда «он долго боролся за свою религиозную свободу, за православие». Католическую церковь этого периода он называл «могущественным фактором польской национальной политики», отмечая, что в XVII веке местная аристократия из-за государственных выгод переходила в католичество. Среди таких местных родов он называл графов Шептицких (одним из видных представителей этого рода был граф Андрей Шептицкий (1865–1944), предстоятель Украинской греко-католической церкви в 1900–1944 годах), князей Пузына, графов Потоцких, князей Святополк-Четвертинских. Впоследствии, по его образному выражению, верными православию остались только «хлоп да поп». Затем начали «морально обессиловать высшее православное духовенство», чтобы за ним пошел и простой народ, и в 1596 году в Бресте епископами Кириллом Терлецким,

Игнатием Поцеем, изменившими православие, была подписана уния и произошел «переход Холмщины в унию».

Второй период противоборства двух ветвей христианства Евлогий связывает с разделами Польши, когда пошла «обратная волна» и «сначала Подолье, Волынь потом Литва (1839)» вышли из унии.

Третьим периодом можно считать 1875 год, когда Холмщина, относившаяся к польским губерниям, «потянулась к своему исконному родному православию», подав Александру II «петицию о воссоединении с православной церковью» [2, 95].

Обобщая эти исторические повороты в своих воспоминаниях и признавая сложность «религиозной народной жизни Холмщины», Евлогий соглашался, что в ней «скрещивались и переплетались разнородные религиозные течения, последствия разных культурных наслоений», все же проводил противопоставление: «Руси и православия», оценивавшийся «как исторический фундамент» прошлого этого края – «Польше и католичеству в виде унии – как дальнейшему наслоению, заглушавшему первоначальную стихию народной жизни и изломавшее душу народа, его язык, быт и весь уклад» [2, 95–96]. Он использовал для характеристики этого христианского населения Холмщины противоречивый образ: «прекрасный народ с сильным религиозным чувством», но «с изломанной душой» [2, 96]. Такая формула была не нова, она, например, перекликалась с заявлением в III Государственной думе в 1911 году при обсуждении вопроса об организации Холмской губернии организатора Галицко-русского общества националиста графа В.А. Бобринского, что Холмщина «это особенно больной и истерзанный русский край» и требуется «особенно внимательно и бережно его лечить», для того «чтобы оно было всеми признано национальным народным достоянием, искони русской землей, т. е. Русью» [1, 2745, 2746].

Символами многовекового конфессионального конфликта в воспоминаниях Евлогия не раз упоминаются храмы и монастыри, которые переходили в разные периоды от одной конкурирующей церкви к другой. Острая проблема принадлежности памятников религиозного зодчества и целых монастырских комплексов становилась актуальной с изменением государственных границ. Евлогий сравнивает два монастырских комплекса: православную Успенскую Почаевскую лавру (Успенская Почаевская лавра находится в Тернопольской области Украины, принадлежит Украинской Православной Церкви Московского Патриархата) и находящийся неподалеку римско-католический доминиканский монастырь в Подкаменье, который мемуарист называл униатским (бывший доминиканский монастырь, а ныне монастырь Украинской греко-католической церкви находится в Львовской области Украины). Евлогий называет Почаевскую лавру «бывшим униатским гнездом», доставшимся после второго раздела Польши. С 1713 года монастырь был василианским греко-католическим и был передан Русской православной церкви после польского восстания 1831 года, а Николай I, по его словам, определил его положение над крутым обрывом словами «дерзкая постройка» [2, 90]. С холма виден и «галицийский монастырь Подкаменье» (строительство каменных сооружений доминиканского монастыря в Подкаменье шло с начала XVII века), Евлогий полагал, что он был основан после утраты униатами Почаевской лавры и что доминиканцы даже попытались скопировать в Подкаменье и связать с народной легендой о посещении этого места Богородицей ритуальную почаевскую святыню – выемку в форме левой ступни, а скаплива-

ющуюся в ней воду население считает целебной [2, 90]. Идеологически и визуально противостоявшие друг другу два монастыря находились на русско-австрийской границе и, по свидетельству Евлогия, «галичане-униаты, всегда тяготевшие к вере отцов – православию, легко перебежали через границу на поклонение Почаевской святыне» [2, 91] [Почаевской иконе Божьей Матери – Р.Ц.]. Он не указывает, принимали ли после такого паломничества к иконе Почаевской Божьей матери галичане православие или продолжали оставаться униатами.

Евлогий отмечал, что «огромное значение для местной народной жизни» имели женские монастыри, главным из которых была Леснинская обитель (Леснинский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы в Лесне Подляшской. Седлецкой губернии), бывший католический монастырь паулинов, закрытый после восстания 1863 года [2, 110]. С 1919 года вновь паулинский монастырь в Люблинском воеводстве Польши.

Как известно, Евлогий был благочинным этих монастырей. Настоятельница Леснинского монастыря матушка Екатерина (графиня Евгения Борисовна Ефимовская) способствовала тому, что Леснинский монастырь стал «рассадником женского монашества в Холмщине», где сначала силами Леснинской обители были организованы и действовали целых пять женских православных монастырей [2, 113–114]: Вировский (основан в 1894 году с перестройкой Вировского костела в церковь и организацией женского Вировского монастыря, ныне не действующий монастырь находится в Мазовецком воеводстве Польши), Теолинский (основан в 1894 году в усадьбе и зданиях, принадлежащих Теолинскому римско-католическому костелу в Сувалкской губернии, ныне в Гродненской области Беларуси), Радочницкий (основан 1899 году а месте бывшего бернардинского монастыря, затем униатского храма, около города Замосьць, ныне вновь бернардинский монастырь в Люблинском воеводстве Польши. Красно-стокский (Красностокский/Ружаностокский монастырь, был переведен в 1900 году из Гродно, занял строения доминиканского монастыря, закрытого в 1866 году, ныне католический салезианский монастырь в Подляском воеводстве Польши) и, наконец, уже при епископстве Евлогия – Турковицкий (Православная церковь в Турковицах, существовавшая до подписания Брестской унии, позднее стала базилианским монастырем, а с 1903 года Турковицкий монастырь был основан как часть Радочницкого монастыря, ныне православный монастырь в Люблинском воеводстве Польши). По свидетельству Евлогия, в Леснинском монастыре были аптеки, больницы, сиротские приюты, школы, сельско-хозяйственные женские училища, церковно-учительская семинария, опытные образцовые хозяйства, которые стали примером для этих новых обителей, развивавших культурно-просветительную и благотворительную деятельность среди местного населения [10, 75–78]. Евлогий вспоминал, что он всячески поддерживал настоятельницу Леснинского монастыря и настоятельниц других обителей, поскольку полагал, что их общественная деятельность была «особой формой проявления любви к Богу и ближнему, в соответствии с духом времени и нуждами местного населения» [2, 122]. Высочайшей покровительницей этих монастырей на польско-украинско-белорусско-русском пограничье была императрица Александра Федоровна [13, 32]. На это указывал и митрополит Евлогий в своих мемуарах, когда цитировал слова императрицы во время его представления ей уже как члена Государственной думы: «Вы помните наше посещение Леснинского монастыря? – Не правда ли, какой там чудный детский мир» [2, 113].

Евлогий высоко оценивал поддержку товарищем обер-прокурора Синода, влиятельным правым сенатором В.К. Саблером, деятельности Евлогия на западной окраине: в декабре 1902 года он был назначен епископом Люблинским, викарием Холмско-Варшавской епархии [2, 124]. В торжественной своей речи при посвящении в Холмские епископы Евлогий в январе 1903 года обращал внимание на проблему православно-католическо-униатских взаимоотношений: «...Непризнанные глашатаи лжеименного разума стараются похитить у нашего бедного прекрасного народа самое драгоценное и священное его сокровище – святую веру православную и подменить ее разными безумными измышлениями сектантскими. Наша многострадальная западнорусская, и в частности Холмская, Церковь вот уже много веков терпит тяжкие удары от своих отпавших братьев. С глубокою скорбью и тугою сердечною смотрит она на целые тысячи несчастных жертв злополучной унии, которые и доселе пребывают в своем темном упорстве, ибо лежащее на сердцах покрывало вековых заблуждений не позволяет воссиять в них свету истины Христовой» [2, 130].

Впрочем, в середине 1930-х годов Евлогий в своих воспоминаниях признавал, что «при воссоединении было допущено много ошибок» и когда в дело «вмешалась администрация: губернаторы, полиция... стали народ загонять в православие» и многие местные «приходы переходили фиктивно; появились так называемые “упорствующие” – лишь на бумаге православные люди, а по существу те же униаты» [2, 95]. Вспоминая свою религиозно-политическую деятельность в Холмском крае в конце XIX – начале XX века среди местного малороссийского/украинского населения, он говорил: «Я будил национальное чувство, постепенно его раскачивал; может быть и грешил, может быть и перегибал, но что делать с народной беспамятностью, когда он забыл о своем русском корне и на вопрос: где вы живете?» наивно отвечал: «В Польше...» [2, 149].

В следующих разделах воспоминаний Евлогий повествует, как руководствуясь желанием повлиять на этноконфессиональную ситуацию в Холмщине, он уже во время первых думских выборов 1906 года смог добиться через высшую столичную бюрократию создания единственного в своем роде в российской избирательной системе Холмского избирательного православного округа, а в 1909–1912 годах, будучи уже и депутатом Государственной думы, стал самым деятельным проводником идеи создания Холмской губернии и выделения ее из состава Польши [8, 188–197], что и было осуществлено в 1912 году накануне Первой мировой войны.

Таким образом, мемуары митрополита Евлогия (Георгиевского), являясь оригинальным историческим источником, содержат весьма интересный материал, дополняющий сложнейшую картину этноконфессиональных отношений в польско-украинском пограничье, а также историю российской государственной и церковной политики в Холмском крае на рубеже XIX–XX веков.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Память о русско-польских отношениях в Российской империи в мемуаристике межвоенного периода», проект №13-01-00070.

Литература

1. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. Ч. 1. – СПб., 1911.
2. Евлогий. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия. – Paris: Ymca-press, 1947. – 678 с.
3. Можаяева Л.А. Политика вошла в Церковь. Митрополит Евлогий (Георгиевский Василий Семенович) / Л.А. Можаяева // История в подробностях. – 2014. – № 7 (49). – С. 82–91.
4. Попов А.В. Мемуары Митрополита Евлогия как источник по истории российского православного зарубежья / А.В. Попов // Вестн. Архивиста. – 2006. – № 2–3. – С.157–175.
5. Ромов Р.Б. Евлогий / Р.Б. Ромов // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. – С.179–180.
6. Струве Н.А. Митрополит Евлогий (1868–1946) / Н.А. Струве // Белевские чтения. – Вып. 3. М., 2003. – С. 116–123.
7. Федорик Ю. Православное духовенство в Царстві Польскому в 1875–1905 роках / Ю. Федорик. – Донецьк, 2013. – 349 с.
8. Циунчук Р.А. Холмский вопрос в Государственной думе: католики – православные – униаты/ поляки – русские – малороссы / Р.А. Циунчук //Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. научн. ст. Ч. 1. – СПб., 2014. – С. 188–197.
9. Южаков Р. Евлогий (Георгиевский) / Р. Южаков // Золотая книга эмиграции Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь. – М., 1997. – С. 228–230.
10. Dmitruk S. Żeńskie monasteria prawosławne na terenie Królestwa polskiego na przełomie XX i XIX w. / S. Dmitruk // Teka Komisji Historycznej. Oddział PAN w Lublinie. T.VI. Lublin, 2009.
11. Latawiec K. Duchowieństwo soboru prawosławnego w Chełmie w latach 1876–1905 / K. Latawiec // Rocznik Chełmski. T. 11, Chełm, 2007. S. 53–76.
12. Osadczy W. Święta Ruś. Rozwój i addziaływanie idei prawosławia w Galicji / W. Osadczy. – Lublin, 2007.
13. Pawluczuk U. Życie monastyczne w II Rzeczypospolitej / U. Pawluczuk. – Białystok, 2007.
14. Szabaciuk A. “Rosyjski Ulster” Kwestia Chełmska w polityce Imperialnej Rosji w latach 1863-1915 / A. Szabaciuk. Lublin, 2013.
15. Wiczorkiewicz P. Biskup Eulogiusz i oderwanie Chełmszczyzny od Królestwa Polskiego / P. Wiczorkiewicz // Historia XIX i XX wieku. Studia i szkice Wrocław, 1979.
16. Wrzyszc A. Gubernia Chełmska. Zarys ustrojowy / A. Wrzyszc. – Lublin, 1997.

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО СТРАНИЦАМ ДОКУМЕНТОВ)

Гришин Яков Яковлевич,
*доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.
grishin.42@mail.ru*

Летяев Валерий Алексеевич,
*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань*

Аннотация. Статья посвящена взаимоотношениям Советского Союза с Японией с января по 22 июня 1941 года. Особое внимание уделено подготовке и подписанию Пакта о нейтралитете 13 апреля 1941 года между двумя странами, который способствовал ослаблению напряженности, укреплению положения на советских дальневосточных границах.

Ключевые слова: международные отношения, рыболовное соглашение, Пакт о нейтралитете, И. Мацуока, И. Татекава, И.В. Сталин, В.М. Молотов.

Анализируя документы внешней политики СССР на японском направлении, можно сделать вывод, что Москва уделяла достаточно много времени своему восточному соседу. Об этом, в частности, свидетельствуют неоднократные беседы наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Японии в СССР И. Татекавой, прибывшему в нашу страну осенью 1940 года. Одна из встреч проходила 17 января 1941 года. Собеседники обсуждали вопросы, не решенные с прошлого года. Речь в данном случае шла о рыболовстве [1].

Как известно, на основе Портсмутского договора Япония имела определенное право на вылов рыбы в территориальных водах России, и в ходе переговоров японское правительство постоянно ссылалось на него. Но еще 7 сентября 1940 года в беседе с тогдашним японским послом Того В.М. Молотов заявил, что Портсмутский договор серьезно нарушен Японией и тем самым «потерял свою жизненность в современных условиях». Кроме того, он устарел. «Если Япония думает строить свои отношения с СССР на базе Портсмутского договора, заключенного после поражения России, то это глубокая ошибка. Нельзя делать Портсмутский мир ... базой для развития хороших отношений между СССР и Японией» [2].

Следует отметить, что в 1928 года подписывается рыболовная конвенция между двумя странами [3]. И. Татекава от имени своего правительства сделал предложение относительно ее модус вивенди на 1941 год.

Для решения стоящих вопросов следовало создать совместную комиссию.

Далее между В.М. Молотовым и И. Татекавой шла дискуссия об арендной плате. Первый предложил повысить ее на 50 %. Посол, естественно, стремился к установлению более низкого процента [4].

На следующей встрече 20 января 1941 года [5] И. Татекава назвал японских представителей в составе комиссии. В.М. Молотов обещал в течение ближайших двух дней сообщить состав членов комиссии с советской стороны.

В ходе беседы японский посол «заявил, что, в соответствии с полученной инструкцией японского правительства в отношении подписания временного рыболовного соглашения им составлены проекты протокола обмена нот. Татекава вручил проекты протокола и нот». «При этом Татекава добавил, что за образец проекта протокола принят протокол от 2 апреля 1939 года, поскольку подписание соглашения на 1939 год имело место также после истечения срока действия временного рыболовного соглашения на 1938 год, а в проекте ноты добавлен новый 5 пункт».

В.М. Молотов шутливо заявил, что, по-видимому, в п. 5 имеется опечатка, так как, по его мнению, здесь должна быть цифра 25 %, а не 20 %. Что же касается остальных пунктов ноты, то с ними он согласен, требуется только проверить правильность самих пунктов [6].

Продолжая, нарком обратил внимание японского правительства и посла на то, «что советские рыбопромышленные организации, в свою очередь, очень жалуются на нарушение советских территориальных вод военно-морскими судами Японии, что наносит большие убытки советским рыбопромышленникам». При этом он «выразил уверенность, что японское правительство не допустит повторения подобных нарушений в 1941 году, так как это ведет к осложнениям, и он не хотел бы этого». Что же касается вопросов, связанных с сегодняшним рыболовным соглашением, как сказал В.М. Молотов, то он примет все меры к тому, чтобы сегодня же запросить заинтересованные органы НКВТ, Наркомрыбы и НКВД, и считает, что сегодня же можно будет подписать рыболовное соглашение.

Им были предложены для подготовки к подписанию рыболовного соглашения Царапкин и Павлов (Правовой отдел). Татекава, со своей стороны, предложил Ниси, Миякава и Сайто. Затем В.М. Молотов заявил, «что как только проекты будут согласованы, он готов подписать соглашение и сдать его в печать».

Татекава также заявил, «что он не возражает против помещения сообщений по рыболовному вопросу в печать». Решался важный вопрос. Ибо срок рыболовной конвенции 1940 года истек. Японские рыбаки по многолетней привычке ловили рыбу в советских территориальных водах, но не имели для этого законных оснований. Назревал конфликт.

И вот, наконец, 20 января 1941 года поздно ночью советско-японская конвенция 1928 года была продлена еще на один год, то есть до 31 декабря 1941 года [7]. Создается комиссия из представителей обеих стран для выработки новой рыболовной конвенции.

После подписания рыболовного соглашения И. Татекава в беседе с В.М. Молотовым заявил, что японское правительство, видимо, выразит желание, чтобы параллельно с обсуждением новой рыболовной конвенции вести переговоры по заключению торгового соглашения. В.М. Молотов ответил, что он не возражает против ведения торговых переговоров.

Чуть позднее японский посол в беседе с наркомом заявил, что «японское правительство готово в большинстве случаев пойти навстречу советской стороне в наиболее трудных вопросах».

Очередная встреча В.М. Молотова с И. Татекавой состоялась 18 февраля 1941 года. На этот раз речь шла о нефтяной концессии на Северном Сахалине, на которую, по словам японского посла, советская сторона оказывает систематическое давление. Нарком сказал, что эти факты ему неизвестны, и обещал в этом разобраться. Причем при их подтверждении «нужно будет принять меры к их устранению».

В.М. Молотов принял к сведению заявление И. Татекавы о том, «что японское правительство думает коренным образом разрешить вопрос о нефтяной концессии на Северном Сахалине, что способствовало бы устранению недоразумений между двумя странами и «помогло бы разрешению основных вопросов, интересующих обе стороны» [8]. В завершении встречи И. Татекава сказал, что министр иностранных дел Японии И. Мацуока собирается совершить поездку в Европу, и в связи с этим просил оказать последнему соответствующее внимание.

12 марта японское посольство проводит банкет, на котором присутствовал В.М. Молотов. Перед ним И. Татекава поставил вопрос о возможной встрече И. Мацуоки с И.В. Сталиным [9].

Через 3 дня, как записал в своем дневнике временный поверенный в делах СССР в Королевстве Дания И.Ф. Власов, он присутствовал на открытии весенней выставки датских художников. К нему подошел китайский посланник Нан Юву и поинтересовался специально вопросом о проезде Мацуока через Советский Союз. Также спросил «можно ли предполагать, что его визит в Берлин является одновременно визитом и в Москву». И.Ф. Власов ответил, «что, как видно из всех сообщений иностранной прессы, целью поездки Мацуока является Берлин, а Москва только лишь как транзитный пункт». При этом Нан Юву спросил полпреда допускает ли он возможность, что японский министр иностранных дел при проезде через Москву поставит там вопрос о заключении Советским Союзом пакта о ненападении. На это услышал ответ, что он об этом не осведомлен [10].

В этот же день полпред СССР в Афганистане В.С. Козлов имел беседу с секретарем германской миссии в Афганистане Г. Шмидтом [11]. Советский полпред сообщил, «что прочитал в английских бюллетенях о прибытии министра иностранных дел Японии Мацуока на территорию СССР для дальнейшего следования в Берлин и Рим. Шмидт заявил, что Мацуока едет не только в Берлин и Рим, но он, безусловно, будет иметь переговоры с советским правительством. Затем Шмидт многозначительно добавил, что за последнее время Молотов был на приеме в японской миссии в Москве два раза».

Продолжение разговора В.М. Молотова и И. Татекавы о поездке И. Мацуоки в Европу состоялось 18 марта 1941 года. Японский посол сказал, что они наделали хлопот с ней советской стороне, однако выразил надежду, что поездка его министра будет совершенно благополучной благодаря заботам последней. Нарком согласился со сказанным И. Татекавой и отметил, что «Мацуоке будет оказано всяческое содействие» [12].

Далее посол сообщил, что И. Мацуока имел беседу с советским полпредом в Токио К. Сметаниным и сообщил ему, что при поездке через Москву он намерен до поездки в Берлин и Рим пробыть в Москве один день и затем несколько дней после возвращения из Берлина. В связи с этим, отметил И. Татекава, он считал бы полезным иметь встречи Молотова с Мацуокой до

поездки в Берлин и после нее. В.М. Молотов ответил, что он готов встретиться с Мацуокой после его прибытия в Москву [13].

За день до данной встречи зам. наркома иностранных дел С.А. Лозовский имел беседу с советником японского посольства в СССР Х. Ниси. В ее ходе первый сообщил последнему о том, что Мацуока во время поездки может встретиться с И.В. Сталиным. В связи с этим И. Татекава при очередной встрече спросил у В.М. Молотова, когда эта встреча состоится: до поездки японского министра в Берлин или после нее, или же Сталин сможет встретиться как до поездки в Берлин, так и после возвращения из Берлина. Для нас, говорит Татекава, было бы удобнее, если бы Сталин принял Мацуоку как до поездки в Берлин, так и после нее [14].

В.М. Молотов ответил, что он имел разговор со Сталиным, который сказал, что он не возражает против этой встречи. И. Татекава рассчитывал на встречу Мацуоки с советским руководителем 24 марта 1941 года.

После речь пошла о торговых переговорах, которые, по словам японского посла, продвигаются успешно благодаря взаимным уступкам. Он попросил наркома о содействии их быстрейшему окончанию. Затрагивался вопрос и о заключении рыболовного соглашения, переговоры о котором шли не так быстро. Японский посол и здесь обратился за помощью к В.М. Молотову [15]. Тем временем японский министр иностранных дел начинает поездку в Европу.

26–30 марта он посетил Германию, 31 марта – 3 апреля Италию – Ватикан, далее была вновь Германия – 4–6 апреля. Поездка предусматривала и посещение СССР 23–24 марта до ее начала и 7–13 апреля – после ее завершения. Главная задача пребывания в Москве заключалась в выяснении отношений с СССР, включая заключение договора о ненападении или нейтралитете.

24 марта И. Мацуока прибыл в Москву и в Кремле был принят В.М. Молотовым. В начале беседы он разъяснил цели своей поездки в Европу, затем поблагодарил наркома за оказанный ему прием и за путешествие по территории СССР, заявил о заинтересованности Японии в улучшении отношений с Советским Союзом, но хотел бы подробнее об этом поговорить на обратном пути и готов для этого несколько дней пробыть в Москве. Нарком выразил удовлетворение по поводу высказываний Мацуоки об улучшении отношений между СССР и Японией [16].

Дальше беседа проходила с участием И.В. Сталина, так же решившего поговорить с И. Мацуокой [17]. Он сказал, что считает улучшение отношений между СССР и Японией «не только необходимым, но и вполне возможным». Была достигнута договоренность, что И. Мацуока после возвращения из поездки в Европе вновь остановится в Москве и встретится как с В.М. Молотовым, так и И.В. Сталиным.

Остановка японского министра иностранных дел в Москве вызвала резонанс во многих странах, в том числе и в Китае. Как пишет временный поверенный в делах в СССР в Королевстве Дании И.Ф. Власов в своем дневнике от 2 апреля 1941 года, что на обеде, данного министром иностранных дел Дании Сквениусом, к нему подошел «китайский посланник Нан Юву и сказал, что по имеющимся у него сведениям японский министр иностранных дел Мацуока, проезжая через Москву, пытался там выяснить вопрос о возможности заключения с Советским Союзом пакта о ненападении». И.Ф. Власов ему ответил, что никаких сведений по данному вопросу он не имеет. «Нан Юну со своей стороны

подчеркнул, что, по его мнению, Япония в случае заключения пакта о ненападении с Советским Союзом будет себя чувствовать более уверенно и начнет осуществлять свою экспансию на Юг в сторону Филиппин, Голландской Индии, Австралии». Ответ на это был следующим, «что в независимости от того, будет или нет заключен пакт с Советским Союзом, Япония ставит своей непосредственной задачей осуществление экспансии на Юг» [18].

5 апреля 1941 года зам. наркома иностранных дел С.А. Лозовский пригласил к себе советника посольства Японии в СССР Х. Ниси, чтобы поговорить о новой рыболовной конвенции и ускорении ее заключения [19]. В связи с этим он передал Х. Ниси Памятную записку.

Как пишет С.А. Лозовский... «я указал, что г-н Ниси начал с приветствия, а потом по каждому пункту высказался против советских предложений. С точки зрения протоколно-дипломатической это, может быть, и хорошо, но для деловых переговоров по практическим вопросам это не годится. В связи с этим у меня складывается впечатление, что японская сторона не отдает себе отчета в тех изменениях, которые произошли с 1928 года, надеясь заключить новую концепцию на основе старых принципов. Это неправильная оценка положения. Отсюда, по-видимому, и те возражения против всех пунктов советских предложений, хотя в этих пунктах изложены минимальные требования, без которых новая конвенция заключена быть не может. По каждому пункту г-н Ниси заявлял, что “это трудно”, “это очень трудно”, “это невозможно”, “неприемлемо” и т. п., между тем эти предложения придется принять, так как они вытекают из необходимости и так как только на этой основе не только можно ускорить, но и заключить новую конвенцию» [20].

В связи с негативной позицией японского советника зам. наркома остановился на всех советских предложениях. В заключение С.А. Лозовский предложил Х. Ниси изучить их и снова встретиться после того, как он получит указания от своего правительства. Японский советник согласился со сказанным.

Тем временем И. Мацуока на обратном пути из Европы прибывает в Москву, где находился целую неделю. 7 апреля у него состоялась беседа с В.М. Молотовым [21]. Он повторил предложение подписать договор о ненападении и только после этого заниматься урегулированием других обсуждаемых вопросов. Он подчеркнул, что является сторонником не временного улучшения отношений, а хороших отношений «на 50–100 лет». Если договор будет заключен и удовлетворит обе стороны, то Мацуока выражал согласие на денонсацию Портсмутского договора 1905 года и советско-японской конвенции 1925 года. Вместе с тем он выступил за сохранение японских концессий и повторил предложение о продаже Японии Северного Сахалина.

Продолжая, Мацуока заявил, что у него «нет намерений, чтобы Япония вместе с Германией напала на СССР. Он с немцами на эту тему не говорил». Вместе с тем он прибег в ходе беседы и к угрозам. Если, к несчастью, СССР и США будут сотрудничать, считая Японию своим врагом, сказал он, «то Япония, до того, как это сотрудничество осуществится, имеет решимость и готовность напасть на Советский Союз ... Япония не будет ожидать того момента, когда будет укреплен союз между врагами Японии, а она вынуждена будет бить своих врагов раздельно. Так как США находятся далеко, то стратегически Японии сначала придется иметь дело с СССР». Он просил передать это заявление Сталину, тем самым подчеркнув его важность. Мацуока выразил готовность задержаться

в Москве для ведения переговоров до следующего курьерского поезда на Владивосток, то есть до 13 апреля.

Нарком согласился, чтобы провести переговоры по основным вопросам советско-японских отношений. Предложение Мацуоки о продаже Северного Сахалина он охарактеризовал как «шутку». С его точки зрения, более правильным следовало поставить вопрос о покупке СССР у Японии южной части острова Сахалина, а также «некоторой группы северных Курильских островов». Но в данном случае он высказался за то, чтобы эти вопросы не поднимать.

Они коснулись и советско-американских отношений, которые, по мнению И. Мацуоки, могли представлять угрозу для Японии. В связи с этим В.М. Молотов заявил о том, что у Советского Союза нет намерения заключать соглашение с США для нападения на Японию, что советская страна будет продолжать свои переговоры с США и развивать с ними отношения в соответствии с собственными интересами. По сути дела, это был «сдержанный, но твердый ответ на японские угрозы» [22], отмечает В.Сиполс.

В.М. Молотов высказался за урегулирование стоящих вопросов: подписание торгового договора и долгосрочной рыболовной конвенции. Он отметил, что «если японское правительство хочет сделать политически крупный шаг в отношениях с СССР, – а советское правительство, в свою очередь, желает этого, – то в данный момент обе стороны могли бы договориться о заключении пакта о нейтралитете». Вследствие чего вопросы, требующие длительного обсуждения, можно было не затрагивать. Единственно, о чем можно было договориться – только о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине. И. Мацуока согласился с тем, что в двусторонних отношениях следует «сделать крупный шаг вперед». В этот же день в сопровождении С.А. Лозовского И. Мацуока и И. Татекава посетили Большой театр. Перед представлением японский посол вел разговор о торговых вопросах, а И. Мацуока главным образом рассуждал на театрально-балетные темы, вспомнив, что он в Америке видел известную балерину Павлову. Затем он сообщил С.А. Лозовскому, что имел очень интересный разговор с В.М. Молотовым в течение 3 часов [23].

8 апреля японский министр имел беседу с американским послом в Москве Штейнгардтом, которому он доказывал, что Японии грозит «опасность» со стороны СССР. В то же время Мацуока, пытаясь вырвать у США согласие на признание особой роли Японии в Восточной и Юго-Восточной Азии и добиваясь давления США на Чан Кайши, с тем чтобы последний прекратил войну с Японией, пугал США возможностью заключения пакта с СССР. «Если США, – говорил Мацуока Штейнгардту, – могут занимать индифферентную позицию по отношению к СССР, то для Японии есть лишь две возможности – либо договориться, либо драться с русскими» [24].

9 апреля состоялась очередная встреча В.М. Молотова с И. Мацуокой [25]. На этот раз последний заявил, что он решил взять обратно свое предложение относительно пакта о ненападении и согласен подписать пакт о нейтралитете, а другие вопросы можно было бы урегулировать впоследствии, после заключения пакта. Однако нарком продолжал настаивать на том, что заключив пакт о нейтралитете, необходимо подписать также протокол о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. При этом подчеркнул, что без подписания соответствующего протокола «будет невозможно подписание пакта о нейтралитете».

И. Мацуока поднял еще один вопрос – о сферах интересов. Но В.М. Молотов отметил, что в данный момент очень важно сосредоточиться на заключении договора о нейтралитете, а для других вопросов нужна более обстоятельная подготовка.

10 апреля японский министр иностранных дел совершил экскурсию в Ленинград. На следующий день он вновь встретился с В.М. Молотовым. Но переговоры закончились безрезультатно, хотя обе стороны были заинтересованы в подписании договора о нейтралитете.

11 апреля у С.А. Лозовского побывал посол Китайской Республики в СССР Шао Лицзы и поинтересовался сведениями о пребывании И. Мацуоки длительное время в Москве, ибо в его стране очень интересуются этим вопросом. Ему ответили, что между СССР и Японией есть ряд непростых проблем, которые требуют длительного обсуждения. «Посол далее сказал, что, по общему мнению, Мацуока надеется разрешить не только отдельные неурегулированные вопросы, но и основные вопросы японско-советских отношений. Существует мнение, что Мацуока обсуждает договор о ненападении, который предоставил бы Японии большую свободу действий в других направлениях. Шао Лицзы спросил, верно ли это? С.А. Лозовский ответил, что «вопрос о пакте ненападения является довольно старым, ибо он тянется с 1932 г. Ничего нового в этой области не произошло. Предсказания некоторых дипломатов, на которые ссылается посол, представляют из себя логические догадки.

Посол отметил, что он понимает создавшееся положение. Раньше Япония не хотела подписывать пакт о ненападении, а теперь она сама усиленно добивается заключения такого пакта. Вопрос заключается в том, сможет ли Япония добиться этого. Шао Лицзы лично надеется на то, что, чем бы ни кончились переговоры с Мацуокой, это ни в какой мере не отразится на китайско-советских отношениях.

С.А. Лозовский в ответ высказал личное мнение, что взаимоотношения Китая и СССР не могут зависеть от урегулирования Советским Союзом неразрешенных вопросов с другими странами. Посол имеет правильное представление о том, что отношения Китая и СССР остаются прежними [26].

12 апреля И. Мацуока был принят И.В. Сталиным. В беседе также участвовали В.М. Молотов и И. Татекава [27]. Японский министр поблагодарил хозяев за радушный прием в СССР, за оказание ему содействия во время пребывания в советской стране. Далее сказал, что он хотел бы ... заключить пакт о нейтралитете, причем без всяких условий, и высказался по ряду моментов. Один из них касался проблем Азии. «Если, – отметил И. Мацуока, – подойти под углом зрения больших проблем к случаю, когда СССР будет стремиться выйти через Индию к теплым водам Индийского океана, то он считает, что это нужно допустить, и если СССР захочет иметь порт Карачи, то Япония будет закрывать на это глаза».

«Для того чтобы освободить Азию, – сказал японский министр, – нужно избавиться от англосаксов, а потому, перед такой задачей, нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах» [28]. Он предложил, чтобы СССР и Япония «вместе изгнали влияние англо-американского капитализма из Азии».

Однако И.В. Сталин уклонился от обсуждения такого рода вопросов и вернул беседу к проблеме советско-японского договора о нейтралитете.

И. Мацуока внес компромиссное предложение: вместо подписания протокола о японских концессиях на Северном Сахалине ограничиться тем, что он передаст В.М. Молотову конфиденциальное письмо. И.В. Сталин выразил согласие, уточнив, что это должен быть обмен письмами (а это фактически было равнозначно протоколу) и что в них речь должна идти не просто о решении вопроса о концессиях, как это предлагал Мацуока в своем проекте письма, а о ликвидации этих концессий.

Япония предлагала купить у СССР Северный Сахалин. В связи с этим И.В. Сталин в ходе беседы подошел к карте и, указывая на Приморье и его выходы в океан, сказал: «Япония держит в руках все выходы Советского Приморья в океан – пролив Курильский у Южного мыса Камчатки, пролив Лаперуза к югу от Сахалина, пролив Цусимский у Кореи. Теперь Вы хотите взять Северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз. Вы что, – отметил И.В. Сталин, улыбаясь, хотите нас задушить? Какая же это дружба?».

И. Мацуока ответил, что это было бы нужно для создания нового порядка в Азии. Кроме того, продолжал Мацуока, Япония не возражает против того, чтобы СССР вышел через Индию к теплому морю. В Индии, добавляет И. Мацуока, имеются индусы, которыми Япония может руководить, чтобы они не мешали этому. В заключение И. Мацуока говорил, указывая по карте на СССР, что ему непонятно, почему СССР, имеющий огромную территорию, не хочет уступить небольшую территорию в таком холодном месте.

И.В. Сталин спросил: «А зачем вам нужны холодные районы Сахалина?»

И. Мацуока ответил, что это создаст спокойствие в этом районе, а кроме того, Япония согласна на выход СССР к теплому морю.

И.В. Сталин заметил, что это даст спокойствие Японии, а СССР придется вести войну здесь (указывает на Индию). Это не годится.

В заключение беседы И.В. Сталин, В.М. Молотов и И. Мацуока договариваются о выделении представителей обеих сторон для уточнения текста пакта, составления совместной декларации относительно МНР и Маньчжоу-Го и т. п.

С японской стороны были выделены Ниси, Миякава, Сакамото, Сайто и Хираока. С советской стороны – Вышинский, Лозовский, А.П. Павлов и Царапкин [29].

На следующий день в Кремле состоялось подписание Пакта о нейтралитете между СССР и Японией [30]. Согласно документу, стороны обязывались поддерживать «мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность» друг друга.

Главное же его положение содержится во II статье. «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта» [31].

Вместе с Пактом подписывается Декларация. В соответствии с ней две страны торжественно заявили, что «СССР обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Маньчжоу-Го, а Япония обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Монгольской Народной Республики» [32].

Одновременно был произведен обмен не подлежащими оглашению письмами. И. Мацуока в письме В.М. Молотову выразил готовность «разрешить

в течение нескольких месяцев вопрос, касающийся ликвидации концессий на Северном Сахалине» [33].

После подписания документов И. Мацуока отправился в Японию. Интересна запись его проводов германского посла Шуленбурга, направленной в Берлин 13 апреля 1941 года. «Отъезд Мацуоки задержался на один час, но затем произошел необыкновенно торжественно. По-видимому, совершенно неожиданно для японцев и русских появились Сталин и Молотов. Они подчеркнуто дружелюбно приветствовали Мацуоку и присутствующих японцев и пожелали им счастливого пути» [34].

В данном случае обратим внимание на оценку, данную Пакту о нейтралитете. Начнем с газеты «Правда», в передовой статье которой отмечалось: «Пакт о нейтралитете и Декларация расчищают путь для урегулирования остальных неразрешенных вопросов между СССР и Японией, в том числе Рыболовной Конвенции, Торгового договора и т. д. Все эти неразрешенные вопросы, при всей их важности, нередко потому так затягивались, что между Японией и СССР не было того политического согласия, которое является необходимой предпосылкой для разрешения экономических вопросов. Сейчас, когда эта предпосылка создана, когда оба правительства торжественно заявили о том, что обе стороны стремятся к дружбе, сейчас отпали препятствия, которые стояли на пути развития политических и экономических взаимоотношений между СССР и Японией» [35].

13 апреля оценку Пакту дал и американский посол в СССР Л. Штейнгардт. Он, естественно, не был в восторге от него. Тем не менее писал в Вашингтон, что желание советского правительства подписать договор предопределялось его стремлением получить обязательство Японии соблюдать нейтралитет «на случай возможного нападения со стороны Германии», то есть укрепить свое положение [36].

Чуть позднее Л. Штейнгардт в беседе с С.А. Лозовским отметил, что не считает, «что пакт о нейтралитете между СССР и Японией направлен против Соединенных Штатов. В действительности этот пакт является еще одним шагом к сохранению мира в Тихом океане. Тем, кто утверждает, что советско-японский пакт представляет собой угрозу для Соединенных Штатов, он, Штейнгардт, отвечает, что Советский Союз имеет опасного соседа на Западе и заинтересован в обеспечении мира на Востоке. Он сам поступил бы точно так же на месте советского правительства» [37].

Высказал свое мнение о Пакте и английский посол в Москве С. Криппс. Он отметил 14 апреля в телеграмме в Лондон, что русские были заинтересованы в этом договоре «на случай германского нападения на СССР», что они «стремились обеспечить свою восточную границу в связи с опасностью на западе» [38]. Он говорил, что рассматривает договор как «антигерманский, так как его единственной целью может быть защита восточных границ России на случай нападения на западе со стороны Германии» [39].

Интересна оценка Пакта и английского посла в Токио Р. Крейги. Он ее высказал на обеде в своем посольстве советскому послу в Японии Я. Малику. Вначале он спросил последнего доволен ли он договором о нейтралитете с Японией и получил ответ, что этот договор кладет конец напряженности отношений между СССР и Японией, и как мирная акция он взаимно выгоден не только для Японии и СССР, но и для мира во всем мире.

На это Крейги откровенно заявил: «Да, но я им недоволен». На вопрос полпреда: «Почему?», он ответил: «Потому что Япония, подписав договор, немедленно полезет на Юг, то есть против нас» [40].

Я. Малик заметил, что Япония вряд ли сейчас решится бросить вызов объединенным силам США, Англии и Восточной Голландской Индии, тем более что за последнее время, по словам американских газет, силы Голландской Восточной Индии значительно возросли, не говоря уже об усилении военных сил США и Англии в районе Южных морей. «Кроме того, – указал он – за последнее время, кажется, усиливается влияние пробританских элементов в самой Японии, и они, очевидно, будут проводить благожелательную позицию в отношении Англии» [41].

На данном обеде присутствовал посланник Австралии Латам, который сообщил полпреду свой разговор с Охаси – зам. министра иностранных дел Японии, в том числе по поводу Пакта о нейтралитете с СССР. Последний, по словам Латама, «нисколько не верит в прочность этого договора, учитывая уроки отношений СССР с Финляндией, Польшей и Прибалтикой, с которыми СССР также имел договор о нейтралитете, и даже о ненападении» [42].

Сам И. Мацуока, вернувшись из поездки в Европу, сказал германскому послу в Японии О. Отту, что в случае конфликта между Германией и Россией Япония тоже нападет на Россию [43].

Помимо оценки Пакта НКВД через несколько дней подготовил справку о его содержании и значении для СССР. В ней отмечается ряд существенных моментов. «Пакт, подписанный между СССР и Японией 13 апреля, как говорит и само его название, является лишь пактом о нейтралитете, – констатировалось в справке. – В нем нет ни одной статьи, которая придавала бы ему характер пакта о ненападении». В справке говорилось, что в результате его подписания в значительной степени притуплено антисоветское острие тройственного пакта. И далее: «Не снимая с нас полностью заботы о борьбе на два фронта, только что заключенный пакт все же значительно улучшает наше положение не только на восточной, но и на западной границе» [44].

В МИД Японии также серьезно занимались анализом текста Пакта. Были изучены все договоры о ненападении, ранее заключенные СССР, и установлено, что в них содержится специальная статья, прямо запрещающая военное нападение договаривающихся сторон друг на друга. И констатировалось, что в советско-японском договоре такого обязательства не содержится [45].

Как бы то ни было Япония, подписав Пакт о нейтралитете, его ратифицировала.

В связи с этим японская сторона в лице И. Мацуока во время приема К.А. Сметанина 25 апреля поинтересовалась о ратификации Пакта нашей стороной [46]. Уведомление об этом полпред получил в 22.00. В этот же день в 22.30 решение Президиума Верховного Совета о ратификации пакта о нейтралитете между СССР и Японией и об одобрении декларации было вручено МИД Японии, то есть в уговоренной обеими сторонами срок [47].

14 мая В.М. Молотов принял И. Татекаву по его просьбе. Он передал наркому ответные предложения японского правительства по рыболовному вопросу. Затем И. Татекава обратился к В.М. Молотову с просьбой, чтобы он содействовал скорейшему достижению соглашения по торговому и рыболовному вопросам, в результате чего, по словам Татекавы, будет создана благоприятная атмосфера для того, чтобы перейти к урегулированию вопроса о концессиях.

Воспользовавшись тем, что И. Татекава сам поднял вопрос о ликвидации концессий, В.М. Молотов предложил послу договориться о сроке ликвидации концессий не позже июля или начала августа, что отвечало бы существу обмена писем между В.М. Молотовым и И. Мацуокой, в которых говорилось о нескольких месяцах, необходимых для ликвидации концессий. В.М. Молотов указал, что это достаточный срок для соответствующей подготовки общественного мнения в Японии, и если, как сказал В.М. Молотов, ему удастся договориться с И. Татекавой о сроке ликвидации концессий, то он не сомневается, что в таком случае быстро можно будет разрешить вопрос о торговом договоре, о рыболовной конвенции и все другие вопросы.

И. Татекава обещал о своем разговоре с М.В. Молотовым подробно информировать И. Мацуоку и заявил, что он лично стоит за быстрое урегулирование всех вопросов. Затем И. Татекава отметил, что И. Мацуока высказал пожелание, чтобы переговоры о ликвидации концессий велись в Токио, на что В.М. Молотов ответил, что если японское правительство считает желательным вести эти переговоры в Токио, то он запросит свое правительство, но думает, что с этим можно будет согласиться, но главное, отметил В.М. Молотов, это срок ликвидации концессий. Если будет договоренность о сроке, то вопрос о торговом соглашении будет быстро разрешен [48].

31 мая японский посол принес ответ в форме личного заявления по вопросу о сроке ликвидации концессий, который был поднят В.М. Молотовым в вышеобозначенном документе.

В.М. Молотов, прочитав текст этого заявления И. Мацуоки, заметил, что шестимесячный срок, о котором говорит в своем заявлении И. Мацуока, немного длинен и что было бы хорошо, если бы срок ликвидации концессий был установлен в 4 месяца со дня первого обещания, данного И. Мацуокой по этому вопросу.

И. Татекава сказал, что если переговоры по вопросу о торговом договоре и о рыболовной конвенции пойдут быстрее, то тогда и срок ликвидации концессий, само собой разумеется, будет короче. При этом И. Татекава добавил, что срок 6 месяцев, который указан в переданном им сегодня заявлении, И. Мацуока имеет в виду самый поздний срок окончательной ликвидации концессий.

В.М. Молотов отметил, что в переданном ему послом заявлении речь идет о двух вопросах: о рыболовном соглашении и о торговом соглашении.

Касаясь вопроса о торговом соглашении, В.М. Молотов подчеркнул, что здесь, согласно заявлению И. Мацуоки, остается как будто бы одно разногласие. При этом он спросил у И. Татекавы, подтверждает ли он, что действительно осталось только одно разногласие.

И. Татекава ответил, что в заявлении И. Мацуоки отмечено только одно главное разногласие, но что, кроме этого главного, имеется еще ряд мелких разногласий.

После этого В.М. Молотов сказал, что он надеется, что на будущей неделе можно будет закончить вопрос о торговом соглашении [49].

Последний опубликованный документ советско-японских отношений датируется 14 июня 1941 года и касается выполнения соглашения В.М. Молотова с японским послом С. Того (сентябрь 1940 года) [50] по уточнению границы между Монгольской Народной Республикой и Маньчжоу-Го [51].

Подводя итог, следует отметить, что самым важным событием в рассматриваемый нами период в советско-японских отношениях было подписание пакта о нейтралитете. Он позволял Советскому Союзу уделять больше внимания опасности, идущей с Запада. Конечно, полагаться на него на 100 %, естественно, было нельзя, особенно после нападения Германии на СССР. В силу чего ему приходилось держать достаточно большие вооруженные силы на Дальнем Востоке. И все же выступление Японии против советского государства в условиях, когда еще окончательно не определилась обстановка на советско-германском фронте, представлялось японским правящим кругам большим риском.

Советско-японский Пакт о нейтралитете сдерживал агрессию Японии, что позволило часть дальневосточных воинских соединений перебросить в западные районы СССР, которые сыграли немалую роль в битве за Москву.

Трудно представить, как бы обстояло дело на советском Дальнем Востоке, не будь этого Пакта о нейтралитете.

Литература

1. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII: В 2 кн. – Кн. 2. (Часть I). Декабрь 1940 г. – 2 марта 1941 г. 1998. Док. 653. – С. 340.
2. Там же. Кн. 1. Январь-октябрь 1940. – М., 1995. – Док. 365. – С. 580–581.
3. Рыболовная конвенция между Союзом ССР и Японией со всеми относящимися к ней материалами. М., 1928.
4. ДВП. – Кн.2 (Часть 1). Док. 653. – С. 341.
5. Там же. – Док. 656. – С. 347.
6. Там же. – С. 349.
7. Там же. – С. 350.
8. Там же. – Док. 683. – С. 408–409.
9. Там же. Кн. 2 (Часть 2). Док. 726. – С. 485–486.
10. Там же. Кн. 2 (Часть 1). Док. 700. – С. 437–438.
11. Там же. Кн. 2 (Часть 2). Док. 722. – С. 491.
12. Там же. Док. 726. – С. 485.
13. Там же.
14. Там же. – С. 486.
15. Там же.
16. Там же. Док. 733. – С. 494–495.
17. Там же. Док. 734. – С. 449–502.
18. Там же. Кн. 2 (Часть 1). Док. 700. – С. 439.
19. Там же. Кн. 2 (Часть 2). Док. 749. – С. 529–530.
20. Там же. – С. 525.
21. Более подробно. См. Сиполс В.Я. Тайны дипломатические канун Великой Отечественной войны. 1939–1941 / В.Я.Сиполс. – М.: 1997. – С. 316–319.
22. Там же. – С. 317.
23. ДВП. Кн.2 (Часть 2). Док. 756. - С. 536.
24. Foreign Relations of the United States. (FRUS) / Japan 1931–1941, vol. II. P. 184, 185, 186.
25. ДВП. Кн. 2 (Часть 2). Док. 759. – С. 359; Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. – С. 318.
26. Там же. Док. 767. – С. 548–550.

27. Там же. Док. 272. – С. 560–565.
28. Там же. – С. 561.
29. Там же. – С. 564.
30. Там же. Док. 773. – С. 565–566.
31. Там же. – С. 565.
32. Там же. – С. 566.
33. Там же. – Приложение.
34. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Baden-Baden. 1956 Bd. XII/2. – S. 448.
35. Правда. 1941. 14 апреля.
36. ДВП. М. 1992. Т. 22. Кн.1. – С. 570–572.
37. ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Часть 2). – С. 727.
38. АДАР. Bd. 6. - S. 894, 905.
39. Estorik E. Strafford Cripps. A. Biography. London. 1949. – P. 268.
40. ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Часть 2). – Док. 784. – С. 593.
41. Там же.
42. Там же. – С. 594–595.
43. Новая и новейшая история. – 1994. № 4–5. – С. 73, 74.
44. Сиполс В.Я. Тайны дипломатические / В.Я. Сиполс. – С. 320.
45. Lupke H. Japans Russlandpolitik von 1939 bis 1941. Frankfurt a. M., 1961 S.103.
46. ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Часть 2) – Док. 797. – С. 618.
47. Там же.
48. Там же. Док. 830. – С. 679.
49. Там же. Док. 849. – С. 707.
50. ДВП. Т. XXII. Док. 559, 564, 579, 586.
51. ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Часть 2). Док. 862. – С. 735–736.

СЕПАРАТИЗМ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Коломыц Дмитрий Михайлович,

кандидат исторических наук, доцент,

*доцент кафедры международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.*

DMKolomyc@kpfu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины распространения сепаратистских движений в странах Европейского союза. Поднимается вопрос о том, существует ли теоретическое объяснение данного явления с точки зрения геополитики. Показано, что должного анализа причин широкого распространения сепаратистских настроений в Европейском союзе в открытом виде не проводится. Выдвигается гипотеза, что одной из главных причин распространения сепаратизма является недооценка стремления народов Европы сохранить свою этническую идентичность.

Ключевые слова: геополитика, Европейский союз, сепаратизм, российская геополитика, французская геополитика, ценности, культура, регион, страна.

В конце XX – начале XXI века в Евразии произошло одно из крупнейших исторических разделений – распад СССР и одно из крупнейших объединений – присоединение стран Центральной Европы и части Восточной Европы к Европейскому союзу. Но вместе с этим государства распавшегося Советского Союза частично и медленно начали сближение, образуя новые союзы (ОДКБ, ЕАС, ШОС), а в странах ЕС начались процессы разделения. Важными шагами стали провал европейской конституции и выход Великобритании из ЕС. Стали распространяться сепаратистские настроения. И это выглядит на первый взгляд странно потому, что, как принято считать, Европа представила миру выдающийся по своей успешности интеграционный проект.

В это время ЕС погрузилась в миграционный кризис. Но связывать напрямую с ним европейский сепаратизм вряд ли продуктивно. Миграционная политика наднационального руководства ЕС больше сказалась на отношениях стран-основателей Евросоюза со странами Центральной Европы. В ЕС же получили развитие стремления к самоопределению регионов Шотландии (46 % за отделение от Великобритании) [12], страны Басков, Каталонии (90,09 % за отделение от Испании [8, Референдум в Каталонии]) Валлонии, Фландрии, Венето (89 % за отделение от Италии [1]). Возникли и другие менее выраженные национальные движения (см. «Карта возможных государств в Европе»).

Карта возможных государств в Европе

Кузнецова А. Сепаратизм в Европе: причины, очаги

URL: <http://fb.ru/article/352766/separatizm-v-evrope-prichinyi-ochagi>

В аналитической литературе внимание обращается на национальные, геополитические и экономические последствия европейского сепаратизма, но никак не на его причины.

Отношение к региональным движениям различается в зависимости от настроений политических элит. На украинских сайтах распространена точка зрения, что весь европейский регионализм инспирирован руководством России. Одна из статей так и называется: «Ставка Кремля на сепаратизм в ЕС дает свои плоды» [11]. Так, по мнению сторонников «майдана», российское руководство пытается расколоть ЕС и Украину. А. Купцова из Украины выделила эту же мысль, комментируя европейские новости, что «нельзя перекраивать границы в Европе», – так канцлер Германии Ангела Меркель отреагировала на аннексию Крыма Россией. Ситуация в Украине и борьба Каталонии за независимость несравнимы, но для ЕС это одинаково сильная головная боль» [3]. Обвиняют Россию в разжигании сепаратизма и сами европейцы [7, 9]. При таких подходах научного анализа данного явления ожидать сложно. Обращают внимание на пример распада Югославии, подталкивающий надежду на отделение у сепаратистов. Но это крайне сомнительный довод потому, что он связан с большой европейской войной, тянувшейся десятилетия в конце XX века.

В целом в литературе преобладает описательно-оценочное отношение к сепаратистским движениям. Относительно Италии О.Н. Барабанов и М.О. Шибкова отметили, что «в программных документах “Лиги Севера” пролеживают две тенденции: с одной стороны, подчеркивается принадлежность северных областей (Падании) к европейской идентичности и их активное участие в глобальной экономике, с другой стороны, партия настаивает на необходимости защиты собственной идентичности и противостояния вмешательству институтов и механизмов извне» [1].

В основном сепаратистские движения порицают за возможное разрушительное воздействие на государства ЕС, а их сторонники объявляют целью своих движений восстановление исторической справедливости. Вот пример типичного заявления в поддержку референдума о независимости в Каталонии: «мы

все согласны с тем, что этот вопрос должен решаться народом Каталонии демократическим и мирным путем. Мы крайне встревожены мерами, принятыми испанским правительством для предотвращения референдума, который был согласован каталонским парламентом и который состоялся 1 октября... Мы считаем, что демократический путь действий будет заключаться в том, чтобы противники каталонской независимости вели кампанию за свою позицию на референдуме. Такова была позиция правительства Великобритании в отношении референдума о независимости Шотландии в сентябре 2014 года» [15]. И как написал главе испанского правительства Лорд-мэр Дублина Михал Мак Доннча: «я настоятельно призываю вас найти политическое решение законных притязаний Каталонии...» [6]. Вывод одной из статей, посвященных европейскому сепаратизму, выражает общепризнанную точку зрения по этому вопросу, что «проблема сепаратизма в Европе сейчас стоит остро как никогда ранее. Официальные власти стремятся замедлить эти процессы, но неизвестно, насколько успешно такая политика будет вестись далее, ведь сепаратистские настроения нарастают... Вполне возможно, что такие образования будут охотнее объединяться в блоки, которые не создадут угрозу их суверенитету» [2].

Но существует еще одно направление, которое позволяет понять широкое и быстрое распространение сепаратистских движений в границах ЕС. Для того, чтобы прояснить причину такого развития, надо присмотреться к внутреннему развитию Евросоюза с точки зрения соотношения наднациональный союз-государство-границы-народы. В геополитике уже были высказаны идеи, которые в некоторой степени могут объяснить кризис государственности в ЕС.

Прежде всего никто в Евросоюзе не обращается к анализу концепции права наций на самоопределение, что является юридически неопровержимой основой требований независимости национальными регионами.

Надо также вспомнить политику мультикультурализма, предложенную европейскими элитами для своих народов в условиях складывавшегося общего рынка труда и свободного перемещения населения. Мультикультурализм означал, что надо позволить народам Европы жить в соответствии с собственными культурами. Политика мультикультурализма оказалась провальной, значительно поспособствовав развитию миграционного кризиса. Для европейских народов трудовая миграция оказалась не сильно востребованной. Люди предпочитают жить в привычном языковом и культурном пространстве. Она оказалась востребованной для мигрантов из третьих стран. В то же время эта политика уравнила в правах ведущие, титульные народы, и национальные меньшинства в государствах ЕС. В условиях наднационального союза границы государств и регионов оказались равнозначны. Но, что очень важно, также оказалось, что многие маленькие народы (латыши, эстонцы, хорваты и др.) имеют больше прав в ЕС, чем более крупные народы, находящиеся в составе других государств (каталонцы, фламандцы, шотландцы и др.). Поэтому естественно возникло понимание правового и фактического неравенства народов внутри ЕС.

Российская социально-географическая геополитика в лице Д.И. Менделеева и В.П. Семенова-Тянь-Шаньского предложила идеи, которые помогли бы избежать кризиса в европейской государственности. Также можно обратиться к французской «региональной геополитике». Французские исследователи, обращаясь к вопросу регионов, имели в виду использование их исторических

особенностей для развития Европы в целом. И они пришли к выводу об историчности границ и приоритете народов в их установлении.

Считается, что французская геополитика как цельное направление мысли возникла во многом как ответ на Первую мировую войну, в частности для анализа причин войны и возможности ее предотвращения. Поэтому особое внимание французские аналитики обратили на соотношение народ-границы. Этому направлению геополитики было дано название Региональная геополитика. По прошествии ста лет оказалось, что Региональная геополитика может быть использована для анализа положения дел в границах Европейского союза в кризисных условиях второй половины XXI века.

Для данной статьи важна идея Менделеева о «центре страны». Д.И. Менделеев описывал в своих работах важность географического размещения людей и промышленности. В этой теории Менделеева заключена мысль, что равномерное распределение отвечает «историческим интересам» России, поскольку выравнивает диспропорции и устраняет внутренние противоречия, мешающие развитию [4, с. 132]. Как пишет о взглядах Менделеева О. Писаржевский, цивилизации есть «общественный организм», а не «отдельное лицо» [5, с. 83].

Согласно теории Менделеева, развитие единого хозяйства обеспечивает процветание страны [4, с. 132]. Пагубность капитализма ученый видел в его неспособности обеспечить всестороннее развитие страны [4, с. 109, 112–113]. Таким образом, выводы Менделеева о пагубности неравномерного развития мы наблюдаем в Европе в XXI веке.

В.П. Семенов-Тянь-Шаньский в своем «Очерке политической географии» пишет об интеграции территориальной и духовной в жизни человечества [10]. Важность этого вывода оказалась очевидной для Европейского союза в XXI веке. Но он не очевиден для политиков. Именно духовная разделенность стала камнем преткновения дальнейшей интеграции в рамках ЕС. В СССР развитию регионов придавалось огромное значение. И это дало возможность начать реинтеграцию постсоветского пространства (хотя и со значительными трудностями).

Евросоюз не смог выровнять экономическое развитие регионов. Рыночные виды хозяйствования не способствовали преодолению отставаний областей. Для этого нужна государственная политика. Ее провел в свое время президент Франции Ш. де Голль в виде государственного «дирижизма». Этим все в основном и ограничилось. Но и во Франции можно наблюдать корсиканский сепаратизм.

Французские геополитики особое внимание уделили границам. Согласно Ж. Анселю, границы государств отражают состояние «здоровья, напряжения, лихорадочности, слабости народа» [16, р. 1056]. Сами границы делятся на естественные, исторические, искусственные, справедливые и несправедливые [16, р. 1055]. Они могут исчезать под воздействием геополитики, как это было при образовании Югославии [16, р. 1056]. И в XXI веке в границах Евросоюза мы наблюдаем «напряжения» и «лихорадочность» на границах регионов и государств. Главный вывод Анселя в том, что в мире нет идеальных границ. Они историчны. Они изменяются в ходе исторического развития. Поэтому в геополитике надо чувствовать и учитывать необходимость изменения границ.

Ж. Готтманн обратился к особой роли образов, отражающих духовную жизнь народов. М. Брюно писал, что «человеческие сообщества различаются сетью

символов, для обозначения которых Ж. Готтманн предложил понятие «иконография». «В этом смысле каждая общность имеет собственную иконографию» [13, р. 566]. В условиях экономического процветания стран ЕС у его наднационального руководства возникла иллюзия того, что духовная жизнь играет второстепенную роль, на которую можно не обращать особого внимания. Достаточно предложить народам мультикультурализм, и они сами найдут свое место в союзе. Но в Европу пришла иконография новых иммигрантских народов [13, р. 578]. И она показала, что духовная жизнь не второстепенна и не вторична. А человек настолько же существо духовное, насколько и экономическое. Например, одной из причин стремления к отделению от Италии на Сардинии выдвигается утверждение, что «сардинская культура значительно отличается от итальянской, а также с угрозой постепенного исчезновения сардинского языка» [1].

Один из ведущих французских ученых этого направления И. Лакост видел геополитику, скорее, как науку об империализме, против чего и выступал, выстраивая свою региональную геополитику. «Когда в прессе дело доходит до геополитики, – писал он, – все чаще и чаще речь идет об отношениях между точно определенными политическими силами, ведущими официальные или тайные кровавые противостояния, будь то между этническими группами или религиозными группировками, войны между народами, борьбу одного народа за свою независимость, угрозы конфликтов между великими государствами. Под геополитикой в основополагающем смысле этого слова я имею в виду власть над большой или маленькой группой людей...» [14, р. 27]. То, что многие народы воспринимают политику собственных властей по отношению к себе в понятиях Лакоста, то есть как империалистическую, показывает сущность экономической и гуманитарной политики руководства ЕС. Лакост пришел к важному выводу, что «географическая территория имеет важное значение в геополитике, но это не только территория как таковая, но и ее размеры, поверхность, ресурсы, но также мужчины и женщины, которые живут там, и те усилия, которые они принимают, и те, с кем они борются по историческим причинам, что они говорят друг другу... о своих страхах и представлениях, которые происходят из более или менее далекого прошлого, и о более или менее близком будущем» [14, р. 27]. То есть гуманитарная составляющая в конце концов строит самые надежные границы. Так, если следовать логике Лакоста, технократизм евробюрократии вполне мог создать себе «монстра» в виде внутреннего сепаратизма. Таким образом, процессы, протекающие в Евросоюзе, могут быть достаточно содержательно проанализированы на основе имеющихся геополитических теорий, тем самым давая материал для развития самих этих теорий.

Таким образом, предложенная российской социально-географической геополитикой и французской школой модель европейского устройства может некоторым образом объяснить распространение внутриевропейского сепаратизма. Он заключается в непонимании политическими элитами Евросоюза стремления народов Европы к безопасности и равенству, также недооценке роли народов в отстаивании собственной идентичности и недооценке национализма как отстаивания своего, привычного устройства жизни.

Литература

1. Гоголева В.А. Сепаратизм в Италии: карнавал движений за независимость / В.А. Гоголева. – URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3880> (дата обращения: 13.05.2019).
2. Кузенкова А. Сепаратизм в Европе: причины, очаги / А. Кузенкова. – URL: <http://fb.ru/article/352766/separatizm-v-evrope-prichinyi-ochagi> (дата обращения: 13.05.2019).
3. Купцова А. Каких «драконов» сепаратизма в Европе может разбудить референдум в Каталонии / А. Купцова. – URL: <https://www.obozrevatel.com/abroad/kakih-dragonov-separatizma-v-evrope-mozhet-razbudit-referendum-v-katalonii.htm> (дата обращения: 13.05.2019).
4. Менделеев Д.И. Познание России. Заветные мысли (сборник) / Д.И. Менделеев. – М.: Эксмо, 2008. – 1560 с.
5. Писаржевский О. Дмитрий Иванович Менделеев / О. Писаржевский. – URL: <https://ruwapa.net/book/dmitrij-ivanovich-mendeleev-oleg-pisarzhevskij-1137/> (дата обращения: 13.05.2019).
6. Референдум в Каталонии: Ирландия требует остановить произвол. – URL: <https://pluto9999.livejournal.com/150062.html> (дата обращения: 16.05.2019).
7. Референдум в Каталонии: «Механизм российского вмешательства понижает каталонский кризис» – URL: <https://pluto9999.livejournal.com/149453.html> (дата обращения 16.05.2019).
8. Референдум в Каталонии: Результаты голосования. – URL: <https://pluto9999.livejournal.com/153764.html> (дата обращения: 16.05.2019).
9. Референдум в Каталонии: «Русские хакеры» продолжают атаковать каталонцев. – URL: <https://pluto9999.livejournal.com/150521.html> (дата обращения: 16.05.2019).
10. Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии / В.П. Семенов-Тянь-Шанский. – Петроград, 1915.
11. Ставка Кремля на сепаратизм в ЕС дает свои плоды. – URL: <https://zloy-odessit.livejournal.com/2225315.html> (дата обращения: 13.05.2019).
12. Шотландия, референдум о независимости: результаты голосования известны - шотландцы проголосовали против независимости от Великобритании. – URL: [HTTP://WWW.TOPNEWS.RU/NEWS_ID_71347.HTML](http://WWW.TOPNEWS.RU/NEWS_ID_71347.HTML) (дата обращения: 16.05.2019).
13. Bruneau M. Annales de géographie Année 2000 616 pp. 563-579 // Annales de géographie Année 2000 616 pp. 563-579.
14. Lacoste Y. LA GÉOGRAPHIE, LA GÉOPOLITIQUE ET LE RAISONNEMENT GÉOGRAPHIQUE // La Découverte | «Hérodote» 2012/3 n° 146-147 | PP. 14 à 44.
15. Spain and the Catalan referendum. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/sep/21/spains-dangerous-bid-to-block-catalan-vote> (дата обращения: 15.05.2019).
16. Van Kalken Frans. Ancel (Jacques). Géographie des frontières // Revue belge de Philologie et d'Histoire Année, 1939 18-4 pp. 1054-1058.

ПРОБЛЕМА БЕЖЕНЦЕВ В ЛИВАНЕ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

Сакаев Василь Тимерьянович,

*кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.*

Sakaev2003@mail.ru

Тимирханова Алия Альфировна,

*магистрант кафедры международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань*

Аннотация. Наплыв беженцев – основная проблема для многих стран Европы и Ближнего Востока. Ливан не стал исключением, приняв значительные контингенты беженцев, при этом не получив серьезной поддержки со стороны мирового сообщества. Ситуация, связанная с беженцами, приняла здесь почти катастрофические масштабы. Беженцы становятся фактором дестабилизации социально-политической ситуации в стране. Важным аспектом проблемы являются также условия содержания беженцев и обеспечение защиты их прав.

Ключевые слова: беженцы, Ливан, правовой статус, политика «без лагерей», терроризм, безопасность.

Миграционный кризис – одна из серьезных проблем в XXI веке, которую необходимо решать усилиями всего международного сообщества. Миллионы людей во всем мире бегут из своих домов из-за конфликтов, войн и преследований. В 2017 году ООН зафиксировала рекордное количество беженцев – 25,4 млн беженцев и 3,5 млн лиц, ищущих убежища [12]. При этом 55 % всех беженцев в мире родом из Сирии, Афганистана и Южного Судана [1]. Многие государства выражают озабоченность в связи с дестабилизирующим воздействием роста числа беженцев. Властвующие элиты боятся потерять власть из-за народного недовольства, экономических и социальных трудностей, связанных с присутствием беженцев.

Принято считать, что миграционный кризис затронул только страны Европы, но это не совсем так. Соседние с Сирией государства – Турция, Иордания и Ливан – испытали на себе всю тяжесть миграционного кризиса, приняли основной контингент бегущих от ужасов войны сирийцев, в то время как европейские страны стремятся в большей степени лишь предотвратить дальнейшее вторжение просителей убежища. Наше внимание в данной статье будет сосредоточено на ситуации с беженцами в Ливане.

Характеристика ситуации с беженцами в Ливане. Данные УВКБ ООН свидетельствуют, что в Ливане в настоящее время сложилась поистине катастрофическая ситуация. По данным ООН, Ливан занимает первое место в мире по доле беженцев в численности населения страны – каждый шестой, проживающий на территории Ливана, является беженцем (164 беженца на 1000 человек населения страны), а если учесть еще и находящихся на территории Ливана палестинских

беженцев, то эта доля достигает 25 % [12]. При этом Ливан входит и в десятку стран мира, принявших наибольшее в количественном отношении число беженцев [11].

Большую часть беженцев на территории Ливана составляют граждане Сирии. В целом Ливан принял второй после Турции контингент сирийских беженцев, составлявший на конец 2017 года более 992 тыс. человек, и еще порядка 6 тыс. человек составляют беженцы из Ирака [12]. В связи с выездом части беженцев легально и нелегально в страны ЕС и возвращением в Сирию (в 2017 году вернулось обратно порядка 12 тыс. человек) численность беженцев в Ливане незначительно уменьшилась к концу 2017 года по сравнению с концом 2016 года. Тем не менее следует констатировать, что это кардинально не решает существующую проблему, поскольку за 2017 год в Ливан прибыло дополнительно 14 600 новых сирийских беженцев, а более 15 300 человек подали ливанским властям новые прошения о предоставлении убежища [12].

По статистике среди беженцев более половины составляют дети и подростки в возрасте до 18 лет, при этом более 3 700 детей-беженцев в Ливане не имеют родителей или других родственников [12]. Многие сирийские беженцы находятся в этом статусе более 5 лет, а что касается палестинских беженцев, то эта продолжительность варьируется от 10 до почти 40 лет.

Как известно, до 1926 года Ливан и Сирия были единой территорией, поэтому границы оставались относительно открытыми. Сирийские рабочие на протяжении многих лет приезжали в Ливан на заработки, работая в таких отраслях, как сельское хозяйство и строительство. Связи между двумя государствами были более чем тесные. Следует вспомнить и о многолетнем нахождении в Ливане сирийских войск. Поэтому практически до июня 2015 года между двумя странами действовал безвизовый режим [2].

Однако впоследствии в связи с усилением конфликта в Сирии ливанские власти фактически закрыли границу с Сирией и отказались принимать новых беженцев, более того, они даже запретили структурам ООН регистрировать новых беженцев на их территории, даже из числа тех, кто прибыл в страну до 2015 года [14]. В результате большая часть сирийских беженцев фактически имеет нелегальный статус, попав в страну усилиями контрабандистов. Особенно печальна в этом отношении ситуация с детьми и подростками, поскольку они, достигнув совершеннолетия, фактически оказываются апатридами, не могут получить документы, свидетельствующие об их сирийском гражданстве, без возвращения на родину.

Одновременно ливанские власти не позволяют создавать большие лагеря сирийских беженцев, опасаясь повторения истории с лагерями палестинских беженцев. Поэтому вооруженные силы Ливана под разными предлогами периодически разрушают небольшие лагеря беженцев, вынуждая их перемещаться на новое место, а в конечном итоге – покинуть страну [14].

При этом следует отметить, что Ливан не подписал и не ратифицировал Конвенцию ООН о статусе беженцев 1951 года, Конвенцию ООН о статусе апатридов 1954 года, Конвенцию ООН о сокращении состояния безгражданства 1961 года, Протокол ООН 1967 года, касающийся статуса беженцев [11]. То есть общепринятые международно-правовые нормы, касающиеся статуса беженцев, не являются обязательными для властей этого государства. Это, безусловно, осложняет положение беженцев в стране.

Таким образом, следует констатировать, что основная часть беженцев приходится не на цивилизованную Европу, которая больше всех бьет тревогу, а на страны Востока, в значительной степени – на Ливан. При этом положение беженцев в Ливане гораздо тяжелее в социально-экономическом отношении и бесправное в правовом смысле, чем в других странах Востока, не говоря уже об европейских странах. При этом следует отметить, что проблема сирийских беженцев в Ливане накладывается на более старую проблему палестинских беженцев. Присутствие палестинцев в Ливане становится своего рода фоном и одновременно дополнительным фактором развития ситуации с сирийскими беженцами, зачастую негативным.

Влияние беженцев на социально-экономическое положение. Хотя Ливан считается страной со средним уровнем среднедушевых доходов по классификации ООН, тем не менее он является одной из наиболее пострадавших сторон в результате масштабной миграции не только сирийских и иракских, но и палестинских беженцев.

Ливанские граждане прежде с пониманием относились к людям, которым пришлось покинуть свои страны. Тем не менее сострадание ливанцев к трудностям беженцев от войны, видимо, тоже имеет предел. Ливанцы жалуются, что пребывание сирийских беженцев привело к повышению цен на продукты питания, жилье, снизило заработные платы [14]. Присутствие беженцев, несомненно, усилило и конкуренцию на рынке труда, где от 250 до 300 тыс. ливанцев и так не имеют постоянной занятости, чаще всего это молодежь без образования [19].

По данным Всемирного банка, прибытие более чем миллиона сирийских беженцев в Ливан привело к росту числа ливанцев, живущих за чертой бедности с 1 млн чел. до 1 млн 200 тыс., кроме того, выросла финансовая нагрузка на публичный сектор, сферу обслуживания и окружающую среду [19]. За последние годы ухудшились и общие макроэкономические показатели ливанской экономики, увеличился бюджетный дефицит, а внешний долг страны к концу 2018 года достиг 151 % ВВП [19].

Следует отметить, что официальные ливанские власти уже не оказывают (или не имеют возможности оказывать) какой-либо значимой социально-экономической помощи сирийским беженцам. Например, в рамках программ УВКБ ООН вклад Ливана составил в 2017 году всего порядка 133 тыс. долларов США и это были исключительно частные пожертвования [11, 28]. Однако на муниципальные власти ложатся отдельные расходы по обеспечению жизнедеятельности лагерей беженцев, находящихся на их территории, например вывоз мусора, что является дополнительной серьезной нагрузкой в условиях существующего в стране «мусорного кризиса» [17]. Большую роль в поддержке беженцев играют структуры ООН. Они выплачивают пособия примерно по 150 долларов США в месяц на каждого члена семьи [17], однако в условиях Ливана с его относительно высокой стоимостью жизни эти суммы позволяют вести лишь нищенское существование. При этом нужно отметить, что значительная часть сирийских беженцев в Ливане уже не имеет каких-либо денежных накоплений и, как правило, связана значительными долгами [14].

Несомненно, прибытие огромных контингентов сирийских беженцев вкупе с огромным числом палестинских беженцев привело к ухудшению экономического положения страны и к снижению уровня жизни значительной

части населения Ливана. Конечно же, подобная ситуация не могла не найти своего отражения в политических процессах в стране.

Политическое значение фактора беженцев в Ливане. Правительство Ливана рассматривает лиц, которые с 2011 года пересекали ливанско-сирийскую границу, как «перемещенных лиц», подчеркивая свою давнюю позицию о том, что Ливан не является государством для беженцев, и отказываясь создавать для них специальные лагеря [6].

Как уже указывалось выше, летом 2014 года правительство Ливана решилось серьезно ограничить миграцию сирийцев путем повышения требований к получателям визы. В требования были включены, в частности, наличие поручителя и дополнительные выплаты для оформления и продления статуса пребывания. Итогом стало увеличение нелегального потока сирийских беженцев.

Нужно отметить, что сирийцы, бежавшие от войны, с юридической точки зрения не могут быть классифицированы правительством Ливана в качестве беженцев и не могут получить юридическую защиту, поскольку страна, как уже указывалось выше, не является участником Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года.

Ключевой аспект ливанской политики в отношении сирийских беженцев состоит в отказе в предоставлении официальных лагерей. Согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR), на июнь 2015 года было отмечено 655 неофициальных поселений беженцев только в провинции Бекаа. Периодически подразделения ливанской армии сносят самовольные лагеря сирийских беженцев, не давая им превратиться в крупные поселения [14].

В развитии политики «без лагерей» в Ливане в отношении сирийских беженцев ключевую роль сыграл, конечно же, предыдущий опыт с палестинцами. В Ливане зарегистрировано сейчас около 450 000 палестинцев, которые проживают в лагерях в разных частях страны уже около 70 лет. Палестинское сопротивление, особенно партизанская война в период 1970–1982 годов против Израиля с территории Ливана, привели к дестабилизации страны и способствовали развязыванию 15-летней гражданской войны. В 12 лагерях беженцев десятки тысячи палестинцев сталкиваются с перенаселенностью, плохими условиями жизни, демографическим «давлением» как от естественного прироста населения, так и от притока новых иностранных мигрантов. При этом палестинские беженцы имеют особый статус, позволяющий им иметь работу далеко не во всех отраслях экономики и запрещающий приобретать недвижимость в стране. Эти ограничения должны подчеркнуть их временный характер пребывания [18]. При этом этот статус, как известно, передается по наследству. Присутствие палестинских лагерей всегда вызывало опасения у правительства Ливана. Теперь эти страхи распространяются и на сирийских беженцев, которых в разы больше, чем палестинцев.

Таким образом, присутствие сирийских беженцев стало серьезным фактором в политических процессах в Ливане, фактически это один из судьбоносных вопросов, от решения которого зависит будущее страны.

Позиция различных политических сил в стране по вопросу беженцев. Следует отметить, что в Ливане нет согласованной государственной политики как в отношении палестинцев и их лагерей, так и в отношении сирийских беженцев. Часть политиков формулирует свою позицию с точки зрения вопросов

безопасности, другие – обсуждают проблему беженцев через призму демографии [14], третьи предупреждают, что любое изменение статуса палестинцев и сирийцев может привести к негативным последствиям для конфессионального баланса Ливана. Многие политики признают существование этих проблем, но усилий в их устранении все еще не отмечается.

Хотя еще в 2005 году был создан Комитет по ливанско-палестинскому диалогу (LDPC), который стал первым позитивным шагом после многолетних конфликтов, однако он также не добился серьезного прогресса [3]. Общий кризис ливанского государства на фоне событий 2000-х годов (массовых демонстраций протестов, войны с Израилем, бойкота правительства, убийства премьер-министра) не позволил выработать согласованную политику по отношению к палестинцам. Тем не менее большинство ливанцев уверены, что палестинцы «временные гости» на их земле и рано или поздно они ее покинут. При этом палестинских беженцев отличает от сирийских наличие официально статуса беженца и возможность передавать его по наследству.

В целом, можно сказать, что в настоящее время вся практическая деятельность по поддержке палестинских беженцев лежит на плечах БАПОР (Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ). Палестинским беженцам в Ливане предоставлены не все социальные и гражданские права, например, у них ограничен доступ в государственные учреждения здравоохранения и образования, полностью отсутствует доступ к системе государственного социального обеспечения; существуют ограничения в приеме их на работу во многих секторах экономики (высокооплачиваемые профессии). В связи с этим БАПОР организует для беженцев проекты самопомощи и создания дохода, а также помогает им в таких социальных нуждах, как страховое покрытие затрат на госпитализацию и строительство жилья [20]. При этом известно о возникших серьезных финансовых трудностях БАПОР, после того как в 2018 году США сократили более чем вдвое финансирование этой организации [21], что ставит под вопрос эффективность реализации этих программ в будущем. Фактически ясных перспектив решения проблемы палестинских беженцев в Ливане в обозримой перспективе нет.

Что касается сирийских беженцев, то перелом в сирийском конфликте открывает некоторые возможности для решения их проблемы в Ливане, однако и здесь отсутствует политический консенсус [16]. Хотя все без исключения ливанские политические силы едины во мнении относительно отсутствия перспектив натурализации сирийских беженцев в стране и необходимости их репатриации, они в то же время серьезно расходятся в оценке ее возможных сроков. Так, президент страны Мишель Аун и определенные силы в парламенте и правительстве придерживаются линии на немедленное начало репатриации. Известно, что президент Ливана Мишель Аун уже обращался к международному сообществу с просьбой принять определенные меры для содействия возвращению беженцев или хотя бы не препятствовать их желанию возвратиться домой в безопасные районы [13]. Однако есть и другие политические силы в стране, которые считают, что репатриация станет возможна только при политическом урегулировании конфликта, которое, очевидно, в ближайшей перспективе невозможно. При этом эти силы пользуются серьезной поддержкой правительств, как западных государств, так и стран Персидского залива. Различия в подходах есть и по вопросу о добровольности или принудительном характере репатриации.

Причем ряд международных неправительственных организаций и структуры ООН уже обвиняют ливанские власти и вооруженные отряды партии «Хезболла» в принудительной репатриации, приравнивая к ним экономическое давление и нестабильную ситуацию в области безопасности [14]. Кроме того, понятно, что противники режима Башара Асада не смогут возвратиться из Ливана домой, а значит, возникает вопрос относительно и их дальнейшей судьбы.

Таким образом, по вопросу беженцев отсутствует консенсус ливанских политических сил. Этот факт, а также ряд других внешних и внутренних факторов позволяют считать маловероятным быстрое решение проблемы беженцев в Ливане. Фактор беженцев, как сирийских, так и палестинских, будет сохранять свое значение в политической жизни страны, что ставит вопрос о перспективах обеспечения в ней стабильности.

Перспективы обеспечения стабильности в Ливане с учетом фактора беженцев. Такие исследователи, как С. Ханафи и Т. Лонг, предполагают, что в будущем ливанское государство будет продолжать политику вытеснения палестинцев, в том числе сокращая их права, которыми они обладают, будучи жителями Ливана [3]. Напряженность между ливанцами и палестинцами будет расти, при этом палестинские группировки продолжат свою борьбу внутри лагерей, что также может представлять угрозу ливанскому суверенитету и безопасности. При этом нельзя не признать, что палестинские лагеря в Ливане действительно нередко становятся прибежищем экстремистских групп, как это имело место в 2007 году с группировкой «Фатх-аль-Ислам» на севере Ливана [22]. По договору 1969 года ливанская армия не может входить в эти поселения, которые превратились из временного прибежища в постоянное место жительства под эгидой ООН. Точного представления о том, что происходит в этих лагерях, у правительства Ливана нет, и оно вынуждено полагаться на разведывательную информацию и на заявления лидеров палестинских партий, имеющих свои представительства в Ливане [4].

В своем информационном бюллетене еще в июне 2009 года ливанско-палестинский комитет по диалогу (ЛПМП) обратился к правительству Ливана с просьбой выполнить «программу обеспечения безопасности человека», восстановить лагерь Нахр аль-Баред, улучшить условия жизни палестинцев в Ливане. Нельзя не признать, что палестинские беженцы в Ливане нередко подвергаются жестокому обращению со стороны LAF (Ливанские вооруженные силы) и ISF (Служба общественной безопасности), и они остаются социально, экономически и политически маргинализированными [5]. Все это в определенной мере касается и иракских, и сирийских беженцев.

Затяжной кризис вызывает напряженность и может вызвать насилие, поскольку негодование беженцев увеличивается по мере того, как им по-прежнему препятствуют в достойной жизни в принявшей их стране. Несомненно, что подрастающее поколение беженцев (нужно отметить, что в семьях беженцев обычно несколько детей, поскольку это влияет на размер выплачиваемого ООН пособия) окажется, по-видимому, в значительной степени маргинализированным. Они часто не имеют возможности учиться, у них нет ясных жизненных перспектив, социального капитала. Подобная ситуация уже сложилась в лагерях палестинских беженцев в Ливане, где более половины жителей в возрасте до 25 лет [18], и она уже складывается в лагерях сирийских беженцев. В результате они легко могут стать социальной базой распространения идеологии экстремизма и терроризма.

В ряде случаев лагеря сирийских беженцев в Ливане уже становились очагами влияния ИГИЛ (организация запрещена в Российской Федерации) [17].

ООН предпринимает ряд усилий для облегчения положения сирийских беженцев. Так, например, в преддверии зимы 2017 года УВКБ ООН выплатило более чем 650 тысячам сирийских беженцев по 223\$–375\$ для приобретения топлива, теплой одежды и медицинских препаратов [11, 100]. Кроме того, оно организовало программу регистрации сирийских беженцев в Ливане в соответствии с уровнем их квалификации и содействия их трудоустройству в третьих странах [11, 112]. Однако это лишь «капля в море».

Таким образом, обеспечение политической стабильности в Ливане в значительной степени обусловлено решением проблемы беженцев, хотя бы, на начальном этапе, – сирийских. Однако шансы на репатриацию в Сирию пока очень низки по целому ряду причин, а значит, угроза новой дестабилизации ситуации в Ливане остается чрезвычайно высокой.

Подводя итоги, можно констатировать, что приток сирийских беженцев в Ливан – относительно слабое и уязвимое государство – оказал негативное влияние на разные сферы жизни общества. Это и резкий рост численности населения, и экономический кризис, и быстрый рост стоимости жизни, и усложнение политической ситуации, а также снижение уровня безопасности в стране. При этом от влияния указанных факторов страдают и сирийские, и палестинские беженцы, и коренное ливанское население. Проблема сирийских беженцев в Ливане побудила правительство этой страны выработать политику по сохранению и расширению своих интересов в области безопасности. Для контроля возможных вспышек насилия в лагерях для беженцев Ливан фактически сделал эти населенные пункты настоящими центрами операций против сирийских джихадистов, нападая на лагеря беженцев под предлогом того, что эти группы там укрываются.

В заключение хотелось бы отметить, что по нашему глубокому убеждению, Ливан не способен сам решить проблемы, связанные с присутствием беженцев. Необходимо постараться избежать возможной дестабилизации еще одной страны на Ближнем Востоке, а для этого мировому сообществу следует безотлагательно обратить внимание на эту проблему и оказать помощь этому государству. Очевидно также, что решение проблемы сирийских беженцев в Ливане тесно связано с перспективами политического разрешения конфликта и восстановления экономики в Сирийской Арабской Республике, так как только после этого беженцы смогут вернуться в свои дома и города. Поэтому необходимы срочные и координированные усилия ведущих государств и международных организаций в данном направлении.

Литература

1. Lischer S.K. The global refugee crisis: Regional destabilization & humanitarian protection (Article). Department of Politics and International Affairs, Wake Forest University, United States. Volume 146, Issue 4, 1 October 2017, Pages 85–97.
2. Sanyal R.A no-camp policy: Interrogating informal settlements in Lebanon (Article). Department of Geography and Environment, LSE, Houghton Street, London, United Kingdom. Volume 84, August 2017, Pages 117–125.

3. Hanafi S., Long T. Governance, govern mentalities, and the state of exception in the Palestinian refugee camps of Lebanon (Article). *Journal of Refugee Studies*. Volume 23, Issue 2, 7 May 2010, Номер статьи feq014, Pages 134–159.
4. Ramadan A., Fregonese S. Hybrid Sovereignty and the State of Exception in the Palestinian Refugee Camps in Lebanon (Article). University of Birmingham, Birmingham, United Kingdom. *Annals of the American Association of Geographers*. Volume 107, Issue 4, 4 July 2017, Pages 949–963.
5. Cherri Z., González P.A., Delgado R.C. The Lebanese-Syrian crisis: Impact of influx of Syrian refugees to an already weak state (Article). *Risk Management and Healthcare Policy*. Volume 9, 14 July 2016, Pages 165–172.
6. Мишель Аун потребовал от международного сообщества помогать сирийским беженцам. – URL: <http://break-news.info/?p=11647>, свободный.
7. ООН. Конвенции и соглашения. Конвенция о статусе беженцев. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml, свободный.
8. Internal Security Forces – Official Site. – URL: <http://www.isf.gov.lb/En>, свободный.
9. UNHCR The UN Refugee Agency. – URL: <http://www.unhcr.org/>, свободный.
10. UNRWA. – URL: <https://donate.unrwa.org/>, свободный.
11. UNCHR. Global report – 2017. Geneva, published by UNCHR. – URL: <http://unhcr.ru/uploads/media/GR2017.pdf>, свободный.
12. UNCHR. Global report forced displacement in 2017. – URL: <http://www.unhcr.ru/fileadmin/files/docs/GlobalTrends2017.pdf>, свободный.
13. Президент Ливана попросил Помпео помочь вернуть сирийских беженцев домой. – URL: <https://ria.ru/20190322/1552040482.html>, свободный.
14. Сирийских беженцев принуждают вернуться – но дороги назад для них нет. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20170818/240069463.html>, свободный.
15. Сарабьев А. Ливан: старые проблемы при новых обстоятельствах. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/livan-starye-problemy-ri-novykh-obstoyatelstvakh/>, свободный.
16. «Следует признать тот факт, что Россия спасла не только Сирию, но и Ливан». – URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/12/79847-sleduet-priznat-tot-fakt-chto-rossiya-spasla-ne-tolko-siriyu-no-i-livan>, свободный.
17. «Этот откормленное чудовище питается будущим». – URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/09/06/77723-reshenie-u-vas-rossiya-sponsor-vosstanovleniya-sirii>, свободный.
18. «70 лет мытарств – палестинские беженцы в Ливане». – URL: <https://www.dw.com/ru/70-лет-мытарств-палестинские-беженцы-в-ливане/a-43775860>, свободный.
19. The World Bank in Lebanon. – URL: <http://www.worldbank.org/en/country/lebanon/overview>, свободный.
20. Палестинские беженцы. – URL: <https://www.un.org/ru/peace/palestine/part10.pdf>, свободный.
21. США прекратят финансировать UNRWA. Госдеп: «решение еще не принято». – URL: <http://www.newsru.co.il/mideast/31aug2018/unrwa301.html>, свободный.
22. «Нахр аль-Баред пал». – URL: <https://ru.euronews.com/2007/09/02/lebanese-celebrate-as-refugee-camp-is-retaken>, свободный.

**СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПОЛЬШИ
В ЕС И РЕАКЦИЯ ПОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА**

Гришин Яков Яковлевич,

*доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений, мировой политики и
дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.
grishin.42@mail.ru*

Дуженький Василий Васильевич,

*магистрант
кафедры международных отношений, мировой политики и
дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.*

Аннотация. В настоящей статье исследованы проблемы, связанные со вступлением Польши в Европейский союз. Проанализирована Стратегия национальной интеграции Польши, принятая в 1997 году, с целью выявления механизмов, с помощью которых происходила интеграция Польши в данное объединение, а также отклик польского общества на данные процессы. Актуальность изучения данного периода обусловлена тем, что процессы, которые происходили в Польше, находят свое отражение в современном мире. Прежде всего, это ассоциация Украины с Евросоюзом, которая происходит в рамках Восточного Партнерства, инициированного Польшей.

Ключевые слова: Польша, Европейский союз, стратегия интеграции, реакция общества.

Геополитические перемены в Центральной и Восточной Европе в начале 1990-х годов, связанные с распадом СССР, способствовали постепенным изменениям во внешней политике многих стран данного региона. Правительство Польши, все более смело смотрящее на запад, вело переговоры с Европейским сообществом. Путь вхождения Польши в ЕС не был одномоментным. Фактически процесс интеграции Польши в Европейский союз начался 8 апреля 1994 года в Афинах, когда Польша подала заявку на членство в данном объединении и уже через 10 лет 1 мая 2004 года. Польша стала полноправным членом Европейского союза.

Переориентация Польши на Европу произошла вследствие смены политических ориентиров внутри Польши. После парламентских выборов 1989 года стало очевидно, что Польская Объединенная Рабочая Партия прежней поддержкой и авторитетом в обществе более не обладает. Влияние СССР на Польшу ослабевало. Взамен прежней авторитарной политической системы в стране начались радикальные рыночные и демократические реформы, либерализация цен и приватизация госсобственности, инициированные новым правительством во главе с премьером Тадеушем Мазовецким.

Вскоре после распада СССР и полного прекращения срока действия Организации Варшавского договора Польша оказалась в некоем вакууме, который

необходимо было заполнить новыми внешнеполитическими ориентирами. Таким образом, республика обрела возможность стать частью общеевропейского сообщества.

Проанализировав отдельные выступления польских политиков того периода, можно сделать вывод, что, говоря о причинах интеграции с ЕС, они связывали свои стремления с общностью цивилизационного наследия, культуры и системы ценностей между Польшей и Европой[4].

Так или иначе, поляки видели себя неотъемлемой частью общего европейского континента со всем его многообразием экономических и политических связей.

Первым шагом на пути осуществления интеграции было подписание в декабре 1991 года Европейского договора, на основании которого Польша стала ассоциированным членом Евросоюза. Заключение договора об ассоциации явилось стимулом для проведения многих политических и экономических реформ. В период ассоциации с ЕС в Польше были приняты правовые акты, призванные состыковать польское и европейское законодательство. Создавались также институциональные структуры, необходимые с точки зрения функционирования рыночной экономики и будущего членства в ЕС. В 1994 году польское правительство подало официальное заявление о желании стать членом ЕС.

В январе 1997 года Совет министров принял документ, озаглавленный как «Стратегия национальной интеграции»[3].

Данная стратегия охватывала задачи, направленные на проведение изменений в правовой, экономической и институциональной сфере, а также по подготовке польского общества к членству. Этот документ был первой попыткой целостного представления проблем и задач, связанных с интеграцией.

В документе:

- подчеркивается необходимость ускорения процесса трансформации польской экономики;

- определяются основные направления для улучшения экономики путем таких мер, как приватизация, демонополизация и структурирование предприятий государственного сектора;

- обращается внимание на необходимость активной поддержки процесса интеграции со стороны неправительственных организаций, предприятий и граждан.

- обращается внимание на необходимость параллельного развития польского сотрудничества с международными организациями и структурами в экономической сфере (ВТО и ОЭСР); в области внешней политики и политики безопасности (НАТО и ЗЕС); в области правосудия и внутренних дел (Совет Европы, ОБСЕ, ООН, Совет государств Балтийского моря).

Подготовку к интеграции с европейским сообществом поляки начали еще в 1996-м: специально созданный Комитет по Евроинтеграции занимался адаптацией польского законодательства к европейским стандартам.

На большинство интеграционных реформ Польши выделялись средства из Брюсселя. Выделяя средства, Европа требовала глубоких структурных изменений.

Законодательство нужно было привести в соответствие с европейским. В сфере предпринимательства требовалась институциональная поддержка малого и среднего бизнеса, чтобы он был конкурентным на открытом рынке Европы,

а в аграрном секторе должна была ускориться модернизация. Еще одним условием было повышение уровня развития более бедных регионов.

В Стратегии национальной интеграции говорится о подготовке польского общества к европейской интеграции и повышении уровня знаний о данном процессе среди населения.

Упомянуто, что в Польше еще много мифов и страхов, связанных со вступлением в ЕС, которые не охвачены объективными знаниями, и поэтому могут быть источником неоправданных ожиданий или разочарований относительно членства Польши в ЕС. В документе заявлена необходимость всеобъемлющей информационной стратегии, охватывающей различные социальные группы, в том числе учеников и студентов[1].

Главным фундаментом евроскептицизма была деревня, глубинка, пожилые, консервативные люди. Вопросы, связанные с сельским хозяйством, были трудными ввиду относительно большой доли населения Польши, занятого в сельском хозяйстве и опасений польских крестьян относительно возможности эффективно конкурировать на европейском рынке с крестьянами из ЕС.

Польские крестьяне опасались, что после вступления в Евросоюз в Польшу хлынут европейские фермеры, которые скупят дешевую польскую землю. Кроме того, фермеры остерегались, что не смогут конкурировать со своими западными коллегами, дешевая сельскохозяйственная продукция которых заполнит полки польских магазинов. Многие также считали, что цены поднимутся: товары и услуги подорожают. После вступления в ЕС цены действительно поднялись, но вместе с ними повысились и заработные платы.

Весной 1998 года на встрече в Люксембурге Европейский Совет пригласил Польшу начать переговоры о вступлении. Данные переговоры завершились в декабре 2002 года.

16 апреля 2003 года в Афинах был подписан Договор о вступлении, определяющий условия членства Польши, а вместе с ней также девяти других государств (Кипр, Чехия, Литва, Латвия, Эстония, Мальта, Словакия, Словения и Венгрия) в Европейском союзе.

7–8 июня 2003 года в Польше был проведен референдум. «За» объединенную Европу высказались 77,45 % поляков, «против» – 22,55 %. В голосовании приняли участие 58,85 % граждан[5].

Договор о вступлении был ратифицирован и вступил в силу 1 мая 2004 года.

Подводя итоги можно отметить, что в процессе интеграции Польше пришлось адаптировать свою правовую систему к ЕС, модернизировать функционирование различных государственных учреждений и реструктурировать принадлежащие государству промышленные предприятия. Законодательство нужно было привести в соответствие с европейским. В сфере предпринимательства требовалась институциональная поддержка малого и среднего бизнеса, чтобы он был конкурентным на открытом рынке Европы, а в аграрном секторе должна была ускориться модернизация. Еще одним условием было повышение уровня развития более бедных регионов.

В связи с этим не обошлось и без опасений, связанных с евроскептицизмом. Последним важным эпизодом в истории процесса интеграции стал всенародный референдум, состоявшийся 7 и 8 июня 2003 года, в котором граждане польского государства подтвердили, что хотят быть частью единой Европы.

Литература

1. Anna Zielińska-Głębocka. Opinia w sprawie rządowego dokumentu "Narodowa Strategia Integracji" przyjętego przez radę ministrów 28 stycznia 1997 r. Uniwersytet Gdański. – URL : http://biurose.sejm.gov.pl/teksty_pdf_97/e-126.pdf
2. Katarzyna Kolodziejczyk. Poland in the European Union. Ten years of Membership. UNISCI Journal, N° 40. 2016. 9–26.
3. Narodowa Strategia Integracji Społecznej dla Polski. Warszawa. 28.01.1997 r. – URL: <https://www.mpips.gov.pl/userfiles/File/mps/NSIS.pdf>
4. Oświadczenie ministra spraw zagranicznych Rzeczypospolitej Andreja Olechowskiego w Sejme Rzeczypospolitej Polskiej na temat przystąpienia Polski do Unii Europejskiej. Warszawa, 7 kwietnia 1994 r. – URL: <http://www.zbiordokumentow.pl/1994/2/2.html>.
5. Poland. Referendum on Joining the EU, 2003. – URL: <https://www.electoralgeography.com/en/countries/p/poland/2003-eu-referendum-poland>
6. Договор о Европейском союзе. Раздел VIII. Статья 49 // Документы Европейского союза. Европейское сообщество. – М., 2001. – С. 40.

**КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР
В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ:
НА ПРИМЕРЕ СТРАН ЧЛЕНОВ ССТГ**

*PhD, доцент,
доцент кафедры международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.*

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич
BGAhmetkarimov@kpfu.ru

Надыров Рустем Нилевич,
*аспирант,
аспирант кафедры международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.*

В рамках настоящей статьи будет предпринята попытка рассмотреть на основе цивилизационного подхода становление такого международного объединения, как «Совет сотрудничества тюркоязычных государств» [5].

В 1993 году в журнале *Foreign Affairs* публикуется статья С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», вызвавшая значительный резонанс в исследовательском и политическом сообществах. В продолжение темы несколько лет спустя из-под его пера выходит историко-философский трактат «Столкновение цивилизаций», который, по мнению З. Бжезинского, «дает новое понимание современного мирового хаоса» [16, с. 3] и «представляет собой интеллектуальную стартовую площадку для политиков новой формации» [16, с. 5].

Несмотря на то, что со дня публикации работы Хантингтона прошло не одно десятилетие, дискуссия о состоятельности выводов автора продолжается. Вместе с тем определенная проницательность исследователя побуждает к использованию цивилизационного подхода для анализа международных отношений.

В соответствии с представлениями Хантингтона в мире после холодной войны государства все больше сотрудничают и заключают союзы с государствами имеющими схожую или общую культуру, политические и общественные деятели таких государств склонны доверять друг другу из-за родства языка, религии, системы ценностей [16, с. 36].

Вместе с тем идея о возможности интеграции на основе культурно-этнической общности не нова, как справедливо отмечает сам ученый, еще в античности греками были сформулированы ключевые элементы, позволяющие отличить их от не-греков – кровь (происхождение), язык, религия и обычаи (стиль жизни), являвшиеся необходимыми условиями для союза Афин и Спарты.

Формируя свой подход к изучению межгосударственных взаимоотношений, американский ученый обращается к понятию «цивилизация», под которой им понимается наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентичности, отличающий человека от других биологических видов, которая определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей [16, с. 52].

Интеграционный потенциал культурно-этнического фактора не раз подвергался осмыслению со стороны интеллектуалов, в том числе и тюркских.

Примечательны взгляды османско-турецкого мыслителя рубежа XIX–XX веков, одного из создателей идеологии тюркизма (пантюркизма) З. Гекальпа [7, с. 89]. Для его похода к вопросу единения тюрков характерно отсутствие прямо выраженного элемента экспансии, традиционно признаваемого за этой идеологией. В отличие от Гаспринского – «первого идеолога пантюркизма тюркского евразийца» [1, с. 75]. – Гекальп не ставит вопрос обединении тюрков посредством языка, мысли, действия [4, с. 87]; в отличие от Акчуры, отдельно не выделяющего исламизм и тюркизм, не ставит вопрос о формировании политической тюркской нации [2]. В соответствии с убеждениями Гекальпа, современной ему является великая тюркская нация, находящаяся под угрозой дробления на отдельные нации, такая опасность осознается всеми тюркоязычными народами, составляющими нацию, а тюркизм есть та национальная, позитивная, охранительная идеология, которая направлена на сохранение великой тюркской нации и ее тюрко-исламской культуры. Этим его позиция созвучна с представлениями С. Хантингтона о наличии тюркской субцивилизации исламской цивилизации [16, с. 57].

Почти за десятилетие до открытия Турции доступа в постсоветскую Центральную Азию Анкара приобрела опыт успешного использования исламских ценностей и османского исторического и культурного наследия во внешнеполитических целях. Тургут Озал стал первым турецким политиком, осознавшим и использовавшим исламский цивилизационный потенциал во внешнеполитических целях – для развития отношений с мусульманскими государствами Ближнего Востока. Т. Озалу принадлежат слова, сказанные им по этому поводу в бытность премьер-министром в 1984 году: «Со многими из них нас связывают исторические и культурные корни, и мы прилагаем усилия для развития как политических, так и торгово-экономических связей с этими странами... Турция, занимающая достойное место в исламском мире, станет страной, уважение к которой и вес которой как на Западе, так и во всем мире увеличится, ... и мы верим, – продолжал он, – что благодаря этому наша страна станет мостом, соединяющим исламский мир с миром западным» [15, с. 54].

1 сентября 1991 года Тургут Озал, выступая в Великом национальном собрании Турции, в контексте окончания холодной войны заявил, что у Турции впервые за 400 лет появился исторический шанс стать лидером в Центральной Азии и на Кавказе [26, с. 370].

Турецкая Республика заявляла о себе как о стержневом государстве тюркской субцивилизации. Она была первым государством, которое признало независимость Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана [14]. Интересно, что и западным сообществом роль Анкары понималась аналогично, так, журнал *The Economist*, называя Турцию в конце XX века «звездой ислама», видел в ней «прототип» для постсоветских государств [27].

В мае 1992 года состоялось турне премьер-министра Турецкой Республики по Азербайджану и Центральной Азии, в ходе которого им было высказано предложение о проведении совместного саммита глав тюркских государств.

30–31 октября 1992 года в Анкаре был проведен первый саммит глав тюркских государств, в котором участвовали президенты всех независимых тюркоязычных стран. По итогам саммита была подписана Анкарская декларация [17], в которой сторонами декларируется наличие особых связей, основанных на общей истории, языке и культуре народов, а также заявляется о том, что в отношениях есть дух братства, солидарности и сотрудничества.

Подписание Анкарской декларации явилось историческим событием, подтвердившим состоятельность подхода, выбранного Т. Озалом, ознаменовавшим и юридически закрепившим начало тюркского, многостороннего, межгосударственного диалога на высшем уровне, при этом место проведения саммита, а также порядок перечисления государств-участников и указание в преамбуле декларации на «дух братства», на который обращают внимание российские исследователи [10, с. 115], позволили Турции нормативно закрепить за собой статус стержневого государства тюркской субцивилизации.

В марте 1993 года в Турции проходила международная конференция с участием лидеров всех независимых тюркоязычных государств, на которой обсуждался вопрос о необходимости перехода всего тюркского мира на единый тюркский алфавит, что свидетельствует о понимании турецкой политической элитой важности возрождения общетюркской идентичности (или, как полагают отечественные специалисты, формирования наидентичности [1, с. 76]). В ходе этой конференции С. Демирель сказал о том, что «хотя конференция и опоздала лет на двести, но уже ничто не в состоянии помешать созданию нового тюркского мира “от Адриатики до Великой китайской стены”» [12, с. 157]. Эти слова Демиреля «Adriyatik'ten Çin Seddi'ne büyük Türk dünyası» стали слоганом характеризующим турецкую внешнюю политику 90-х годов XX века на постсоветском тюркоязычном пространстве [21, с. 45], а также фактически обозначили географические границы тюркской субцивилизации. Ключевым моментом, указывающим на развитие турецкой политической мысли в цивилизационной парадигме, является расширение границ нового тюркского мира до Адриатики, в отличие от границ, предложенных на рубеже XIX–XX веков И. Гаспринским [4, с. 88].

О восприятии восьмым президентом роли Анкары в разворачивавшихся событиях свидетельствуют слова, произнесенные им в апреле 1993 года во время поездки по тюркоязычным республикам бывшего СССР: «... Они же турки! Мы обязаны построить мост соединяющий нас с ними, повести их за собой, избавить от пережитых страданий...» [15, с. 69]. Они являются ярким доказательством готовности турецкого лидера взять на себя ответственность за судьбу вновь образованных тюркоязычных государств.

Весьма контрастно на этом фоне выглядят воспоминания первого президента Казахстана Н.А. Назарбаева: «Тургут Озал несколько раз приезжал в Казахстан. Я думаю, что его визиты в государства Центральной Азии были связаны не только с необходимостью установления добрососедских отношений с новыми государствами, но и в определенной мере с желанием реализовать мечту Ататюрка – сформировать мощное объединение «тюркских государств». Эту мечту он не скрывал. Он был приверженцем пантюркизма, идеи Великой Турции ... Но что это означало на деле? Это значило ... вместо одного “старшего брата” посадить себе на шею другого» [9, с. 196].

На октябрь 1993 года в Баку [17] планировалось к проведению вторая встреча глав тюркских государств, которая на фоне длящегося вооруженного армяно-азербайджанского конфликта запланированная в Баку встреча не состоялась. По инициативе С. Демиреля, согласного с той ролью, которую Турции отводил Т. Озал, второй саммит глав тюркских государств состоялся в период 18–19 октября 1994 года в Стамбуле, в котором участвовали президенты всех независимых тюркоязычных стран. По итогам работы саммита была подписана первая Стамбульская декларация [23]. Интеграционные задачи решались Анкарой через общетюркский идеал (пп. 8–14): сохранение общего исторического и культурного наследия, с постановкой соответствующих задач перед министрами культуры и образования, академиями наук и институтами истории; вполне в духе Гекальпа, используя словосочетание *Türk Lehçeleri* (Тюркские диалекты) поставили задачу перед министрами культуры по подготовке соответствующих межтюркских словарей; отдельно отметили значимость организации ТЮРКСОЙ; а также отметили необходимость усиления сотрудничества в области средств массовой информации. Е.Ф. Парубочая, анализируя первую Стамбульскую декларацию, указывает на отказ от словосочетаний «дух братства», подчеркивание независимости, суверенитета, территориальной целостности сторон и связывает это исключительно с боязнью постсоветских республик пантюркистских устремлений Турции [10, с. 115]. Вместе с тем учет роли Турецкой республики как стречневое государства позволяет абстрагироваться от идеологической подоплеки и предложить, что подобное содержание декларации есть реакция на имевшую место геополитическую ситуацию, характеризовавшуюся значительным числом регионов, находящихся в состоянии эскалации напряженности и рядом региональных конфликтов, поскольку пять пунктов (пп. 3–7) из двадцати четырех, имеющих в декларации, так или иначе посвящены вопросам мира, безопасности и стабильности.

27–29 августа 1995 года в Бишкеке состоялась третья встреча глав тюркоязычных государств, прошедшая на высшем уровне. Результаты рассмотрения вопросов повестки дня нашли свое отражение в подписанной сторонами Бишкекской декларации [20], самым значимым из которых в контексте продвижения интеграционных идей на базе культурно-этнического фактора было решение о создании совместных высших учебных заведений. Примером претворения в жизнь принятого решения служит открытие Кыргызско-Турецкого университета «Манас», созданного в соответствии с договором, заключенным 30 сентября 1995 года в Измире между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Турецкой Республики [6].

Подписанная 21 октября 1996 года по итогам Ташкентского саммита декларация стала последней декларацией, скрепленной подписями глав всех независимых тюркоязычных государств [28], а наиболее важным в целях интеграции было решение о создании секретариата встреч глав государств (п. 16). На секретариат возлагались функции по подготовке материалов для встреч глав тюркоязычных государств и руководителей внешнеполитических ведомств, проведению мероприятий, направленных на пропаганду языка, культуры и достижений тюркоязычных государств, обеспечению возможности

издания литературно-исторических источников о жизни тюркских народов. Тем самым было положено начало этапу институционального обеспечения интеграцион-ного процесса.

Следующий саммит, планировавшийся к проведению в четвертом квартале 1997 года в столице Республики Казахстан, состоялся в новой столице – Астане – лишь 9 июня 1998 года.

Астанинская декларация [18] (TÜRKÇE KONŞUAN ÜLKELER DEVLET BAŞKANLARI V. ZİRVE BİLDİRİSİ) стала первой декларацией в наименовании которой, в отличие от ранее подписанных и именовавшихся фактически географически – по месту проведения, появилось указание на формирующуюся подсистему международных отношений и ее неформальную интегрирующую структуру. Несмотря на то, что Туркменистан представлял Председатель Парламента, что свидетельствовало о том, что не все постсоветские республики одинаково заинтересованы в проводимом интеграционном процессе, С. Демирель, выступая в Астане, прежде всего акцентировал внимание на сосуществование тюркских стран в рамках единого пространства [10, с. 117].

Бакинский саммит, состоявшийся 8 апреля 2000 года, в котором приняли участие только президенты Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции, а две оставшиеся республики были представлены главами законодательных органов, стал переломным. С одной стороны, отсутствие лидеров Туркменистана и Узбекистана негативно сказывалось на самой идеи саммитов как встречи на высшем уровне, а с другой стороны, выявило те государства, которые искренне заинтересованы в интеграции. Бакинская декларация [19] с культурно-этнической точки зрения примечательна оценкой, данной главами государств деятельности организации ТЮРКСОЙ и приветствием проведения встречи в верхах в Баку в период празднования 1300-летия эпоса тюркских народов «Китаб-и Деде Коркут» («Книга моего деда Коркута на языке племени огузов»), значимость которого (включая значимость персонажей эпоса) в рамках тюркской субцивилизации сложно переоценить [22, s. 23]. В декларации нашло отражение выражение признательности и оценка важности роли президента Турции С. Демиреля в становлении и укреплении взаимопонимания и доверия между главами тюркоязычных государств, развитии дружеских и братских отношений между их государствами, а также сближении и солидарности тюркских народов (п. 16), что подтверждает осознание главами постсоветских государств закрепление за Турецкой республикой позиции стржевного государства.

26–27 апреля 2001 года в Стамбуле состоялась очередная встреча глав тюркоязычных государств на высшем уровне, в которой после нескольких лет отсутствия принял участие президент Туркменистана С.А. Ниязов, при этом Узбекистан вновь представлял Председатель Парламента [24]. Основным итогом встречи можно было считать согласование проведения следующего саммита глав тюркоязычных государств в Ашхабаде, что позволят составить представление о том какие усилия прилагала Анкара для того, чтобы удержать Туркменистан в общем интеграционном поле. Тем не менее встреча, запланированная к проведению в 2002 году в Ашхабаде, не состоялась.

Следующий саммит глав тюркских государств вновь лишь благодаря усилиям турецкой стороны состоялся пять лет спустя. 17 ноября 2006 года в Анталии проходила восьмая встреча лидеров тюркоязычных государств. С точки зрения выбранного подхода итоги саммита были не однозначны. С одной стороны, многосторонний формат сотрудничества, основанного на тюркской идее показал свою жизнеспособность, но, с другой стороны, индифферентность Туркменистана и отпадение Узбекистана поставили под сомнение целесообразность продолжения интеграционной работы в этом формате. Однако подобная ситуация не являлась свидетельством ни утраты Анкарой своих позиций, ни тем более свидетельством безуспешности попытки возрождения тюркской субцивилизации. Поскольку наиболее важные с интеграционной точки зрения политические заявления к тому моменту уже прозвучали на X международном тюркском курултае, состоявшемся двумя месяцами ранее там же, в работе которого приняли участие делегаты от Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана, Турции, Таджикистана, Монголии, Северного Кипра, субъектов Российской Федерации (Татарстана, Чувашии, Тувы, Якутии, Алтай, Карачаево-Черкесии) и тюркских общин ряда других государств. Так, глава турецкого правительства Р.Т. Эрдоган выступил с инициативой создания по аналогии с содружествами англоязычных, испаноязычных и франкоговорящих стран «Содружества тюркоязычных государств, которое подготовит условия для их экономической интеграции и позволит им выступать на международной арене с единой позиции» [13]. Президент Азербайджана И. Алиев поддержал в своем выступлении предложения турецкого премьера [13]. С. Демирель, высказываясь в свете предложения Р.Т. Эрдогана, в том числе и на курултае, отмечал, что мировоззрение Анкары никогда не основывалось на идеологии пантюркизма, речь идет о том, чтобы сплотить тюрков всего мира, не опираясь при этом на принципы пантюркизма и панисламизма [8].

Знаковая встреча лидеров тюркских государств в обновленном формате, в которой приняли участие президенты Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции, состоялась в Нахичевани 2–3 октября 2009 года. Основным итогом встречи явилось подписание 3 октября 2009 года Нахичеванского соглашения о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств [25]. Е.Ф. Парубочая пишет: «После церемонии подписания договора о создании Тюркского совета А. Гюль заявил, что это событие носит исторический характер, так как впервые появилась институциональная структура, объединившая тюркский мир ... выразил уверенность в том, что саммит ... станет поворотным пунктом в процессе интеграции тюркских стран, который завершится созданием Содружества тюркских наций» [11, с. 102].

Таким образом, изложенное позволяет небезосновательно говорить о том, что на рубеже XX–XXI веков культурно-этнический фактор был значимым элементом внешнеполитической деятельности Турецкой республики, который был положен в основу сотрудничества с государствами, по Хантингтону, входящими как в исламскую цивилизацию в целом, так и в тюркскую субцивилизацию в частности. Успешно играя роль стержневого государства тюркской субцивилизации, используя все доступные форматы

взаимодействия, Турция даже в переломные моменты, несмотря на собственные внутривосточные и экономические сложности, смогла обеспечить поддержание интереса к интеграции. Результатом этих усилий стало появление институциональной структуры, обладающей потенциалом к объединению тюркской субцивилизации, то есть, согласно доктрине З. Бжезинского [3, с. 74], приближение к решению основной геостратегической задачи государства, претендующего на власть на наднациональном уровне.

Литература

1. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3. – С. 71–78.
2. Акчура Ю. Три вида политики // Татарстан. – 1994. – № 9–10 – С. 129–135.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Издательство АСТ, 2018. – 384 с.
4. Гаспринский И. Россия и Восток. Русское мусульманство: мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Русско-восточное соглашение: мысли, заметки, пожелания. – Казань: Фонд «Жиен» Татарское кн. изд-во, 1993. – 132 с.
5. Закон Республики Казахстан от 27 сентября 2010 года № 341–IV «О ратификации Нахичеванского соглашения о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств». Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000341_ (дата обращения: 20.02.2019).
6. История. Кыргызско-Турецкий университет «Манас» официальный сайт. – URL: <http://intl.manas.edu.kg/ru/o%20манасе/history> (дата обращения: 18.04.2019).
7. Киреев Н.Г. История Турции. XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007.– 608 с.
8. Корицкий С.А. Тюркский саммит в Анталии. Официальный сайт Института Ближнего Востока. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=5165> (дата обращения: 02.04.2019).
9. Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. – Алматы: АТАМУРА, 2003. – 256 с.
10. Парубочая. Е.Ф. Саммиты тюркских государств (1992–2001 гг.): реальная платформа для сближения? // Вестник Волгоградского государственного университета Сер. 4. Ист. 2011. № 1 (19). С. 113–120.
11. Парубочая. Е.Ф. Саммиты тюркских государств (2006–2010г.г.): реальная платформа для сближения стран // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, Ист. 2011. № 2 (20). – С. 98–105.
12. Стародубцев И.И. Россия – Турции: 500 лет беспокойного соседства. – М.: Издательство «Э», 2017.– 416 с.
13. Терехов Р.С. Тюркский фактор во внешней политике Турции: современные тенденции. Издательский дом Медина – URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/turk_terehov.htm#_ftn9 (дата обращения: 06.04.2019).
14. Турция признала: Туркменистан – 27 октября 1991 года, Азербайджан – 30 ноября 1991года, Казахстан и Узбекистан – 16 декабря

1991 года, Кыргызстан – 23 декабря 1991 года.

15. Утургаури С.Н., Ульченко Н.Ю. Тургут Озал – Премьер и Президент Турции.– М.: Институт Востоковедения РАН, 2009. – 128 с.

16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2017. – 640 с. – С.3

17. Ankara Bildirisi (1992). Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konseyi. – URL: http://turkkon.org/Assets/dokuman/11_AnkaraBildirisi1992_1.DevletBaskanlariZirvesi_20140418_104048.pdf. (дата обращения: 30.03.2019).

18. Astana Bildirisi (1998). Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konseyi. – URL: http://turkkon.org/Assets/dokuman/07_AstanaBildirisi1998_5.DevletBaskanlariZirveBildirisi_20140418_103743.pdf. (дата обращения: 30.03.2019).

19. Bakü Bildirisi (2000). Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konseyi. – URL: http://turkkon.org/Assets/dokuman/06_BakuBildirisi2000_6.DevletBaskanlariZirveBildirisi_20140418_103714.pdf. (дата обращения: 30.03.2019).

20. Bişkek Bildirisi (1995). Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konseyi. – URL: http://turkkon.org/Assets/dokuman/09_BiskekBildirisi1995_3.DevletBaskanlariZirveBildirisi_20140418_103851.pdf. (дата обращения: 30.03.2019).

21. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu. Seksendokuzuncu basım. – İstanbul:Küre Yayınları, 2013 – 584 s.

22. Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları. Yedinci basılış. – İstanbul:VARLIK YAYINEVİ, Ekin Basımevi'nde basılmıştır, 1968 – 176 s.

23. İstanbul Bildirisi (1994). Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konseyi. – URL: http://turkkon.org/Assets/dokuman/10_IstanbulBildirisi1994_2.DevletBaskanlariZirveBildirisi_20140418_103924.pdf. (дата обращения: 30.03.2019).

24. İstanbul Bildirisi (2001). Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konseyi. – URL: http://turkkon.org/Assets/dokuman/05_Istanbul2001_7.DevletBaskanlariZirvesiBildirisi_20140418_103624.pdf. (дата обращения: 30.03.2019).

25. Nahcivan Anlamasi. Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konseyi. – URL: http://www.turkkon.org/Assets/dokuman/Nahcivan_Anlamasi_Turkce_20140417_193951.pdf (дата обращения 05.04.2019).

26. Oran B. Türk Dış Politikası. Cilt II: 1980–2001. 12 baskı – İstanbul: İletişim Yayınları, 2010. – 637 s.

27. Star of Islam. (A Survey of Turkey). The Economist. 1991. 14 December. – URL: <https://docslide.us/documents/the-economist-star-of-islam.html> (дата обращения: 28.03.2019).

28. Taşkent Bildirisi (1996). Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konseyi. – URL: http://turkkon.org/Assets/dokuman/08_TaskentBildirisi1996_4.DevletBaskanlariZirveBildirisi_20140418_103822.pdf. (дата обращения: 30.03.2019).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК. 94(436)

ЭКСПАНСИЯ ГЕРМАНСКОГО КАПИТАЛА В СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН «ВИШЕГРАДСКОЙ ЧЕТВЕРКИ»)

Закиров Алмаз Васильевич,

кандидат исторических наук, доцент,

*доцент кафедры международных отношений, мировой политики
и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.*

almazakiro@mail.ru

Аннотация. В статье изучен опыт приватизации в странах Центральной и Восточной Европы, начавшейся после распада соцблока и СССР, в результате чего все экономические ресурсы попали в руки крупных банков и транснациональных корпораций. Автор особое внимание уделил процессу вхождения германского капитала в страны Вишеградской четверки. Именно этот процесс многие специалисты называют неоколониальной политикой, в результате которой происходят все современные социальные потрясения в странах региона.

Ключевые слова: евроинтеграция, экономика и политика Венгрии, экономика и политика Чехии, экономика и политика Словакии, экономика и политика Польши, экономика и политика Германии.

Страны Вишеградской четверки – Венгрия, Чехия, Словакия и Польша – после распада СССР, соцблока и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) были вынуждены идти на всевозможные компромиссы с Европейским союзом (ЕС) для привлечения иностранного капитала в свои экономики. Именно в этих условиях правительственная политика стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) была направлена на приватизацию госсектора. Для этого необходимо было привести в соответствие с требованиями ЕС законодательной базы, в том числе создание одинакового правового режима для новых участников финансового рынка.

Однако во внутренней политике стран Вишеградской четверки было немало расхождений. Например, Чехия и Словакия, опасаясь полного поглощения их экономик иностранным капиталом, старались всячески укрепить позиции собственных финансовых элит и национальных банков. Для чего предпринимались мероприятия по протекции своих и ограничению чужих экономических институтов. Власти Венгрии поступили иначе, решив последовать курсу на всестороннюю европейскую интеграцию, открыли для иностранного капитала, иностранных банков полноценный доступ в свою экономику еще до вступления в Европейский союз [4]. В результате влияние иностранного капитала на экономику выше обозначенных стран также стало различаться.

В структуре иностранного капитала решающая роль принадлежала прямым инвестициям, то есть капиталу ТНК, так как прямой и финансовый иностранный капитал тесно взаимодействуют друг с другом, поэтому часто проводятся аналогии между иностранным банком и ТНК. Присутствие

в зарубежной стране иностранного банка сокращает издержки прихода в нее ТНК. Главная функция иностранного банка в чужой стране – это финансовое обслуживание коммерческой деятельности ТНК.

В странах ЦВЕ преобладало два основных метода вхождения иностранного капитала:

- 1) через учреждение иностранного банка;
- 2) участие нерезидентов в приватизации предприятий.

Первым методом пользовались крупные западные банки, имеющие влияние во всех странах региона, со 100-процентным иностранным капиталом. Согласно международной классификации, учреждение иностранных банков считается инвестициями иностранного финансового капитала по принципу «зеленого поля».

Примером может служить деятельность Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), который был создан для помощи в строительстве новой эпохи постбиполярного мира (после окончания холодной войны) в ЦВЕ. ЕБРР стал основной движущей силой в процессах формирования рыночной экономики и приватизации крупной государственной собственности в регионе. Он создавался в спешке, чтобы воспользоваться чрезвычайным положением в ЦВЕ, крахом СССР и соцблока. В октябре 1989 года президент Франции Франсуа Миттеран заявил о необходимости создать подобный институт, а уже в апреле 1991 года была открыта штаб-квартира ЕБРР в Лондоне. ЕБРР активно участвовал в таких областях, как реформа банковских систем, либерализация цен, приватизация и создание надлежащих правовых рамок для формирования прав собственности на все жизненно важные компоненты экономик стран СЭВ [3].

Одним из банков, занимавшихся подобным методом приватизации госсектора, был крупнейший банк Германии «Дрезднер Банк» [1, 6, 10, 11, 15]. Начальный капитал этого банка только в Чехии приравнялся 40 млн долл., а объем банковских активов достиг 0,5 млрд долл. Банк принимал активное участие в процессе приватизации госсектора экономики ГДР после объединения Германии в октябре 1990 года «Дрезднер Банк» стал самым крупным частным коммерческим банком Германии и стал одним из приватизаторов госсектора экономики стран ЦВЕ после распада СССР наряду с такими крупнейшими банками Германии, как «Дойче Банк», который уже к 1994 году имел более 300 отделений в странах бывшего соцблока [5, 8, 15].

По итогам 2004 года лидирующие позиции на рынке стран ЦВЕ занимает немецкий Hypovereinsbank (HVB). Его зарубежные активы в этом регионе составили 35,5 млрд евро. Он стал играть заметную роль в банковских системах стран ЦВЕ после слияния в 2001 году с австрийским банком Austria Creditanstalt, который проводил активную экспансию в регионе. За счет присоединившейся сети отделений банка Austria Creditanstalt доля HVB в активах банковских систем стран ЦВЕ составила около 10 % [8]. В 2005 году среди лидеров на рынке ЦВЕ произошли изменения в результате слияния итальянского UniCredit и немецкого HVB [см.: 19].

По состоянию на конец 2004 года иностранный (в основном европейский) капитал доминировал в совокупных активах банковских систем всех стран Вишеградской четверки (см. табл. 1).

Второй способ вхождения иностранного капитала в экономики стран ЦВЕ – это участие нерезидентов в приватизации национальных банков

и предприятий. Большие объемы иностранного капитала зашли в страны ЦВЕ именно этим путем, в большей степени в Венгрию (благодаря платной схеме приватизации и активному участию в ней иностранцев), а в меньшей в Чехию (этому препятствовали ограничения на участие в купонной приватизации нерезидентов и появление иностранных банков еще до приватизации).

Инвестиции иностранных банков в реальный сектор в значительных объемах отмечены в Венгрии. После распада СССР страны Восточного блока понесли значительные потери как на восточном, так и на западном рынках. Венгрия потеряла почти 70 % своих экспортных рынков в ЦВЕ. Потеря внешних рынков в Венгрии оставила 800 000 безработных, потому что все невыгодные и незапланированные фабрики были закрыты [21]. Из-за отсутствия субсидий и необходимости сокращения расходов многие социальные программы в Венгрии пришлось сократить в попытке снизить расходы. После приватизации снижение налогов на венгерские предприятия, безработица неожиданно выросла до 12 % в 1991 году (в 1990 году она составляла 1,7 %), постепенно снижаясь до 2001 года. Экономический рост после падения в 1991 году до – 11,9 % постепенно рос до конца 1990-х годов при средней годовой ставке 4,2 %. С стабилизацией новой рыночной экономики в Венгрии наблюдается рост иностранных инвестиций с «совокупными прямыми иностранными инвестициями на общую сумму более 60 млрд долл. США с 1989 года» [21]. Иностранный капитал привлекает квалифицированный и относительно недорогой труд, налоговые льготы, современная инфраструктура и хорошая телекоммуникационная система [17].

В январе 1990 года было создано Государственное агентство по приватизации (SPA, Állami Vagyonyügynökség) для управления первыми этапами приватизации. Из-за внешнего долга Венгрии в размере 21,2 млрд. долл. правительство решило продать государственную собственность, а не бесплатно раздавать своим гражданам. Граждане Венгрии были не довольны таким грабительским для них процессом приватизации. Только несколько компаний имело право находить покупателей и обсуждать с ними условия продажи, таким образом, «обкрадывая» компанию. Еще одна причина недовольства состояла в том, что государство предлагало крупные налоговые субсидии и экологические инвестиции, которые иногда стоят дороже, чем отпускная цена компании. Наряду с приобретением компаний иностранные инвесторы запустили в страну много «новых инвестиций» [19].

Хотя большинство банков были проданы иностранным инвесторам, Национальный сберегательный банк (OTP Bank, ОТП Банк) – оставался венгерским. 20 % акций были проданы иностранным институциональным инвесторам, 20 % – предоставлены организациям социального страхования, 5 % – сотрудникам, а 8 % – на Будапештской бирже [14]. Приватизация ОТП Банка началась в 1995 году. В результате 3 публичных предложений наряду с введением акций банка на Будапештскую фондовую биржу государственная собственность в банке уменьшилась до одной привилегированной (золотой) акции. В настоящее время банк характеризуется разбросанным участием преимущественно частных и институциональных (финансовых) инвесторов. После реализации своего собственного процесса приватизации ОТП Банк начал свои международные страны расширения ориентации в ЦВЕ. За прошедшие годы ОТП Банк завершил несколько приобретений. Помимо Венгрии, OTP Group в настоящее время работает в 8 странах региона через свои дочерние компании: в Болгарии (DSK Bank),

в Хорватии (OTP Banka Hrvatska), в Румынии (OTP Bank Romania), в Сербии (OTP Banka Srbija), в Словакии (OTP Banka Slovensko), в Украине (OTP Bank JSC), в Черногории (Crnogorska komercijalna banka) и в России (ОАО ОТП Банк). В апреле 2014 года было объявлено, что OTP Bank близок к сделке по приобретению венгерского банка МКВ у немецкой Bayern LB (Bayerische Landesbank (Баварский государственный банк) [16] – восьмое по величине финансовое учреждение Германии, которое расширилось во время приватизации экономик стран ЦВЕ. Этот факт еще раз показывает участие германского капитала в приватизации госсобственности Венгрии в 1990-е годы.

Однако по капиталовложению в реальный сектор лидирующее место занимают крупные иностранные производители – ТНК, которые осуществляют инвестирование только с помощью иностранных банков. Поэтому привлечение инвестиций ТНК в реальный сектор правительства стран ЦВЕ начинали с иностранных банков [5].

В Венгрии можно проследить около 50 крупнейших иностранных инвестиций, сделанных ТНК и иностранными банками. Особое значение для развития реального сектора имели иностранные прямые капиталовложения типа «зеленое поле». Сначала такие известные производственные фирмы, как Opel, осуществляли инвестиции для приобретения и расширения своих рыночных позиций. Затем следовали еще 40 инвестиций с целью использования при минимальных затратах приватизированных иностранцами предприятий машиностроения и химической промышленности, которые и легли в основу размещенного на территории страны производства ведущих немецких и австрийских фирм.

Созданное благодаря прямым инвестициям сборочное производство действительно «дешевое» и конкурентоспособное (например, продукция Audi-motor и Opel-motor). Растет число дочерних предприятий немецких производителей комплектующих и запасных частей, которые используются западными сборочными производствами, что совпадает с дальнейшими планами увеличения прямых германских инвестиций уже с целью расширения размещенного в Венгрии производства в отраслях, связанных с электронными комплектующими и их сборкой. Наиболее крупнейшие капиталовложения осуществили такие германские компании, как автомобильные «Фольксваген-Ауди» (420 млн долл.) в строительство совместного предприятия по производству автомобильных двигателей, так и энергетические «Э.Он» и «Панрусгаз» (принадлежит российскому «Газпрому» и немецкой «Э.Он»), телекоммуникационная «Мадьяр Телеком» (принадлежит немецкому «Дойче Телеком»), электротехническая компания «Ганц» (чешско-германский холдинг «Шкода»).

Среди крупнейших предприятий выделяются германские автомобильные заводы «Ауди» (г. Дьер), чей промышленный парк был созданный на базе инфраструктуры известного венгерского предприятия Videoton, а также «Даймлер» (г. Кечкемет), производители электрооборудования и электроники «Инфинион Текнолджис» (г. Цеглед), «Фройденберг» (г. Пецель), энергетическая компания RWE, которая в 1995 году возглавила консорциум по приобретению контрольного пакета акций трех энергетических компаний Венгрии.

Малые магазины и розничные предприятия были приватизированы в период с 1990 по 1994 год, однако инвестиции иностранных компаний, таких как «Метро», осуществлялись в строительство собственных новых предприятий [19], что попросту привело к торговой экспансии. Также были приватизированы многие

коммунальные предприятия, в том числе национальная телекоммуникационная компания Matav, национальный нефтегазовый конгломерат MOL Group, а также предприятия по поставкам и производству электроэнергии [13].

В общей сложности в результате приватизации доля иностранного капитала в Венгрии составила две трети ее совокупного капитала, а Германия стала самым важным торговым партнером Венгрии.

Если до 1989 года 65 % торговли Венгрии приходилось на страны СЭВ, то к концу 1997 года Венгрия переместила большую часть своей торговли на Запад. Торговля со странами ЕС и ОЭСР в настоящее время составляет более 70 % и 80 % от общего объема, соответственно; экспорт промышленной продукции в страны ЕС (чаще в Германию и Австрию) равен 85 %, из которого 42 % – машины и оборудование. Однако главными экспортерами являются крупные предприятия, находящиеся в полной или частичной иностранной собственности.

Среди всех стран бывшего соцблока Чехия обладала одной из наиболее стабильных и успешных экономических систем, в основе которой лежала промышленность (машиностроение, электротехника и электроника, химия, пищевая промышленность и черная металлургия). После падения социализма и связанной с ним плановой экономики, как и во всех бывших странах Восточного блока, в Чехословакии период 1990–1993 годов стал началом переходного этапа, когда значительно снизился ВВП. До тех пор внешняя торговля была в основном ограничена странами бывшего СЭВ. После того, как рынки на Востоке частично рухнули, проблемы возникли на рынках отдельных стран Восточного блока, включая Чехословакию.

В Чехии и Словакии общему временному снижению ВВП также способствовало два фактора. В первую очередь, в советский период эти страны специализировались на оборонной и других тяжелых отраслях промышленности, которые потеряли свою значимость в новых условиях. Во-вторых, роспуск Чехословакии в 1993 году, что значительно повлияло на снижение экономик двух стран: при продолжении торговли друг с другом прямые экономические последствия раскола нельзя переоценивать.

Экономическая трансформация, то есть переход от плановой экономики к экономике свободного рынка, произошла еще до распада на два отдельных государства. Это потребовало в контексте либерализации экономики освобождения ранее регулируемых государством цен, осуществления малой и большой приватизации, реституции собственности, национализированной после установления коммунистического режима в 1948 году. Таким образом, доля госсектора в ВВП снизилась с 97 % до менее чем 20 %. Это способствовало притоку в Чехию и Словакию иностранного капитала и зарубежных инвестиций. По уровню иностранного капитала на душу населения эти страны стали бесспорными лидерами не только в ЦВЕ, но и во всем мире. В результате удалось осуществить реструктуризацию промышленности, создать техническую и вспомогательную инфраструктуры для новых условий, способствовавших переориентации экономики с СССР на Западную Европу.

В 1995 году Чехия первой среди всех бывших коммунистических стран была принята в Организацию экономического сотрудничества и развития. Но так как правительство Чехии меньше всех впустила в собственную экономику чужие банки, стране в отличие от практически всех остальных посткоммунистических стран удалось избежать гиперинфляции и резких девальваций национальной

валюты. После некоторого ослабления кроны в конце 1990-х годов к настоящему времени ее курс относительно главных мировых валют заметно вырос.

Ярким примером поглощения чешской промышленности германскими инвесторами стала покупка автозавода «Шкода». В декабре 1990 года для поддержки собственной экономики правительство Чехии для поддержки автозавода «Шкода» выбрало в качестве партнера концерн Volkswagen AG (VAG). 16 апреля 1991 года состоялось подписание договора о продаже 31 % доли собственности «Шкода» компании VAG за 620 млн марок. В декабре 1995 года VAG нарастил свою долю до 70 %, заплатив 1,4 млрд марок. Окончательный контроль VAG получил в мае 2000 года, когда за 12,3 млрд крон была выкуплена доля в 30 % [20].

Однако вслед за начальными трудностями, вызванными распадом СЭВ, разделом страны и изменением структуры экономики, и последующим ростом чешская экономика в 1997–1998 годах испытала определенный кризис, выходящий из которого она стала только с середины 1999 года. Результатом кризиса стал рост иностранной задолженности и скачок безработицы. Кризисные явления удалось преодолеть путем наращивания экспорта в страны рыночной экономики, прежде всего, ЕС (а в его рамках – Германии), привлечению зарубежных инвестиций и роста внутреннего потребления. После вступления в мае 2004 года в Европейский союз экономический рост Чехии заметно ускорился и достиг 6-7 % в год.

В 2002 году энергетическая компания Германии RWE завершила сделку по приобретению чешского газового трейдера Transgas. Черная металлургия и военная промышленность потеряли свое значение за счет автомобильной и электротехнической промышленности, благодаря развитию которых с 2004 года Чехия имеет положительное сальдо внешнеторгового баланса, несмотря на быстрый рост цен на импортируемые энергоносители (нефть и газ).

В настоящее время в экономике Чехии действуют ряд крупных транснациональных и национальных компаний, а также сформированы или находятся в стадии формирования несколько промышленных кластеров. Особый приток иностранных компаний наблюдался в начале двухтысячных, когда Чехия вступила в ЕС. Традиционно Чешская Республика входит в число крупных мировых и европейских экспортеров машинотехнической продукции и, в частности – второе место в мире после Словакии по производству легковых автомобилей в расчете на душу населения (112 автомобилей на 1000 жителей), и 13-е место по количеству произведенных автомобилей в 2012 году (1,17 млн. шт.).

Важнейший вклад в развитие чешской экономики вносит внешняя торговля товарами и услугами. В течении последних 30 лет основными торговыми партнерами Чехии являлись страны ЕС. По итогам 2012 года доля стран ЕС во внешнеторговом обороте Чехии составила 72,9 %, из которых 28,5 % приходится на внешнюю торговлю Чехии с Германией.

Словакия имеет значительный промышленный потенциал и промышленность остается одним из основных секторов экономики страны. Однако удельный вес промышленности в создании ВВП снизился с 52 % (показатель 1989 года) до 35 % (в 1998 году).

После распада соцблока в Словакии произошел резкий рост инфляции в 1991 году, составивший 61,2 %. Однако, в отличие от таких стран, как Польша, Россия или Венгрия, инфляция в Словакии, как и в Чешской Республике, никогда не была реальной проблемой, за исключением 1997–1998 годов, что привело

к либерализации внешней торговли. В результате главной задачей для правительства стала быстрая приватизация, в которую вошли сектора реституции, то есть возврат товаров старым владельцам и фактическая приватизация государственных предприятий. В Чехословакии было принято решение о фактической приватизации посредством купонных распределений, которая была прекращена в рамках последнего правительства В. Мечъяра в 1995 году и продолжила действовать через прямые продажи.

С конца 1993 года – начала 1994 года Словакия (уже независимая) переживала относительно высокий уровень экономического роста, который даже (за исключением одного года) был выше, чем экономический рост Чешской Республики, а соотношение долга к ВВП в 1998 году оставалось вторым по величине в ЦВЕ (ниже 60 % ВВП).

В отличие от правительства Чехии, которое активно проводило рыночные реформы, правительство Мечъяра всегда старалось (частично из-за стратегических соображений, отчасти из-за эгоистических политических расчетов) проводить реформы осторожно с целью сохранить стратегически важные крупные компании страны в руках словацких юридических и физических лиц, поэтому приватизация осуществлялась медленно и со значительными нарушениями.

Однако в конце 1998 года с приходом к власти правительства Дзуринды в экономической политике был осуществлен поворот на 180 градусов: все предприятия были приватизированы иностранными компаниями, строительство автомагистралей и другие крупномасштабные проекты были прекращены почти полностью, национальные компании обанкрочены. Была восстановлена уверенность иностранных инвесторов. На более позднем этапе были также созданы новые промышленные парки, выгодные для германских автопроизводителей, финансируемых за счет государственных средств.

В 2009 году Словакия стала членом Еврозоны и ввела в обращение евро. Почти все сектора экономики перешли в частную собственность. Активная приватизация привела к тому, что почти вся банковская сфера попала в собственность иностранных компаний. По странам наибольшее влияние оказывают Австрия, банкам из этой страны принадлежит 36 % активов, и Италия – 26 % активов. Последние годы банковская система Словакии несколько диверсифицировалась, накануне кризиса в 2007 году доля банков с иностранным контролем составляла 97 %, а доля государственных банков – лишь 1 %.

Вливания иностранных инвестиций происходили в основном в автомобилестроение и электронику. Согласно исследованию немецкой Торговой палаты, проведенному в марте 2004 года, около половины немецких инвесторов рассматривало Словакию как лучшее место для инвестиций, так как она находилась на 19-м месте среди рейтинга самых конкурентоспособных экономик мира и занимала 4-е место среди стран соцблока.

В развитии промышленного комплекса Словакии важное место занимают ТНК, общая численность которых в стране равна 31 (в Чехии – 36, в Венгрии – 34), а накопленные прямые иностранные инвестиции в 2004 году составили 14 501 млн долл., что значительно меньше, чем в соседних странах (Чехия – 56 415 млн долл., Венгрия – 60 328 млн долл.). В газовой промышленности страны имеет свои капиталовложения крупная германская компания E.ON, а также германская RWE, которая участвует в восточнословацкой энергосистеме Словакии. Наиболее многочисленны ТНК в автомобилестроении

Словакии, которые представлены сборочным заводом компании Volkswagen в г. Братиславе.

Внешнеэкономические связи играют большую роль в экономическом развитии Словакии. Объемы внешнеторгового оборота в 1,3 раза превышают объемы ВВП. Крупнейшим торговым партнером Словакии является Германия, удельный вес которой в словацком экспорте в 2008 году составил 21,4 % и импорте – 20 %. При этом торговля с Германией в основном определяет структуру экспорта и импорта Словакии в целом с ЕС, что соответствует уровню экономического сотрудничества Словацкой Республики с Германией прежде всего на основе активности немецких инвесторов на словацком рынке («Фольксваген», «Сименс», «Алкател», ИНА и др.).

В товарной структуре экспорта Словакии за 2008 год преобладает экспорт автомобилей (25,9 %), а также машин и оборудования (21,3 %). Импорт страны в 2008 г. составил 79,76 млрд. долл. (увеличение по сравнению с 2003 г. на 57 млрд. долл.). Основными странами-импортерами являются Германия (22,1 %), Чехия (17,3 %), Россия (9,2 %), Венгрия (6,7 %) и др. Основными статьями словацкого импорта в 2008 г. были: машины и оборудование – 41,1 %, промышленные изделия – 19,3 %, топливо – 12,3 %, химпродукция – 9,8 %.

В экономике Польши Германия занимает особое место, так как доля немецкого капиталовложения лидирует среди иностранных инвесторов польской экономики. В 2014 году две страны достигли рекордного уровня двустороннего товарооборота, составив 87,4 млрд евро и побив исторический рекорд польского экспорта в Германию – 26 % общего объема польского экспорта при импорте в 22 % от его общего объема.

Инвестиции Германии в Польшу начались с периода трансформации польской экономики (1989–1990) и превысили 27,5 млрд евро. В процессе приватизации польских предприятий участвовали такие мощные немецкие концерны, как E. ON, Siemens, Deutsche Telekom, Allianz, Volkswagen, Bayer [2].

Трудно найти отрасль, куда бы не просочился немецкий капитал, начиная от таких стратегически важных для государства отраслей, как энергетика (немецкий концерн RWE в 2002 году реализовал сделку по покупке варшавской энергетике), телекоммуникация и банковский сектор (некоторые немецкие банки выступают под своими марками, как Deutsche Bank, а другие скрываются за марками купленных, теперь уже польских только по названию, банков, например деятельность Commerzbank) [7], завершая отраслями розничной торговли (немецкие гипермаркеты Real, Kaufland, Praktiker, OBI, Lidl, построенные даже в небольших городках).

Причем многие немецкие инвестиции имеют метку крупнейших. Концерн Volkswagen под Познанью, построив завод на площади 220 га завода, рассчитанный на выпуск 85 тысяч автомобилей (VW Crafter – фургон, микроавтобус и малотоннажный грузовик) в год, осуществил крупнейший промышленный инвестиционный проект европейского масштаба. Химический гигант BASF – собственник крупнейшего завода в Европе по производству автомобильных катализаторов, купил в 2012 году химический завод «Захем» (г. Быдгощи), чтобы ликвидировать конкуренцию на рынке. Польский производитель домашней техники Zelmer в 2013 году был поглощен концерном Bosch und Siemens. Примерно такая же участь постигла известный на весь соцблок косметический бренд Pollena, чьи заводы в 1990-е годы были приватизированы

и распроданы. Основным покупателем снова стала немецкая корпорация – Beiersdorf AG, специализирующаяся на продуктах массового использования.

Немецким концернам принадлежит также 90 % средств массовой информации Польши: немецкий Axel Springer издает в Польше Newsweek и Forbes, такие популярные издания, как «АвтоМото» и «Спортивное обозрение», также в руках немецкого капитала. Основную часть информационных веб-платформ также контролируют немецкие корпорации [12].

Интервью с профессором Витольдом Кежуном показывает насколько Польша попала в зависимость от немецкого капитала, который оценивает ситуацию с приватизацией в странах ЦВЕ не с точки зрения сиюминутных политических интересов, а с точки зрения стратегических интересов стран. Он сравнивает процесс приватизации в ЦВЕ с экономической неокOLONIALной политикой в Центральной Африке после приобретения африканскими странами политической независимости [9].

Он считает: «В 1980 году Польша занимала 12-е место по объему производства. И для мирового капитала появилась фантастическая возможность завоевания привлекательного рынка. Джордж Сорос подтолкнул Польшу к реформам, цель которых декларировалась как “открытое общество и открытый рынок”. Сорос разработал программу, опираясь на вашингтонский консенсус, который предусматривал открытие границ, возможность большого импорта и далеко идущую приватизацию. Эта программа, помимо удушающей инфляции, привела к уничтожению государственных предприятий, ликвидации государственных сельхозов, массовой безработице, и в то же время к валу импорта и ликвидации польских конкурентов на рынке потребления. Большинство заводов (от крупных до мелких производителей: польские цементные заводы, сахарные заводы, предприятия хлопчатобумажной промышленности и пр.) были выкуплены немецкими корпорациями за бесценок» [9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что результатом приватизации в странах Центральной и Восточной Европы, начавшейся после распада соцблока и СССР, все экономические ресурсы попали в руки крупных банков и транснациональных корпораций. Именно этот процесс многие специалисты называют неокOLONIALной политикой, в результате которой происходят все современные социальные потрясения в странах региона.

Таблица 1

**Доля иностранного капитала
в совокупных банковских активах стран ЦВЕ, %**

Год	Польша	Чехия	Венгрия	Словакия
1994	3,2	11,0	14,0	12,0
1995	4,2	16,6	19,0	19,0
1996	13,7	20,0	46,0	24,1
1997	15,3	25,2	62,0	30,5

1998	16,6	28,1	62,5	33,4
1999	47,2	48,0	65,0	24,6
2000	69,5	72,1	70,1	28,0
2001	68,7	89,1	70,0	60,5
2002	67,4	85,8	90,7	85,3
2003	67,9	Н/д	Н/д	88,9
2004	67,6	Н/д	Н/д	89,6

Источник: Иностранный капитал в банковской системе Польши. Банки: мировой опыт, 2003. № 2. С. 48; Mero K. Valentyni M. The role of foreign banks in five Central and Eastern European countries. MNB working papers. Budapest. 2003. P. 35–39; Banking in CEE. Bank Austria. – 2004. April. P. 48; National Bank of Slovakia; National Bank of Slovenia.

Литература

1. Абалкина А.А. Банковские системы стран Центральной и Восточной Европы в условиях присоединения к ЕС / А.А. Абалкина // Информационно-аналитический бюллетень ЦПИ ИЭ РАН. – 2005. – № 4. – С. 7–22.
2. Бялас М. Как происходила приватизация госпредприятий в Польше / М. Бялас. – URL: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2016/05/30/7049990/> – свободный (дата обращения: 10.12.2017).
3. Верников А.В. Иностранные банки в переходной экономике: сравнительный анализ / А.В. Верников. – М.: ИМЭПИ РАН, 2005. – 304 с.
4. Голубева В.И. Влияние иностранного капитала на реальный сектор экономики в ряде стран Центральной и Восточной Европы / В.И. Голубева // Проблемы прогнозирования. – 2000. – № 3. – С. 143–154.
5. Ермакович В. Модели массовой приватизации / В. Ермакович. – Варшава, 1997. – 34 с.
6. Ерусалимский А.С. Проникновение германских монополий в Китай на рубеже XIX и XX веков / А.С. Ерусалимский // Вопросы истории. – № 9. – 1960. – С. 66–89.
7. Жуковский М. Банковское дело в Польше: проблемы и перспективы развития / М. Жуковский. – Люблин, 2005. – 490 с.
8. Западные банки завоевывают страны Центральной и Восточной Европы // Банки: мировой опыт. – 2002. – № 2.
9. Интервью с В. Кежуном: «Польша – объект неокolonизации?» – URL: <http://www.dal.by/news/79/18-08-13-15/> – свободный (дата обращения: 10.12.2017).
10. История Второй мировой войны 1939–1945 (в 12 томах) / редкол., гл. ред. А.А. Гречко. – Т. 3. – М., 1974.

11. Недорезов А.И. Национально-освободительное движение чешского и словацкого народов против немецко-фашистской оккупации в 1939–1945 годах / А.И. Недорезов // Вопросы истории. – № 7. – 1953. – С. 83–101.
12. Шторм А. Немецкий капитал в Польше: колонизация и приватизация / А. Шторм. – URL: <https://regnum.ru/news/economy/1952474.html> - свободный (дата обращения 10.12.2017).
13. Bager G, Kovacs A. Privatisation in Hungary. Summary study. Research and Development Institute of the SAO of Hungary. – Вр., 2004.
14. Canning A, Hare P. Political Economy of Privatization in Hungary: A Progress Report. – URL: <https://www.webcitation.org/5qY0qfDBV?url=http://www.sml.hw.ac.uk/cert/wpa/1996/dp9613.pdf> – свободный (дата обращения 10.12.2017).
15. Dresdner Bank AG // The New Encyclopedia Britannica. 15th edition. Micropedia. – Vol.4. Chicago, 1994. P. 221–222.
16. Hungary's biggest bank OTP nearing deal to buy MKB: sources. <https://www.reuters.com/article/us-otp-bk-mkb-bank/hungarys-biggest-bank-otp-nearing-deal-to-buy-mkb-sources-idUSBREA370HK20140408> – свободный (дата обращения: 10.12.2017).
17. Lynch D. Hungary faces enormous economic hurdles // USAToday. Retrieved 5 December 2008. https://usatoday30.usatoday.com/money/world/2006-06-22-hungary-usat_x.htm – свободный (дата обращения 10.12.2017).
18. Major European Banks: Semi-Annual Review and Outlook. – Fitch ratings, 2005, May, 19.
19. Major I. Privatization in Hungary and its Aftermath. Edward Elgar Publishing. – Edward Elgar Pub., 2003. – 608 p.
20. Skoda has last laugh // BBC News. 24 February 2000. – URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/654973.stm – свободный (дата обращения: 10.12.2017).
21. Spaller E. The Political and Economic Transition in Hungary – URL: <http://www.koed.hu/medit/endre.pdf> – свободный (дата обращения: 10.12.2017).

**РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНАУГУРАЦИОННЫХ
РЕЧЕЙ ПРЕЗИДЕНТОВ РОССИИ И США)**

Гарифуллина Диляра Басыровна,

старший преподаватель,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков в сфере
международных отношений Института международных отношений КФУ,*

Казань.

daffodil.77@mail.ru

Аннотация. В данной статье проводится сравнительно-сопоставительный лингвистический анализ инаугурационных речей двух политиков, России и Америки, с целью выявить национальную специфику политического дискурса, проанализировать роль языка в формировании речевого портрета политического лидера. Актуальность исследования заключается в определении «речевого портрета» политика исходя из его менталитета, национальной принадлежности и политического курса. Предметом исследования выступила система лингвистических средств, присущая конкретной языковой личности. На основании сравнительно-сопоставительного анализа произведена попытка понять политическую реальность, реалии современности. Полученные результаты могут найти применение на междисциплинарном уровне в связи с анализом проблем политического дискурса.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, политическая коммуникация, сопоставительный лингвистический анализ.

На сегодняшний день политическая лингвистика является наиболее перспективным направлением лингвистики. Интерес к ней объясняется тем, что исследования в данном направлении носят междисциплинарный характер: здесь интегрируются достижения социолингвистики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, нарративного анализа, стилистики и риторики. Политический язык и политическая коммуникация стали предметом лингвистических исследований сравнительно недавно. В данной области известны исследования таких ученых, как В. Клемперер, Т. Ван Дейк, Н. Фэрклоу, К. Бюлер, А.К. Михальская, В.И. Шаховский, Е.И. Шейгал и др. Западные ученые заинтересовались данным исследованием примерно с послевоенных лет, в нашей стране активный интерес можно отнести к временам начала перестройки. При этом ни в зарубежных, ни в отечественных исследованиях нет общепринятого определения политической коммуникации или дискурса. Для нашего исследования существенным является следующее положение: по Е.И. Шейгал, политический дискурс имеет два измерения: реальное и виртуальное. Под реальным измерением автор понимает сиюминутность речевой деятельности и ее эмоционально-ценностную окрашенность. Виртуальное измерение дискурса, считает Е.И. Шейгал, представляет собой семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, совокупным

денотатом которых является мир политики, тезаурус высказываний, набор моделей речевых действий и жанров, специфических для общения в данной сфере [5, с. 13].

Для нашего исследования большой интерес представляет политический дискурс в реальном измерении, когда говорящий и адресат наделены определенными ролями, в результате чего возникают тексты с учетом влияния на них языковых и неязыковых факторов. Соответственно, здесь можно утверждать, что для политического дискурса в разных социумах характерны черты культурной специфики. [3] Каждая страна обладает своим языком, историей и традициями; своим менталитетом и сформированной столетиями моделью политического общения. Каждый политик находится в определенном лингвокультурологическом пространстве с присущим ему концептосферой. В этом и заключается актуальность исследования.

В данной статье проводится сравнительно-сопоставительный лингвистический анализ инаугурационных речей двух политиков, России и Америки, с целью выявить национальную специфику политического дискурса, проанализировать роль языка в формировании речевого портрета политического лидера.

Предметом нашего исследования выступает система лингвистических средств, присущая конкретной языковой личности.

Материалом для исследования послужили стенограммы инаугурационной речи президента России В. Путина (2018) и президента США Д. Трампа (2017).

Теоретическая значимость исследования связана с выделением набора лингвистических средств, свойственных каждому политику исходя из его жизненного опыта, менталитета и национальной принадлежности.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования ее результатов в курсах по интерпретации текста, а также в различных межъязыковых и межкультурных исследованиях. Полученные результаты могут найти применение на междисциплинарном уровне в связи с анализом проблем политического дискурса.

Сопоставительный лингвистический анализ докладов позволяет выделить определенный набор лексических и синтаксических конструкций и стилистических фигур, свойственных каждому политику.

Если для американцев данная церемония началась с Джорджа Вашингтона (1789), в России первым инаугурационную речь произнес Б. Ельцин (1991), соответственно, для российской политической коммуникации данный жанр новый, формирующийся тип дискурса.

Традиционно инаугурационную речь относят к торжественной хвалебной риторике. По мнению американских исследователей, инаугурационная речь объединяет аудиторию слушателей как единый народ; перечисляет традиционные ценности; излагает политические принципы, которыми будет руководствоваться новая администрация; показывает, что президент ценит требования и ограничения своих исполнительных функций; достигает этих целей при помощи средств, соответствующих торжественной речи, сосредотачивает внимание на настоящем, объединяя прошлое и будущее, восхваляя институт президентства и модель правительства [6, с. 394].

Выступление Владимира Путина состоит из 1263 слов. В его речи доминируют такие словоформы, как Россия (18), наш (28), мы (19), страна (12), президент (12), история (10), отечество и ответственность (6).

Несмотря на обещания быть кратким, речь Дональда Трампа состоит из 1503 слов. Доминирующие словоформы: we (47), our (47), America (34), you (14), all (14), people (10), country (9), president (5). Такие слова, как dream, God, wealth, job, family, относящиеся к американским ценностям, встречаются по 4 раза.

Свою речь В. Путин начинает с обращения: «Уважаемые граждане России! Дамы и господа! Дорогие друзья!» [2]. Изменение словосочетания «уважаемые граждане» к концу обращения на «дорогие друзья» сокращает дистанцию с аудиторией. Затем следует приветствие «всех граждан нашей великой Родины и соотечественников за рубежом, всех, кто смотрит или слушает трансляцию этой торжественной церемонии, всех, кто присутствует здесь, в исторических залах Кремля и на древней Соборной площади» [2].

Д. Трамп начинает свою речь с обращения к присутствующим президентам: Chief Justice Roberts, President Carter, President Clinton, President Bush, President Obama [7], а затем к американцам fellow Americans и людям во всем мире and people of the world. При этом сочетание fellow Americans говорит о партнерстве и принадлежности всех и президента в том числе к одному обществу, подчеркивая равенство всех. Заканчивает свое обращение американский президент словом thank you. Это «спасибо» многозначно: оно может расцениваться как благодарность за предыдущую работу, за то, что проголосовали, за то, что пришли.

Президент России ясно произносит, за что благодарен гражданам России: «От всего сердца благодарю граждан России за вашу сплоченность, за веру в то, что мы можем многое изменить к лучшему. Еще раз хочу сказать спасибо – спасибо за тот уровень искренней поддержки, который вы, граждане России, оказали мне на выборах Президента нашей страны» [2].

Необходимо сказать об использовании местоимений «мы» и «наш» в речи президентов. Эти местоимения являются социальными маркерами. Как правило, основное значение этих местоимений в данном контексте – нация в целом, народ и страна. Таким образом преодолевается дистанция и усиливается контактность между спикером и аудиторией. То, что президенты почти не использовали личное местоимение «я», говорит о приоритете коллективного начала в менталитетах лидеров государств над личностным. Это можно объяснить и типом речи, цель говорящих не является выделение собственного статуса. Посыл обоих президентов – служение народу и сделать все, что в их силах, для процветания нации. Однако следует отметить, что Путин прибегает к эллиптической конструкции замены местоимения «я»: «Считаю своим долгом и смыслом всей своей жизни сделать все для России, для ее настоящего и будущего – мирного и процветающего, для сбережения и продолжения нашего великого народа, для благополучия в каждой российской семье. Заверяю вас, целью моей жизни, работы будет, как и прежде, служение людям, нашему Отечеству». [2] Это делает высказывание менее категоричным. Американский президент произносит личное местоимение «I» единожды: «I will fight for you with every breath in my body and I will never ever let you down.» [7] Высказывание эмоциональное и звучит как торжественное обещание.

Путиным используется тактика апелляции к историческому прошлому: «Мы знаем, что в 1990-е и в начале 2000-х годов наряду с давно назревшими и абсолютно необходимыми историческими переменами на долю нашего Отечества и наших людей выпали очень тяжелые испытания» [2].

«...за более чем тысячелетнюю историю Россия не раз сталкивалась с эпохами смут и испытаний и всегда возрождалась...». [2] Таким образом Путин подчеркивает уникальность и выносливость русского народа.

У Трампа же данная апелляция звучит как критика политики его предшественников: For many decades, we've enriched foreign industry at the expense of American industry; subsidized the armies of other countries, while allowing for the very sad depletion of our military. We've defended other nations' borders while refusing to defend our own. And spent trillions and trillions of dollars overseas while America's infrastructure has fallen into disrepair and decay. We've made other countries rich, while the wealth, strength and confidence of our country has dissipated over the horizon [7].

One by one, the factories shuttered and left our shores, with not even a thought about the millions and millions of American workers that were left behind. The wealth of our middle class has been ripped from their homes and then redistributed all across the world [7].

В речи Трампа активно вербализуются традиционные американские ценности, такие как свобода, любовь к родине и идея сильного национального государства: We must speak our minds openly, debate our disagreements honestly, but always pursue solidarity. When America is united, America is totally unstoppable [7]. Доверие у социума достигается апелляцией к Библии и Богу: The bible tells us how good and pleasant it is when God's people live together in unity [7].

Неотъемлемая часть успешной речи – использование стилистических средств для достижения определенных целей в процессе выступления. Стилистические особенности языка способны усилить влияние выступающего на аудиторию и этим широко пользуются оба президента.

Речевая репрезентация патриотизма Трампом достигается параллельными конструкциями и повторами: Together, we will make America strong again. We will make America wealthy again. We will make America proud again. We will make America safe again. And yes, together we will make America great again. We share one heart, one home, and one glorious destiny [7]. Анафорический повтор лексических единиц America, American усиливает чувство патриотизма: From this day forward, it's going to be only America first, America first. We will get our people off of welfare and back to work, rebuilding our country with American hands and American labor. We will follow two simple rules; buy American and hire American [7].

Речь Путина также изобилует параллельными конструкциями и повтором: «Но история не прощает только одного: безразличия и непоследовательности, расслабленности и самоуспокоенности, особенно сегодня, в переломное время, в переломную эпоху, в эпоху бурных изменений во всем мире. Еще раз хочу сказать спасибо – спасибо за тот уровень искренней поддержки, который вы, граждане России, оказали мне на выборах Президента нашей страны» [2]. Особую эмоциональность и ритм придает речи градация: «Новое качество жизни, благополучие, безопасность, здоровье человека – вот что сегодня главное, вот что в центре нашей политики. Именно в гармоничном единстве свободного гражданина, ответственного гражданского общества и сильного, дееспособного, демократического государства вижу прочную основу для развития России» [2].

Трамп акцентирует внимание на смену политического курса при помощи антитезы: Washington flourished, but the people did not share in its wealth. Politicians prospered, but the jobs left and the factories closed. The establishment protected itself, but not the citizens of our country. Their victories have not been your

victories. Their triumphs have not been your triumphs. And while they celebrated in our nation's capital, there was little to celebrate for struggling families all across our land [7].

Инверсия, в свою очередь, обращает внимание на то, что настало время перемен: From this day forward, a new vision will govern our land. From this day forward, it's going to be only America first, America first [7].

Нынешнее состояние Америки ярко описывается метафорой: ...mothers and children trapped in poverty in our inner cities; rusted out factories scattered like tombstones across the landscape of our nation; an education system flush with cash, but which leaves our young and beautiful students deprived of all knowledge; and the crime and the gangs and the drugs that have stolen too many lives and robbed our country of so much unrealized potential [7].

Сравнение scattered like tombstones ярко описывает кризис промышленности.

Вполне поэтичным можно назвать отрывки о равноправии американцев: ...whether we are black or brown or white, we all bleed the same red blood of patriots. And whether a child is born in the urban sprawl of Detroit or the wind-swept plains of Nebraska, they look up at the same night sky, they fill their heart with the same dreams, and they are infused with the breath of life by the same almighty creator [7].

В русской речи метафора так же подчеркивает негатив, связанный с бюрократией: «...такой рывок способно обеспечить только свободное общество, которое воспринимает все новое и все передовое и отторгает несправедливость, косность, дремучее охранительство и бюрократическую мертвечину – все то, что сковывает людей, мешает им в полной мере раскрыться...», а достижения страны сравнивает с трамплином к новым свершениям: «Россия достигала таких высот, которые другим были не под силу, считались недостижимыми, а для нашей страны, напротив, становились новым трамплином, новым историческим рубежом для дальнейшего мощного рывка вперед» [2].

Сравнение с птицей феникс подчеркивает выносливость и бессмертие России: «...за более чем тысячелетнюю историю Россия не раз сталкивалась с эпохами смут и испытаний и всегда возрождалась, как птица феникс...» [2].

Россия часто персонифицируется Путиным: «Россия – сильный, активный, влиятельный участник международной жизни...» [2].

Речь Путина отличительна такими эпитетами, как «гармоничное общество, сложный поиск, переломное время, бурные изменения, искренняя забота, смелые мечты, прорывное развитие, мощный рывок».

Не лишена эпитетов и речь американского избранника: glorious freedoms, peaceful transfer of power, crucial conviction, safe neighborhoods, great schools, reasonable demands.

С лексической точки зрения следует подчеркнуть использование Трампом синонимов, что, впрочем, является свойственным всем англоговорящим спикерам: great prosperity and strength, friendship and goodwill, good and pleasant, thrive and prosper.

Для Путина типично использование устойчивых фраз: «собрав волю в кулак, по плечу сложные задачи, отстаивать интересы». Излюбленная фраза «Времени на раскачку нет» так же произносится. Интересно использование им архаизма «радеет за страну». Это подчеркивает торжественность ситуации и придает речи гражданско-патриотический оттенок.

В заключение американский избранник акцентирует внимание на будущем процветании Америки. Он благодарит американскую нацию и как это принято, обращается к всевышнему God bless you. And God bless America! [7].

Д. Трамп как бы «передает» власть в руки народа, его мысль ясна: отныне американцы будут сами принимать решения и все действия будут свершаться сначала для американцев, а уже после будет оказана помощь другим странам. Речь Трампа, скорее, агрессивна и категорична, он обещает стереть с лица земли терроризм и искоренит ту несправедливость, к американцам которая существовала до того дня, как его избрали президентом страны.

В. Путин заканчивает речь обещанием сделать все, что в его силах, чтобы Россия стала успешной страной. Его речь заключается в призыве к участию всех и каждого в построении будущего России; вопреки трудностям, выпавшим на долю русского народа, следует «двигаться вперед». Так же подчеркивается приоритет в экономическом, социальном развитии внутри страны.

В целом следует отметить, что при разных способах выражений и методов обе речи интерпретируются одинаково; цели и задачи президентов – привести страну к процветанию и сделать нацию счастливой.

Данный анализ лингвистических средств позволяет вникать в политическую реальность, реалии современности. Инаугурационное выступление является отражением политической эпохи, языковых и национально-специфических особенностей. Это, как правило, тщательно подготовленная речь, детально продумана и ориентирована на определенного слушателя. В манере проведения мероприятия и стиле доклада отражается история государства, ее политика и менталитет, сформированный в различных условиях развития и становления.

Литература

1. Алешина Е.Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации / Е.Ю. Алешина. – М.: Прометей, 2015. – 220 с.
2. Владимир Путин вступил в должность Президента России. – URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 27.04.19).
3. Генералова С.Н. Понятие «политический дискурс» в лингвокультурологической парадигме / С.Н. Генералова. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 1.05.19).
4. Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Дейк; пер. с англ. – М.: 1989. – 312 с.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. 326 с.
6. Campbell K.K, Jamieson K.H. Inaugurating the presidency / Presidential studies quarterly. – V. 10. – NY, 1981. – 394–411 p.
7. The Inaugural Address. – URL: <https://www.whitehouse.gov> (дата обращения: 27.04.19).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Иванова Татьяна Константиновна,

*доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков в сфере международных
отношений Института международных отношений КФУ, Казань.*

Tatiana.ivanova@kpfu.ru

Матушевская Галина Васильевна,

*кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков в сфере международных
отношений Института международных отношений КФУ, Казань.*

galamatou@yandex.ru

Лазарев Артем Валерьевич,

*преподаватель,
преподаватель кафедры иностранных языков в сфере международных
отношений Института международных отношений КФУ, Казань.*

artiom.lazarev.fr@gmail.com

Аннотация. В исследовании речь идет о структурировании лингвистического анализа текстов политической направленности с целью выявления основного идейного содержания на лексическом уровне и его выражения в тексте. В зависимости от социальной группы, в которой на данный момент происходит коммуникация, от целей коммуникации меняется лингвистическое выражение содержания. Лексические единицы в данных текстах неразрывно связаны с ассоциативным полем носителей данной культуры. Анализ политического текста, построенный без учета данной специфики, будет неполным. Данная особенность может привести к искажению первоначального смысла и недопониманию. В ходе исследования разрабатывались критерии лингвистической объективации идеологической направленности текста. Для подтверждения объективности полученной информации был сделан лингвистический анализ текстов политической направленности по тематике Столетия празднования окончания Первой мировой войны, в ходе которого была уточнена последовательность выполнения отдельных этапов анализа политического текста с учетом его специфики и описано их содержание по предлагаемой авторами исследования схеме.

Ключевые слова: политический текст, лингвистические особенности, схема анализа.

Рост влияния различных политических течений и движений на социальные институты и общественную жизнь в целом обуславливает повышенный интерес к политическому тексту как лингвистическому явлению. Изучению текстов политической направленности с различных точек зрения посвящены работы социолингвистов, политологов, психологов, языковедов. При этом исследователи считают, что политика как сфера социальной жизни непосредственно влияет на мышление и определяет не только нравственные

и моральные поступки людей, но и имеет материальное выражение. Поэтому изучение политического дискурса представляет интерес для междисциплинарных и межкультурных исследований. Анализ содержания политических текстов в настоящее время настолько разнообразен, что необходимо пересмотреть сам подход, при котором схемы и методы анализа политических и интернет-текстов существуют в разных научных дисциплинах как самоцель.

Во многих работах, связанных с текстами политической сферы, отмечается, что состоящий из предложений или их фрагментов дискурс сконцентрирован вокруг некоторого «опорного» концепта, называемого «дискурсным топиком» [Демьянков 2002]. Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы побудить членов человеческого сообщества к совершению ими определенных целенаправленных действий или оценок происходящего положительной направленности – своеобразного одобрения [Bailey 1985: 104]. Поэтому политический дискурс является объектом лингвистического изучения как вторичная языковая подсистема с определенными функциями, терминологией и коммуникативным воздействием [Гаврилова 2002].

Лингвистическое изучение политического дискурса проводится с помощью критического, когнитивного, описательного и количественного методов. С идеологической точки зрения выбор слов и выражений является необычайно важным инструментом власти для структурирования той «действительности», о которой идет речь [Блакар 1987: 103]. Поэтому в качестве ведущих методов при проведении данного исследования были выбраны описательный и критический.

Исследователи отмечают, что политический дискурс контролируется основными известными идеологиями, на идейной платформе которых идет формирование социальных позиций индивида, с одной стороны, и личными эмоциями, вызываемыми конкретными событиями и ситуациями, с другой стороны. Фактическая информация при этом воспринимается как достоверная лишь при наличии эмоционально созвучных адресату авторских установок: «Доверительное отношение возможно, если сообщение не затрагивает интересов автора, не является предметом его пристрастий, если свидетельство не наносит ущерб автору, носит характер исповеди, либо данные в момент записи были общеизвестны или не существенны с точки зрения автора, но значимы для исследователя. Доверие вызывает и сообщение, вступающее в противоречие с предполагаемыми исследователем установками автора» [Попова 2002: 66–67].

Материалом исследования послужили политические тексты немецкого и французского языков, имеющие тематикой оценку событий празднования на территории Евросоюза Столетия окончания Первой мировой войны. Кроме распространенного универсальности метода контент-анализа для исследования текстов политической направленности и для воссоздания целостного представления об основных идеях в ходе исследования были применены так называемые методы неформализованного анализа [Алтунян 2006: 48–52]. Интерпретация содержания текстов, посвященных событиям празднования Столетия окончания Первой мировой войны, проводилась поэтому по данной схеме. С помощью ответов на следующие вопросы: «Какие проблемы являются для автора важнейшими?»; «Есть ли в статье предполагаемые пути решения?»; «Кому адресовано данное сообщение?»; «Чье мнение для автора представляется авторитетным, на кого он ссылается?»; «Какую политическую или социальную

группу представляет автор?», «Как сам автор определяет свою позицию в политическом поле?»; «Кто союзники и кто противники автора?»; «Как позиция автора интерпретируется в связи с текущим моментом, а также с проводимой данной социальной или политической группой политикой?»; «С кем автор ведет полемику и по каким вопросам?»; «Что нового содержит текст по отношению к балансу политических сил?»; «Как и в какую сторону автор стремится изменить мнение адресата текста?». Данные вопросы были сформулированы для создания представления как проводился анализ, так как тексты политической публицистики имеют такие особенности, как пространственно-социальная организация, документализм, содержательность, официальность изложения, аксеологичность и экспрессивность [Коньков 2013].

Анализ используемых автором средств и приемов был сделан по распространенной схеме с описанием риторических, стилистических и графических средств, использованных в тексте; затем следовало описание образов автора, адресата, оппонентов и союзников. Далее проводилась оценка идей и предполагаемых посылок, которыми руководствуется автор текста с последующей реконструкцией его политических ценностей, установок и предпочтений с ответами на вопросы: «Как автор позиционирует политических игроков в символическом пространстве “я” – “мы” – “они”?»; «Как и с помощью каких характеристик представлены в тексте субъекты действия?»; «Возникает ли на фоне прочитанного у адресата текста образ врага (кто враг и какой он)?»; «Какие способы аргументации (обращенные к логике или эмоциям) использованы в тексте и какими средствами они выражены?».

Как свидетельствует проведенный нами контент-анализ основных концептов, представленных в текстах, преобладающий настрой во французских и немецких источниках – это сожаление и печаль от гибели сотен тысяч людей на фронтах Первой мировой войны, второе по значению место занимает идея о войне как об ужасном событии, которое не должно повториться, и наконец, третья позиция представлена идеей последствий или уроков, которые Европа и, шире, весь мир должны извлечь из этого.

В текстах используются и хорошо знакомые среднестатистическому человеку слова, создающие идеологический контекст в зависимости от политической направленности. Стилистический эффект от использования данных слов создается как за счет многократного повторения подобных слов и их производных, так и за счет эксплицитного или имплицитного подчеркивания положительных характеристик своих сторонников и уничижительных характеристик идеологических противников.

В ситуации конкурентной борьбы и большого количества игроков на политической арене победа отдельных политиков гарантирована лишь при условии критики своих оппонентов. В рамках оппозиции «свой – чужой» политик представляет собой обобщенного носителя ценностей «своей» группы, являющейся его потенциальным электоратом, и защищает данные ценности от посягательств со стороны «чужаков» или «врагов», придерживающихся иных ценностных ориентиров: оппозиция «свой – чужой» направлена на консолидацию со «своей» целевой аудиторией и дистанцирование от «чужой» [Юлдашбаев 2011].

Для успешного осуществления политической борьбы используются, как правило, две основополагающие стратегии ведения политического дискурса. Речь идет о стратегии позитивной самопрезентации [Ван Дейк 2013], или стратегий на

повышение – понижение [Михалева 2009]. Следует подчеркнуть, что обе стратегии дополняют друг друга. Проанализировать данное явление в текстах можно методом контент-анализа текста [Аласания 2015].

Таким образом, для интерпретации политического дискурса в его целостности требуется не только анализ лингвистических особенностей, но и предыстории создания текста, социально-исторического фона, намерений автора, его скрытых мотивов, выстраивания сюжетной линии, ожиданий аудитории и шаблонов написания текстов. В противном случае интенции и цель политического дискурса могут быть неверно поняты. Поэтому, несмотря на наличие различного рода схем анализов политического текста, лингвистический анализ политического текста можно осуществлять лишь в совокупности с ними.

Литература

1. Аласания К.Ю. Методы анализа политического текста / К.Ю. Аласания // Электронное научное издание «Альманах Пространство и Время». – 2015. – Т. 10. – Вып. 1: Пространство и время текста. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/metody-analiza-politicheskogo-teksta>
2. Алтунян А.Г. Анализ политических текстов: учеб. пособие / А.Г. Алтунян. – М.: Университетская книга; Логос, 2006. – 384 с.
3. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирическое исследование языка и его использования в социальном контексте / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 88–125 [R.M. Blakar. Language as a means of social power. – In: Pragmalinguistics, J. Mey (ed.). The Hague–Paris, Mouton, 1979. – P. 131–169.]
4. Ван Дейк Тен А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Тен А. ван Дейк. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
5. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического текста / М.В. Гаврилова // Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований. – СПб: СПбГУ, 2002. – Вып. 3. – С. 88–108.
6. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – № 3. – М., 2002. – С. 32–43. – URL: <http://philology.ru/linguistics1/demyankov-02.htm>
7. Коньков В.И. Речевые технологии в массовой коммуникации: учеб. пособие / В.И. Коньков. – СПб.: РГГМУ, 2013. – 108 с.
8. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
9. Попова О.В. Методика и техника эмпирических политических исследований: учеб.-метод. пособие / О.В. Попова. – СПб., 2002. – С. 66–67 https://studme.org/79364/zhurnalistika/metody_analiza_tekstov_politicheskoy_zhurnalistikia#gads_btm
10. Юлдашбаев А.Ф. Особенности выражения концепта СВОЙ-ЧУЖОЙ в современных англоязычных фильмах / А.Ф. Юлдашбаев // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – № 18 (113). – Вып. 11. – С. 164–170. – URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/3907>.

11. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller eds. Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984. – Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. – P. 77–174.

Сведения об авторах

Андреева Анастасия Вячеславовна – магистрант кафедры международных отношений Университета управления «ТИСБИ», Казань.

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич – PhD, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.

Белоглазов Альберт Владиславович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.

Гарифуллина Диляра Басыровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Института международных отношений КФУ, Казань.

Гришин Яков Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.

Дуженький Василий Васильевич – магистрант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.

Иванова Татьяна Константиновна - доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Института международных отношений КФУ, Казань.

Коломыц Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.

Лазарев Артем Валерьевич – преподаватель кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Института международных отношений КФУ, Казань.

Летяев Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук профессор, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.

Матушевская Галина Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Института международных отношений КФУ, Казань.

Надыров Рустем Нилевич – аспирант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.

Пеньковцев Роман Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.

Сакаев Василь Тимерьянович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.

Тимирханова Алия Альфировна – магистрант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.

Халитова Гульназ Ильдусовна – магистрант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.

Циунчук Рустем Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.

Шарафутдинов Денис Радиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.

Шумихина Анастасия Сергеевна – студентка кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений КФУ, Казань.

АНДРЕЙ ГРОМЫКО И СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОТИВОСТОЯНИЙ

*1 Международный научный форум
по проблемам глобальной безопасности*

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в работе I Международного научного форума «**Андрей Громыко: советская дипломатия в эпоху глобальных противостояний**», который состоится с **10 октября – 15 октября 2019 года** в Институте международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета по адресу: г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55, (тел. 8 (843) 292-71-84, info@kzndiplomat.ru).

Организаторы форума: Ассоциация внешнеполитических исследований им. А.А. Громыко, Российское историческое общество, Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, Институт Европы РАН, Институт США и Канады РАН, Институт Латинской Америки РАН, Институт Востоковедения РАН, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ, Институт международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Аннотация: Проведение форума приурочено к 110-й годовщине со дня рождения выдающегося советского дипломата, министра иностранных дел СССР Андрея Андреевича Громыко. Позитивные результаты усилий А.А. Громыко, направленные на поддержание глобальной системы безопасности, особенно актуальны в современную эпоху больших противоречий и требуют глубокого и системного анализа. Исторические заслуги А.А. Громыко имеют актуальное значение для подготовки молодого поколения ученых-международников. Основное внимание уделяется важнейшему аспекту современных международных отношений – глобальной безопасности, в первую очередь, проблемам в политической, военной, экономической и других сферах, представляющих стратегическое значение для обеспечения национальных интересов и безопасности Российской Федерации.

Планируется обсуждение следующих вопросов:

Роль ООН, международных организаций в обеспечении безопасности и сотрудничества в мире, Европе и в странах Востока с 1945 года по настоящее время.

Ядерное разоружение и безопасность: политика сверхдержав и международное сотрудничество.

Энергетическая безопасность и международная политика.

Проблемы безопасности в Латинской Америке: перспективы БРИКС.

Ближний Восток в bipolarную и постсоветскую эпохи.

Контуры архитектуры полицентричного мира: Россия, США, Китай, Евросоюз, Латинская Америка.

Международное право перед лицом новых вызовов.

Медиа-дипломатия и политическая лингвистика в современных реальностях и в ретроспективе мировой политики.

Культурная дипломатия в системе международной безопасности.

Научный форум включает:

1. Международную научную конференцию по проблемам глобальной безопасности «Чтения имени А.А. Громыко» – *10–11 октября 2019 года.*

2. Международную школу молодых исследователей международных отношений имени Андрея Громыко, в программе которой лекции историков-международников об исторических событиях этого периода, с участием ученых из Института Европы РАН, Института США и Канады РАН, Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО), Института Латинской Америки РАН, Института востоковедения РАН – *10–15 октября 2019 года.*

3. Дискуссионную панель на УНИВЕР-ТВ КФУ «Победы советской дипломатии эпохи А.А. Громыко», с участием Института Европы РАН, Института США и Канады РАН, ИМЭМО, ИЛА РАН, Института востоковедения РАН – *10–11 октября 2019 года.*

4. Интеллектуальные соревнования среди студентов и школьников, направленные на определение знатоков периода истории, связанного с государственной деятельностью А.А. Громыко в 1939–1988 годах. – *10–11 октября 2019 года.*

5. Историко-аналитическую реконструкцию международных событий эпохи А.А. Громыко (ситуационное моделирование международных кризисов и созданных алгоритмов их урегулирования): арабо-израильские войны, Карибский кризис, индо-пакистанский конфликт, Вьетнамская война, Женевская конференция 1979 года, Парижское соглашение 1973 года, Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (1973–1975 годы) – *14–15 октября 2019 года.*

6. Специальные выпуски журналов «Международные отношения и общество» и «Казанский вестник молодых ученых».

7. Выставку книг Научной библиотеки КФУ им. Н.И. Лобачевского о советской дипломатии эпохи А.А. Громыко.

8. Показ документальных фильмов о советской дипломатии эпохи Громыко.

Сопредседатели Форума:

Гафуров Ильшат Рафкатович – ректор Казанского федерального университета.

Громыко Алексей Анатольевич – директор Института Европы РАН.

Рабочие языки форума: русский, татарский, английский.

Подробная информация о процедуре регистрации для участия в форуме будет размещена на сайте по адресу: <https://kzndiplomat.ru/nauka/> с 1 июня 2019 года.

Для принятия решения об участии Оргкомитет рекомендует направить тему и тезисы выступления (450–500 слов) в срок до 1 июля 2019 года.

Тексты статей для подготовки выпуска журнала к началу Форума необходимо направить в Оргкомитет после получения Приглашения для участия в срок до 1 августа 2019 года.

Мероприятие проводится при финансовой поддержке Фонда «История Отечества», Института международных отношений КФУ, Института археологии имени А.Х. Халикова АН РТ (получатель гранта: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Институт культурного наследия и управления»).

IX Международный форум «Ислам в мультикультурном мире» Россия, Казань, 2019 год

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в работе IX Международного форума «Ислам в мультикультурном мире», который состоится осенью 2019 года (ориентировочно: конец сентября – начало октября) в Казанском (Приволжском) федеральном университете на базе Института международных отношений по адресу: г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55, (тел. 8 (843) 292-71-84, islamforum.kpfu@gmail.com).

Организаторы форума: Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт востоковедения Российской академии наук, Центр исламоведческих исследований Академии наук Татарстана, Духовное управление мусульман Российской Федерации, Духовное управление мусульман Республики Татарстан, Болгарская исламская академия, Российский исламский институт (г. Казань), Московский исламский институт.

Проведение столь значимого для Казанского университета и Республики Татарстан мероприятия международного уровня способствует взаимодействию научных школ, религиозных и светских институтов и эффективной реализации государственной политики в области межконфессиональных и межэтнических отношений и обусловлено стремлением к популяризации академическим сообществом программы развития исламского и исламоведческого образования. Форум проводится в целях показать аудитории и широкой общественности принципиальную разницу между толерантными традициями российских мусульман и риторикой псевдорелигиозных течений; дать представление о развитии богословской и правовой мысли исламского и тюрко-мусульманского мира, в том числе заложенной в трудах ведущего отечественного богослова и историка Ш. Марджани; развить идеи видных российских государственных деятелей, А.А. Громыко и Е.М. Примакова.

Планируется обсуждение следующих вопросов:

1. Международные аспекты развития отечественного и зарубежного ислама в контексте современных международных отношений и глобальных политических процессов в мусульманском мире и на Ближнем Востоке.
2. Противодействие распространению идеологии экстремизма в молодежной среде, изучение характера идеологического противостояния традиционного ислама и квазирелигиозных объединений.
3. Использование современных научных подходов в ходе мониторинга состояния мусульманского сообщества субъектов Российской Федерации.
4. Развитие традиций российского исламского богословия, утверждающего ценности равноправия людей и гражданского общества в рамках коранической традиции, противостоящей тоталитаризму и псевдорелигиозному сектантству.

5. Традиции мусульманской цивилизации и мусульманского тюркского мира в частности.

6. Коммуникативные стратегии межкультурного дискурса в современном медиа-пространстве.

7. Дети-мусульмане в системе общего образования: российский и международный опыт.

8. Проекция исламских духовных ценностей в художественных образах: наследие и будущее.

9. Исламская психология: современное состояние и перспективы развития и другие направления тем.

В рамках форума предполагается проведение Пленарного заседания, международных и всероссийских научно-практических конференций, круглых столов с участием видных зарубежных и отечественных ученых, исламоведов, представителей органов власти и управления Российской Федерации и Республики Татарстан, лидеров духовных управлений РФ и РТ, мусульманского сообщества России и Татарстана, российских исламских образовательных учреждений.

Рабочие языки форума: русский, татарский, английский, арабский.

Просим высылать заявки для участия в форуме и тезисы (450–500 слов) с указанием названия темы доклада, полных ФИО, места работы, научной степени и должности на эл. адрес: islamforum.kpfu@gmail.com

Телефон оргкомитета: 8 (843) 292-71-84.

IRS
INTERNATIONAL RELATIONS
AND SOCIETY

Volume 1(1), 2019